

Сергей Черемнов

ТВОРЧЕСКИЕ ЛЮДИ

очерки

зарисовки

статьи

эссе

Книга третья

г. Кемерово
2023

Новая книга «Творческие люди. Книга третья» – завершающая часть трёхтомника оригинальных очерков, зарисовок, статей и эссе о журналистах, писателях и поэтах, художниках, актёрах, учёных и путешественниках Кузбасса. Три тома издания вобрали в себя десятки имён знаменитых земляков автора, ставших признанными мастерами различных творческих профессий.

В третий том вошли материалы об известном художнике-графике Василии Кравчуке, телеведущем Юрии Светлакове, декане журфака КемГУ Анатолии Клишине, музееведе Ларисе Мызиной, киноактёре и каскадёре Александре Карине, поэте Владимире Берязеве и других.

По традиции особое место в книге отведено журналистам. Том 3 продолжил историю журналистики Кемеровской области, которую многие годы исследует автор на примерах жизни и деятельности профессионалов средств массовых коммуникаций Кузбасса и России.

12+

Творческие люди. Очерки, зарисовки, статьи, эссе. Книга третья
С. Черемнов. – Кемерово, 2023. – 227 с.

Глава 1.

В памяти –

их имена

Василий Кравчук. Книга на ладони

В моём книжном шкафу есть целая полка изданий, которыми я особо дорожу. Это книги, сделанные вместе с известным кузбасским художником, графиком, книжным дизайнером Василием Петровичем Кравчуком. Их почти два десятка.

Здесь книги о Кузбассе («Наш общий дом», 2006; «На одной земле», 2009), о социальных проблемах («Не оставим в беде», 1998), о журналистах («Журналистика Кузбасса: строки истории», 2008; «Золотое перо Кузбасса», 2009; «Овеянные славой дороги в сорок пятый», 2010), о политиках («Первый народный губернатор», 1998), на темы экономики («Кузбасс – Китай: новые грани сотрудничества», 2005), фотоальбомы («Харизма», 2008; «Истоки, дороги, встречи» 2009).

Есть среди них и мои литературные и фотоопусы: сборник рассказов «На картошку» (2015), «Миры и мироздания» (2005), «Фоторакурсы» (2007).

Это было целое десятилетие доброго творческого сотрудничества. С Василием всегда работалось легко и интересно.

Настоящий мастер своего дела, талантище – он никогда не кичился своим умением, всегда относился к людям с уважением и терпением. Хотя среди его заказчиков было немало необычных людей...

1.

Сельских пацанов-сверстников маленький Вася не сторонился, но и не очень любил их громкие и суетные игры в догоняшки или в войну. Чаще всего его тянуло за село – на левый гористый берег речки Роси или Роськи, как называют её здешние, на котором раскинулось его родное село Косовка – центр сельского совета Володарского района Киевской области.

Он выбирал точку, откуда хорошо просматривался противоположный берег, низменный, луговой, и, приставив к глазам ладонь, рассматривал пойменную даль, любовался разнотравьем и полной грудью вдыхал чистый, напоенный ароматами трав, воздух. Хорошо!

А какие здесь замечательные места! – радовался мальчишка. Возле их села в Рось впадает ручей с чудным названием Руда. Ручей втекает в реку наискось, отчего, видно, и повелось название села, и делит поселение на две части. Задержанные широкой плотиной, ручьевые воды образовали огромный пруд – целое водохранилище, которое летом прогревается так, что купаться в нём – одно удовольствие.

Василий озирает с пригорка это великолепие и в свои семь лет думал-мечтал, как лучше запечатлеть эту красоту на бумаге. Рисовать он начал с тех пор, как научился держать в руках карандаш. К изумлению родных и близких, получалось у него очень хорошо. Разглядывали его карандашные наброски и качали головами: Бог наградил мальчика талантом!

Василий искренне был влюблен в свою малую Родину, в её белые хаты с прозрачными яблоневыми палисадниками, аккуратные улочки, Свято-Покровскую церковь, в своих трудолюбивых родных, близких и соседей – взрослых тёток и дядьёв, которые целыми днями трудились в колхозе и в домашних хозяйствах, пахали и сеяли зерновые и сахарную свёклу, косили траву, растили скотину. И, конечно, воспитывали детей. В послевоенные годы в Косовке, где обитало около тысячи человек, да и во всём Среднем Поднепровье, проживало немало многодетных семей.

И Косовка, расположенная за 15 километров от районного центра и примерно на таком же расстоянии от железнодорожной станции Тетиев, с ранней весны и до поздней осени звенела детскими голосами.

На станцию косовские жители приезжали продавать выращенные на огородах овощи. Возвратясь потом домой, взрослые рассказывали истории о больших поездах и о необычных пассажирах. Слушая эти разговоры, Вася фантазировал, что, когда вырастет, сядет в поезд и отправится посмотреть мир: доедет хоть до Белой Церкви или до Киева, что километрах в 120 от Косовки, или хоть до самой Москвы.

Нынешнее лето было последним «вольным» летом у нашего Василия. Осенью отец обещал отдать его в школу – было в селе своё учебное заведение. И радостно было мальчишке, и грустно. Радовало, что, кроме школы, сможет ходить в библиотеку, брать там книги. Книги были особой страстью мальчика. Едва выучив буквы и слоги, старательно прочитывал он слова в тех немногочисленных книжках, что были у них дома. И с удовольствием разглядывал книжные картинки. А грустил потому, что

беззаботные пацаньи деньки отойдут в прошлое, появятся новые, непростые школьные обязанности.

А пока что надо наслаждаться погожими летними деньками, путешествовать по окрестностям. С ребятами он бредёт по берегу ручья. Они доходят до Рудого Села, что в четырёх километрах от Косовки. А там – старинный каменный дворец с колоннами, построенный когда-то местным паном, смотрит на мир пустыми глазницами окон, зарос кустами и лебедой. Пацаны любят полазить на его чудных развалинах. Побегать в догоняшки или сыграть в прятки в дворцовом парке. А Васе этот, богатый когда-то, дом видится причудливым сказочным строением, изображение которого так и просится на бумагу, может быть, даже и на холст...

2.

Все легенды о Поднепровье сходятся в одном: благодатная земля. И урожаи здесь всегда были знатные. И немало родила она талантливых людей – поэтов и писателей, скульпторов и художников. Василий Кравчук – один из них.

В своей автобиографии он записал: родился 12 ноября 1948 года на Украине в небольшом селе Косовка, что недалеко от города Белая Церковь.

В многодетной семье родителей-колхозников было шестеро детей. Его отца, Петра Карповича Кравчука 1906 года рождения, и в селе, и окрест хорошо знали. Он участвовал в Великой Отечественной войне, был в окружении, попал в плен, прошёл лагеря. Но всегда пользовался уважением земляков за «золотые руки»: мог изладить буквально всё на свете. Деревенский механик Пётр Карпович не отказывался ни от какой работы, чтобы семья не имела нужды. Работающей была и мама Василия Таисия Михайловна, родившаяся в 1910-м: в большой семье и при немалом хозяйстве по-иному и жить было невозможно...

Старшие дети Кравчуков с малых лет также приучались к работе – трудились в колхозе. Один их старших братьев Василия был трактористом в тракторной бригаде. Удивительно, с каким пониманием и любовью вся семья относилась к таланту младшего Василия. Ему потакали и помогали во всём. Видя его страсть к рисованию, отец, как мог, оберегал своего любимца, «послевоенного хлопчика», как ласково называл младшего сына, от тягот и забот. А старший Васин брат носил его рисунки на работу, не скрывая гордости, показывал их в тракторной бригаде.

Вася тоже рос трудолюбивым хлопцем, мог работать – «працювати» говорили здесь – часами напролёт. Только дело у него было особенное – он рисовал. Его карандашные рисунки и первые акварели были повсюду: в родительском доме, в школе, в местном клубе.

Кроме рисования, одними из его любимых школьных предметов были литература и история. Прикосновения к древности волновали его и разжигали воображение и любопытство. Он живо интересовался описанием древних находок археологических экспедиций, которые вблизи Косовки исследовали курганы времён Киевской Руси.

Особый интерес у подросшего мальчишки вызвала поездка с отцом в Белую Церковь. Зарождение этого большого, промышленно и культурно развитого города

с населением около ста тысяч человек, где есть настоящий краеведческий музей, драматический театр, фабрики и заводы, уходило корнями в седую древность.

Парнишка вычитал, что впервые название Белая Церковь упоминалось в Ипатьевской летописи 1115 года. Первое городище здесь было основано князем Ярославом Мудрым как крепость для защиты от кочевников. А по одной из версий название Белой Церкви пошло оттого, что, когда монголо-татары сожгли местное поселение дотла, на горе осталась только белокаменная церковь, она и дала имя городу.

Учитель на уроке родной речи прочитал детям отрывок из поэмы Александра Сергеевича Пушкин «Полтава»:

«Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо. Звёзды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады,
И старый замок озаряет
И тихо, тихо всё кругом...

Василий потом отыскал в библиотеке это замечательное произведение и «проглотил» целиком. Поэма произвела на него необычайное впечатление. И при новом посещении города он уже с пониманием осматривал белокаменные храмовые постройки, искал и находил ответы на вопросы о сложной городской биографии, растянувшейся на многие века. Резких, порой трагических поворотов в судьбе города и его жителей было немало. В 60-е годы XIV века Белая Церковь вместе с Киевским княжеством была присоединена к Литве. А во второй половине XVI века вошла в состав Речи Посполитой. Постепенно городок превратился в заметный торгово-ярмарочный центр на бойком торговом пути. К середине XVII века стал одним из важнейших опорных пунктов казацкого войска. Долгое время сам Богдан Хмельницкий со своими основными силами располагался в Белоцерковском замке, рассылая по всей Украине призывы к борьбе. В конце XVIII века город присоединился к России. И на долгое время он стал вотчиной семьи польского рода Браницких, тех самых, развалины дворца которых не раз видел мальчишка в соседнем с Косовкой Рудом Селе.

Тяжёлым катком прошла по Белой Церкви лютая Гражданская война. В годы Великой Отечественной город 902 дня находился в тяжелейшей немецкой оккупации. Узнавая эти непростые подробности, впитывая в себя дух и образы былых времён, Вася пытался изобразить на бумаге фигуры былинных богатырей, удалых казацких воинов, солдат Красной Армии, дома с колоннами, маковки церквей. Он пытался нарисовать историю.

В старших классах Василий уже не сомневался, что хочет стать профессиональным художником. В 1965-м, сразу по окончании школы-девятилетки решил отправиться в «Мать городов русских» – великий Киев. Именно здесь находился художественно-

промышленный техникум (сегодня – Киевская государственная академия декоративно-прикладного искусства и дизайна имени Михаила Бойчука), который и выбрал наш выпускник.

Вася был наслышан об этом учебном заведении – слава о нём давно вышла за пределы Украины. Происхождение техникума берёт начало с Киевской рисовальной школы, основанной в 1875 году художником-педагогом Николаем Мурашко. В 1901 году школу преобразовали в художественное училище, которое находилось в подчинении Петербургской академии художеств. А ещё через два десятка лет – в Киевское училище прикладного искусства. Оно-то в начале 1960-х и переросло в художественно-промышленный техникум с двумя отделениями – художественного конструирования и художественного оформления.

В разные годы здесь преподавали известные таланты: народный художник УССР Д. Ф. Головка, заслуженный деятель искусств республики М. А. Примаченко, заслуженные мастера народного творчества УССР П. И. Глуценко, Т. А. Пата, а также мастера А. П. Грядунова, Т. М. Флору, А. В. Казанцев.

Из стен учебного заведения вышли такие светочи украинской и русской живописи, как Анатолий Галактионович Петрицкий, график, сценограф, педагог, академик АХ СССР, народный художник СССР, лауреат двух Сталинских премий; Аристарх Васильевич Лентулов, художник, живописец, сценограф, один из родоначальников русского авангарда; Александр Александрович Осмёркин, художник и педагог, участник художественной группы «Бубновый валет», профессор живописи и руководитель персональной мастерской Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Произведения воспитанников и преподавателей техникума хранят музеи России, Украины, Германии, Австралии, США, Канады, Италии, Польши, Румынии, Венгрии, Японии, Сирии, Чехии и других стран.

Так что учиться здесь считалось очень престижно. Преподавательский состав техникума отвечал самым высоким требованиям. Васю Кравчука на киевской улице Киквидзе (ныне улица Михаила Бойчука), где располагался техникум, будто бы ждали. Парень успешно выдержал все вступительные экзамены и конкурсы и стал студентом отделения художественного оформления.

Василий Петрович, не раз вспоминая учёбу в КХПТ, обязательно подчёркивал, что именно там – на Киквидзе, дом 32 – проходили незабываемые годы его юности. Здесь была дружеская и творческая атмосфера, был мир художников – «своих людей», здесь дышалось свободно.

Среди поступивших с Василием одноклассников были всякие по уровню знаний и таланту, некоторые имели хорошую подготовку в художественном отношении. Вместе с тем, Кравчук в своей группе считался одним из лучших. Учился старательно, тщательно вникая в основы разных предметов. Больше других уроков он любил те, что были связаны с изобразительным искусством, с тайнами рисования.

Но учёба учёбой, а в свободные часы Вася часто гулял по городу, бродил по улицам, где буквально каждое здание, каждый камень дышит историей! «Киев –

удивительно красивый город, старинный и современный», – не раз произнесёт Василий Петрович в наших беседах.

Бывало, в погожий выходной день один или с однокашниками шёл Василий с Андреевского спуска – стародавней киевской улицей, соединяющей Верхний и Нижний город. Парни болтали о разных мелочах, шутили и смеялись, а он то и дело крутил головой, разглядывая архитектуру сооружений. Воображение молодого художника поражала построенная в середине XVIII века в стиле барокко Андреевская церковь, одна из самых красивых в Киеве, вся в росписях библейских сюжетов. Он не мог оторвать глаз от необычных фронтонов, башенок и других элементов готического стиля замка Ричарда Львиное Сердце, схожего со средневековыми замками. Поражал воображение паренька своими необычными мозаиками Михайловский собор, возведённый ещё в начале XII века...

Он никогда не отказывал себе в удовольствии пройтись по Крещатику – главной городской улице, где расположились главпочтамт, консерватория, множество разнообразных лавок и магазинов. «Здесь даже думается по-особому», – вспоминал он, рассказывая о том, как много раз гулял там, особенно в вечернее время. Один из магазинчиков на Крещатике – книжный – привлекал его. Иногда он подолгу листал там книги по искусству, редкие альбомы с цветными репродукциями картин и графики. Хотелось купить, но денег хватало только на питание и проживание.

За годы, проведённые в Киеве, Василий обошёл, наверное, все церкви, соборы, монастыри, коих тут великое множество. Пытливым глазом рисовальщика замечал отличия позолоченных куполов Михайловского Златоверхого собора от Киево-Печерской лавры или Софийского и Владимирского соборов.

И не просто рассматривал, делал наброски и рисунки. В его ранних картинках и эскизах были запечатлены элементы красоты зодчества, росписи и старинные фрески Введенского монастыря и Архангело-Михайловского Зверинецкого пещерного монастыря, Хоральной синагоги и Покровского монастыря, ажурная «каменная вязь» Караимской кенассы, строгие линии Мариинского дворца, Домика Петра I и других архитектурных жемчужин города.

«Нам на занятиях много рассказывали об общей советской культуре, которой гордилась страна, – делился он воспоминаниями о киевском периоде жизни. – И это нисколько не отражалось на качестве обучения...». Оно было высоким за счёт взаимодействия традиционной национальной культуры с различными гранями общей многонациональной культуры.

В учебной программе были экскурсии в Художественный музей, и Василий не пропустил ни одной, подолгу рассматривал уникальные иконы, картины, написанные великими художниками в разных жанрах, старинные церковные книги в необычных окладах.

Учась в техникуме, Василий узнал, что такое художественные пленэры. Они проходили в окрестностях Киева. Иногда – на Трухановом острове на Днепре. Или – в районе Соломенки у Покровской церкви, которую возвели в конце XIX века в память о митрополите Платоне и также называют Платоновской; в Мамаевой

слободе, что представляет собой большой музей под открытым небом, где можно увидеть усадьбы гончара, священника, печника.

Большим событием во время учёбы было участие слушателей в разных выставках. На выставки направили лучшие работы студентов техникума, среди них – работы молодого Василия Кравчука.

«В первой в своей жизни выставке я принял участие в 1967 году девятнадцатилетним студентом художественно-промышленного техникума, – подчёркивал он. – Это была выставка молодых художников города Киева. Я так этим гордился. Каждому посетителю выставки тогда хотел сказать: посмотрите, вот мои работы!» Это событие Василий Петрович считал точкой отсчёта начала своей творческой деятельности.

Ещё один знак тех дней оставил особый след в его судьбе. Однажды в книжном магазине на Крещатике он впервые увидел совсем крохотную книжку. Выпросил у продавца взглянуть. Книжка-малютка уместилась в ладони. Вася долго разглядывал это чудо-издание неизвестного мастера или целого коллектива печатников, дивился тонкой работе, аккуратному переплёту, художественному оформлению. И решил: «Буду делать такие книги сам!»

Он поставил перед собой цель и начал упорно двигаться к ней. Киевский техникум Кравчук успешно окончил в 1969 году, ему присвоили квалификацию художника-мастера.

3.

«После распределения я получил направление в Ташкент, на завод «Ташавтоматика», где работал художником-конструктором, – поясняет он. – В советские годы у нас проблем с трудоустройством не было, наши выпускники были востребованы по всему СССР».

Так впервые Василий оказался в самом сердце солнечного Узбекистана. Насколько важным для предприятия оказалось присутствие художника Кравчука, сказать трудно. Однако эта пара лет его «производственной деятельности» не отбила у парня охоту рисовать. Скорее, наоборот.

Кстати, перед отправкой в Узбекистан кто-то из заботливых доброхотов предупреждал его, что столица республики не так давно пострадала от разрушительного землетрясения. Ташкентское землетрясение силою до девяти баллов произошло 26 апреля 1966 года. Особенно пострадал центр города. По решению правительства СССР на месте разрушенных старых одноэтажных глинобитных домов были построены новые многоэтажки. Город был полностью восстановлен за три года, стал современнее, просторнее, краше. Лично убедившись в этом, Василий не пожалел, что попал сюда.

Первое знакомство со столицей Узбекистана оставило у него в душе неизгладимый след. Один из древнейших городов Средней Азии поразил красотой улиц, площадей, скверов и памятников. Он не раз вспоминал, как дивился городской архитектуре, на которую большое влияние оказали традиции национального зодчества. С интересом разглядывал фасады административных зданий,

живописные композиции, выполненные в классическом стиле, но декорированные в традициях восточной архитектуры резьбой по дереву или по глиногипсу, который здесь называют ганчем. Такая резьба – один из уникальных и древних видов художественного ремесла Узбекистана. А неповторимые одноэтажные улочки ташкентских окраин?! Так и хотелось тут же достать альбом, карандаш или кисть и «выложить» их на бумагу.

Не оставляло его и желание получить высшее художественное образование. Преподаватели киевского техникума тоже убеждали парня не останавливаться на достигнутом, понимая, что ему, талантливому, одарённому от природы, удалось хорошо освоить азы профессии художника. Но, имея за плечами техническое образование, он, скорее всего, может быть лишь талантливым подмастерьем. А у Василя есть все задатки, чтобы стать настоящим мастером. Для этого надо продолжить образование в одном из художественных вузов страны. Родители были не против, если он будет учиться дальше, обещали поддержку.

У Василя был выбор места дальнейшего обучения. В 1960-1970-е годы в СССР специалистов с высшим образованием в области изобразительных искусств готовили Московский, Ленинградский, Тбилисский и Уральский (в Свердловске) университеты, а также – Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Ильи Репина, Киевский и Литовской ССР художественные институты, Академия художеств Латвийской ССР, Тбилисская академия художеств. Но поскольку Вася был увлечён книгой, точнее, книжной графикой, то приглядел себе Ташкентский театрально-художественный институт. Именно здесь на художественном факультете действовало отделение книжной графики. Сюда и направил свои стопы будущий «книжник» Василий Кравчук.

Для прохождения творческого конкурса Вася подготовил целую папку рисунков. Сейчас это называют «портфолио», в то время такого словечка в ходу ещё не было. Имелось у Кравчука и серьёзное рекомендательное направление от киевского техникума. Он сдал документы в приёмную комиссию, а затем уверенно выдержал вступительные испытания. И летом 1971-го был зачислен в ТТХИ.

Вновь предстояла непростая учёба. Уровень требований к студентам в институте был очень высок. Ташкентский театрально-художественный институт имени А. Н. Островского (ныне Государственный институт искусств и культуры Узбекистана имени Маннона Уйгура) как самостоятельное учебное заведение был основан в победном 1945 году.

До 1954 года здесь выпускали только театральных работников и специалистов, режиссёров. А с открытием художественного факультета стали обучать таким специальностям, как живопись, скульптура, театрально-декорационная живопись, художественная керамика, декоративно-прикладная скульптура, книжная графика.

До конца жизни Василий будет добрым словом вспоминать ТТХИ, его «старое» здание на улице Германа Лопатина, ректора института, кандидата философских наук Х. А. Абдуллаева, педагогов народного художника Узбекской ССР Р. Ахмедова, В. Рыфтина и других.

На художественном факультете Ташкентского института в разные годы преподавали такие известные мастера, как О. К. Татевосян из Москвы, Б. Урманче из Татарии, А. А. Гольдрей из Ленинграда.

– В Узбекистане всегда была мощная школа живописи, – утверждал Василий Петрович и сыпал фамилиями русских художников. – Верещагин, Каразин, Светославский, Юдин, Казаков, Зоммер рисовали Среднюю Азию. Мы изучали их в институте. Такие известные мастера, как Коровин, Исупов, Петров-Водкин, Фальк, Кузнецов конкретно повлияли на формирование узбекского искусства. Такие, как Татевосян, Беньков, Ковалевская, Уфимцев, Николаев, Кашина приехали в своё время в Узбекистан, остались здесь жить и творить, стали классиками узбекской живописи. А вы говорите!

Занятия на художественном факультете велись в лучших традициях классической академической русской школы, благодаря чему ТТХИ и получил широкую известность. Уже к началу 1970-х здесь сформировались академические традиции подготовки творческих специалистов изобразительного искусства. Отсюда вышло не одно поколение мастеров живописи.

Ташкент с его древней культурой, богатейшим народным искусством под ярким солнцем Средней Азии стал любимой «точкой» Кравчука на этой земле, замечательным местом его институтской молодости, расцвета и укрепления таланта.

Он с необыкновенным пристрастием открывал для себя изобразительное искусство Узбекистана, которое колоритно проявлялось, в частности, в творчестве миниатюристов Ташкента, Самарканда, Бухары и Коканда. Познакомился с творчеством выдающегося просветителя, поэта, философа, каллиграфа XIX века Ахмада Дониша, который обладал неповторимым талантом художника, о чём свидетельствуют его сохранившиеся рисунки. На учебных занятиях по истории живописи Василий досконально исследовал его миниатюру «Поэт и художник» к рукописному изданию мемуаров индийского поэта и мыслителя Бедиля Мирзы Абдулкадыра «Четыре элемента».

Кравчук отмечал, что выполненные Донишем миниатюры отличаются изумительная завершённость рисунка, необычные краски, ясная непрерывная линия контура, графичность почерка. Эти знания и любовь к Узбекистану, Ташкенту с его богатой национальной культурой, своеобразием среднеазиатского орнамента много раз прорываются потом в рисунках и работах Кравчука, одарённого кузбасского художника, замечательного мастера графики и живописи.

Василию повезло, что в ТТХИ преподавал профессор Чингиз Габдурахманович Ахмаров, узбекский художник-монументалист портретист, миниатюрист. Величина! Народный художник Узбекистана и Татарстана, лауреат Сталинской премии 1-й степени.

Этот педагог вдохновлял своим примером, настраивал студента на нужный лад. Однажды он отметил один из Васиных набросков и рассказал, чем он ему приглянулся. Потом стал отмечать его пейзажи, портреты, высказывал своё мнение, давал советы. Они вместе обсуждали листы Кравчука.

Парня это просто окрылило! Все годы учёбы он очень много рисовал. «Иногда мне даже снилось, что я рисую», – признавался он. Поэтому ко времени дипломирования он был уверен в своих силах. Большинство сокурсников темой дипломов выбирали художественное оформление произведений кого-нибудь из классиков узбекской литературы: чтобы «умилостивить» государственную аттестационную комиссию.

Это же предлагали сделать и Василию: взяться, например, за оформление сказочной повести «Кашмирская песня» Шарафа Рашидовича Рашидова, в основе которой – древняя легенда о борьбе народа Индии за освобождение. Дело-то беспроблемное, ведь автор – первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана.

Но настырный Кравчук подготовил дипломную работу с графикой по повести великого украинского поэта, прозаика, драматурга Ивана Франко «Борислав смеётся», рассказывающей о борьбе за свои права рабочих-нефтяников на Западной Украине.

Защита диплома состоялась весной 1977 года. И прошла блестяще! Графика Кравчука, раскрывающая смысл произведения И. Франко, не оставила критикам шансов.

Представители госкомиссии единогласно поставили Василию отличную оценку. А член комиссии Ч. Г. Ахмаров с воодушевлением отметил: «Снимаю шапку перед этим юношей! И был бы рад увидеть в Киеве узбекскую тему, воплощённую художником с такой любовью...»

Вот так, благодаря дружбе народов, живших в единой стране, отмеченный от рождения Богом, украинский парень Василий Кравчук, учившийся в Киеве и Ташкенте, усвоивший секреты русских и узбекских живописцев, художников Татарстана и Средней Азии, получил настоящее высокое художественное образование.

Забегая вперёд, отмечу, что родная альма-матер не забыла своего талантливое ученика. Спустя более чем четверть века выпускника пригласили на 50-летие Ташкентского института национальных искусств и дизайна (бывший ТТХИ). К этому времени Василий Петрович Кравчук уже носил звание заслуженного художника России.

Он откликнулся на приглашение и посетил город студенческой юности Ташкент. Поездка получилась плодотворной и насыщенной. По случаю юбилея родного вуза кузбасский художник посчитал своим долгом организовать в Ташкенте выставку своих работ, в которых выразились его личное и созерцание, и сопричастность ташкентским улицам, дворам и интерьерам.

Также он встретился со студентами и выпускниками вуза. Ещё – принял участие в пленэре художников в Самарканде. Часть своих картин Кравчук передал в дар Узбекистану.

В свою очередь Академия художеств Узбекистана наградила Василия Кравчука своей Золотой памятной медалью. Этой награды он удостоился за глубокое изучение, бережное сохранение и обогащение уникальных традиций школы изящных искусств Узбекистана.

4.

После окончания в 1977 году ТТХИ Кравчуку довелось попробовать себя в роли преподавателя, так как его диплом художника-графика позволял быть и педагогом по специальным предметам для художественных учебных заведений – институтов и средних специальных учреждений. На этот раз его распределили в Сибирь, точнее, в Кемерово, где он стал преподавателем Кемеровского художественного училища (ныне – Кузбасский художественный колледж).

Уверен, первым ученикам Василия Петровича улыбнулась удача. Он уже много знал и многое умел. Симпатичный, с чуть заметным украинским говорком, обаятельной улыбкой, он был молод, очень общителен, благосклонен к воспитанникам и с большим удовольствием старался передавать им свои знания.

Знающий, требовательный и, главное, по-настоящему творческий человек, – таким вспоминают его ученики. На его занятиях как-то сразу установилась атмосфера доброго взаимопонимания педагога и студентов. Наставник относился к своим ученикам, как к коллегам, не изображал перед ними «мэтра», не стремился продемонстрировать своё старшинство. Впрочем, когда он брал в руки карандаш или кисть, сомнения в его компетентности ни у кого не возникало.

Как отмечали потом в учебном заведении, он «вносил неоценимый вклад в становление творческой личности студентов»...

Хочу отметить, и городу Кемерово очень повезло, что Кравчук приехал именно сюда, а не в какой-либо другой регион необъятного Советского Союза. Впрочем, и Василий никогда не жалел об этом выборе. В Кузбассе для художника вырисовывались хорошие перспективы. Не на последнем месте оказались и красивая природа Сибири, и добрые люди, и хорошая социальная поддержка. В душе же Кравчук продолжал лелеять заветное желание – делать книги, благо в Кузбассе имелось большое книжное издательство. Ему помогали в этом целеустремлённость, точное осознание своего призвания. А в впоследствии – и безукоризненное знание всех возможностей местной полиграфии.

Однажды преподаватель училища Василий Петрович Кравчук познакомился с Кемеровским книжным издательством. В те годы оно считалось одним из крупных не только в Западной Сибири, но и в стране. Чего только здесь не печатали: и мировую, и русскую художественную литературу, и литературу народов СССР. Не говоря о многочисленных учебных, технических, экономических, справочных, сельскохозяйственных, краеведческих, детских изданиях.

Не так давно, в мае 2022 года, мы с Василием Петровичем обсуждали эту тему. Я собирал материал для статьи о бывшем в 1980-х главным редактором Кемеровского областного государственного радиовещания (сегодня это канал «Радио России – Кузбасс»), ставшем затем главным редактором Кемеровского книжного издательства Валентине Ивановиче Масленникове.

Василий Кравчук, работавший в издательстве в те же годы, с особой гордостью пояснял:

– В 1980-е в Кемеровском книжном издательстве мы ежегодно выпускали десятки наименований художественных, поэтических и разных других книг. Их общий

годовой тираж доходил до 3 миллионов экземпляров или до 22 миллионов печатных листов-оттисков! Так что работы у нас с Валентином Ивановичем было навалом!

А вот с началом 90-х годов, когда в стране развернулся полномасштабный кризис, дела в издательстве резко переменялись. Начиная с 1991 года учреждение вынуждено было перейти на выпуск в основном заказной литературы. Объем книжной продукции начинает падать. Например, если в 1991-м здесь выпустили 46 названий книг и брошюр, то в 1994 году всего 5 названий...

Но все эти проблемы ещё впереди. А пока что руководство издательства доверяет преподавателю Кравчуку оформить одну художественную книгу, затем вторую, третью... Он выполняет задания старательно и прилежно. Ведь делать книги – его сокровенная мечта! Он душу вкладывает в это...

Кравчук занимался книгами в свободное от преподавания время целую пятилетку. Кузбасские «книжники» сразу заметили его особый талант. Но в издательстве не было свободной ставки художника. А когда в 1981 году вакансия старшего художественного редактора появилась, на неё и позвали Кравчука.

Виталий Васильевич Банников, будучи тогда директором издательства, пригласил по этому случаю Василия в свой кабинет. «Я и раньше в его кабинете бывал, – смеясь, рассказывал Василий Петрович. – И всегда удивлялся, как же он любит курить! И ещё у него всегда немного пахло то ли спиртным, то ли техническим спиртом. Он говорит: мы тебя хорошо знаем, переходи к нам на постоянную работу. Я согласился...»

Почти на полтора десятилетия он стал главным художником Кемеровского книжного издательства, также – художником-оформителем и художественным редактором. И с этих пор книга стала не только его мечтой и местом работы. Она стала смыслом его жизни.

Уже отмечено, что Кемеровское книжное издательство выпускало разную литературу: специальную, заказную, юбилейную и подарочную. Приходилось иметь дело с разными книжками. Кравчук оформил множество книг, энциклопедий и справочников, изданий по различным отраслям экономики, социальной сферы, другим аспектам жизни Кузбасса.

Больше всего Василий любил работать над художественными изданиями. Его увлекали поэзия и проза. Хочу отдельно подчеркнуть, что в 1980-е годы в Кемерове таких книг печаталось немало. Прежде всего, издатели отдавали предпочтение классикам. Кравчук оформил и проиллюстрировал сотни книг известных зарубежных, российских и кузбасских авторов. В их числе – «Сонеты» великого английского драматурга Вильяма Шекспира и произведения выдающегося русского поэта Александра Пушкина, «Лирика» испанского поэта Федерико Гарсиа Лорка и стихи поэтессы Марины Цветаевой. Василий делал иллюстрации и макеты таких книг, как «Слово о полку Игореве», макет и эскизы букварей шорского и телеутского языков и многих, многих других изданий.

«Не хочу никого обидеть, – писал в 2004 году заслуженный работник культуры РФ, журналист Илья Ляхов, – но очевидно, что именно с приходом в издательство

Кравчука здесь стало уделяться особое внимание эстетике книги, целостности её внешнего облика».

Конец 1980-х – начало 1990-х годов ознаменовались тем, что в обществе резко вырос интерес к той литературе, которую ещё недавно было трудно достать: к произведениям тех, кого считали белогвардейцами, к писателям-эмигрантам, редко издаваемым популярным зарубежным авторам – классикам и современникам, отечественным и заграничным прозаикам и лирикам. «Мы в издательстве считали, что для печатников наступило хорошее время, – с ехидцей вспоминал Василий Петрович. – А оно так быстро промелькнуло...»

Особое внимание Кемеровское издательство уделяло выпуску книг местных литераторов. Тут сказывалось и идеологическое влияние областной власти, которая поддерживала и развивала кузбасские таланты, выделяла бюджетные средства на печатание их произведений. Связь между кемеровскими печатниками и областным отделением Союза писателей была очень тесной.

Очень скоро для писателей и поэтов Кузбасса Кравчук стал своим художником. Считалось хорошим тоном составить с ним знакомство, «приобщить» к своему творчеству. Василий же носа не задирает, искренне старается в оформлении очередной книжки передать смысл её содержания, характер автора и его детища. Это особо ценилось в литературной среде.

Настоящий мастер, он никогда не останавливался на чём-то одном, пусть даже и удачно найденном. Он год за годом продолжал творческий поиск, добиваясь необычного почерка или лица для своей, «кравчуковской» книжной графики. И какую его книжку ни возьми, композиция рисунка отмечена особой ритмичной линией, чётко выведенных его пером и тушью.

Пройдёт не так уж много времени, и кузбасские писатели и поэты, выпуская свои сборники, выстраиваются к графику в очередь с просьбой об оформлении книг. И идут, идут к нему – от маститых и знаменитых, до начинающих из кемеровской студии «Свой голос» или студии «Искорки» Ижморского района, – доверчиво передавая ему свои рукописи.

Поэтому в томах и томиках И. Киселёва, В. Махалова, В. Баянова, Е. Буравлёва, М. Небогатова, Г. Юрова, Б. Бурмистрова, Л. Гержидовича, В. Матвеева и многих других, в сборниках кузбасской литературы стоит фамилия художника-оформителя Кравчука. Позднее она появляется и в списке оформителей периодических литературных журналов, альманахов, таких как «Огни Кузбасса», «Красная Горка».

Он не скрывает творческого секрета, который привёл его к популярности. Прежде чем рисовать, он внимательно читает произведение автора.

– Читайте, – признаётся Василий Петрович в одном из интервью, – не наспех, не по диагонали. Ведь у любого поэта или писателя обязательно есть строка, в которой таится изюминка, главное. И важно её не пропустить. Это, если хотите, как в саду, где букет из запахов груши, вишни, яблок. У Махалова – одно, у Юрова – другое. У каждого своё, сокровенное. Найду, пойму, – и рисунок не просто иллюстрацией будет...

Ему нужно почувствовать автора, узнать, что его вдохновило, чтобы в рисунке выстроить мир произведения, придать ему цвет или выполнить в чёрно-белых тонах. Ведь у пишущего слова и предложения – свои образы. И хорошо, когда написанное прозой или стихом, отзывается в душе художника. Тогда и рождаются иллюстрации, созвучные с текстом книги, с его восприятием читателем.

«Такая книга для меня, как хороший подарок», – уверял Василий Петрович.

«Сам – человек, искренне влюблённый в поэзию, – художник находит особый графический образ при оформлении каждого томика, – так оценивал его работу Илья Ляхов. – Он не рисует «картинки к стихам», а становится полноправным соавтором поэта, стремится выразить внутренний свет стихотворных строк, точно разгадывая, вернее, угадывая душевный настрой поэта. Оформляя сборник Виктора Баянова, Кравчук, кажется, сам становится мягкосердечным, поразительно светлым и добрым. И жёстким, даже суровым, когда дополняет рисунками стихи Евгения Буравлёва. И публицистичным, документально точным, если соприкасается с поэзией Геннадия Юрова...»

А вот мнение заслуженного работника культуры РФ, литератора, литературного критика Зои Естамоновой: «Школой самостоятельного пути стала для В. Кравчука работа над сборниками кузбасских поэтов. Внимательно листая их, можно видеть, как поиск пластического эквивалента слову переходит из образов внешней драматургии (человек – время, человек – природа – индустрия) в мир психологических красок.

Если в сборнике И. Киселёва «Ночные реки» (1980) весь комплекс оформления отвечает тематическому принципу рукописи, то в серию иллюстраций второго посмертного сборника поэта «Благодарю, Земля, благодарю» (1983) художник вносит, как преемственную ноту, мотив колоколов в переплетение солнечных лучей и последовательно развивает именно эту – свет и музыка – особенность душевного облика поэта: строит иллюстрации в хрупких и прозрачных орнаментах.

Художник понимает, что любая книга – это и некая доля авторской личности и весь его мир, так же как сам поэт – малая частица жизни и вместе с тем сложный концентрат социального и генетического. Не пытаясь вмешиваться в искренний напев М. Небогатова, в художественный голос Е. Буравлёва, в исповедальные интонации В. Махалова, в изначальную народную свирельную мелодию В. Баянова, в сердечную публицистику Г. Юрова, художник В. Кравчук стремится бережно поддержать в рисунках, в шрифтах и воздушном пространстве страниц атмосферу индивидуальности поэта. В одних случаях он использует драматургию цветовых контрастов, в других – обращается к остро современному языку: к принципам монтажа, кадрирования, двойных наплывов изображения...»

Работа над книгами по-настоящему сроднила Василия Кравчука со многими писателями и поэтами земли Кузнецкой. При этом, я хорошо знаю, как непросто дружить с творческими людьми, с их легкоранимостью, легкообидчивостью на критику, на неловко обронённое слово. Но Василий Петрович умел дружить по-настоящему, умел говорить правду, держать данное слово. Умел быть надёжным в работе, незаменимым в общении, ответственным в отношениях с людьми. Можно

сказать, опекал своих друзей-литераторов, если надо, подсказывал и, если надо, помогал.

Примеров тут немало. Одним из ярких образцов такой дружбы стало его многолетнее творческое сотрудничество с новокузнецкой поэтессой, прозаиком, педагогом Любовью Никоновой. Она – автор более двадцати книг стихов и прозы, и Кравчук был художественным редактором и иллюстратором большинства её изданий. Достаточно вспомнить такие книги Л. Никоновой, оформленные художником В. Кравчуком, как «Знаки внимания» (сборник стихов о любви и семье, 1998), «Похожи встречи на подарки» (книга лирики, 2003). И целый ряд других.

В 2012 году поэтессы не стало. Но Василий Петрович продолжал работать над изданием её литературного наследия. Когда в 2021 году в Новокузнецке на фасаде Новобайдаевской библиотеки, которой в 2020 году было присвоено имя Л. А. Никоновой, открылась мемориальная доска в честь 70-летия поэтессы, Кравчук приехал на это мероприятие. И подарил библиотеке только что сделанный своими руками сборник её избранных стихотворений «Лучезарное свечение».

Интересно, что у Василия Петровича в работе над оформлением книг нет повторов. Он постоянно ищет что-нибудь новое, каждый раз что-то придумывает. Поэтому, наверное, книги, над которыми он работал, не только наполнены теплом его таланта, красивы внешне и внутренне. Они неповторимы.

Зная эту его творческую особенность, именно ему поручали в Кузбассе ответственные проекты. Один из них – книга избранных стихотворений большого русского поэта, нашего земляка Василия Дмитриевича Фёдорова, изданная к его 100-летию, который Россия отмечала 23 февраля 2018 года.

Инициатива издания этого сборника, состоящего из двух частей: «Марьевская летопись» и «По главной сути», – принадлежит Кемеровской областной научной библиотеке, которая с 1987 года с гордостью носит имя Василия Дмитриевича.

Василий Петрович взялся за эту работу с особым удовольствием. «Мне повезло лично знать Василия Дмитриевича, – подчёркивал художник. – Я очень люблю его поэзию, она не просто красива и глубока по содержанию, она – очень элегантна, если хотите...»

Книга вышла небольшим тиражом – всего 150 экземпляров, и сразу стала библиографической редкостью. В неё вошли стихотворения о малой родине поэта – деревне Марьевка, о природе, о любви к родине и женщине. У издания необычный дизайн и миниатюрный формат.

Хочу отметить, что Василий Кравчук – человек, искренне влюблённый в поэзию Фёдорова. Это придаёт дополнительную энергию его творческой фантазии, он находит особый художественный образ при оформлении каждого, созданного поэтом, образа стихотворного. Кравчук уловил, воплотил, воссоединил всё разноцветье жизни поэзии Фёдорова с запахом трав, панорамами речных далей, с болью потерь и обретением встреч.

Особую прелесть, считают специалисты библиотеки, книге придают 17 иллюстраций к стихотворениям Фёдорова, которые создал тёзка поэта – Василий Кравчук.

В этой же библиотеке художник сделал заключительную в своей жизни уникальную серию книг. Надо отметить, что областная библиотека или «Фёдоровка», как ласково называют её работники и читатели, активно занимается издательской деятельностью. Несколько лет назад Кравчук, (кстати, почётный читатель этой библиотеки и её почётный даритель), предложил «Фёдоровке» совместный проект о литературном наследии Кузбасса. Руководство библиотеки в лице директора Веры Александровны Никулиной его поддержало. Более того, ему предложили ставку «главного издателя» областного Храма Книги, на что Василий Петрович с удовольствием согласился.

И с новыми силами, с особой кравчуковской энергией приступил к делу. Проект получил название «Книги-миниатюры кузбасских поэтов». В этой серии под руководством Василия Петровича – бессменного художественного редактора этой коллекции книжных новинок о поэтах Кузбасса – вышел в свет десяток мастерски оформленных поэтических сборников, посвящённых творчеству выдающихся представителей культуры Кузбасса: поэтов В. Фёдорова, И. Кисёлева, Г. Юрова, В. Баянова, Л. Гержидовича, М. Небогатова, А. Береснева, Л. Никоновой, В. Матвеева, В. Ширяева.

Книги трёх последних в этом списке авторов Василий Петрович подарил мне на память о совместной деятельности при нашей последней встрече. Каждая из них – та ещё полиграфическая штучка! Имеет тираж 150 экземпляров и формат 108x70 миллиметров.

Примерно с 1977 года – 45 лет – Кравчук ладил книги, оформлял их внешний вид, чтобы сделать красивыми и привлекательными, иллюстрировал их содержание, переплёты и шмуцтитулы, фронтисписы и заставки, чтобы отправить потом в печать. Часто переплетал их своими руками, мастерил их с ювелирной точностью и изяществом. Всего за эти годы на счету заслуженного художника России, книжного графика Василия Кравчука более 600 (шестисот!) книг. Если вдуматься – высочайшее напряжение, многолетний неустанный творческий труд.

Его полиграфические шедевры хранятся в десятках тысяч домашних собраний, во всех без исключения публичных библиотеках Кузбасса, во многих «дворцах книги» России, включая главную – Российскую государственную библиотеку в Москве, в библиотеках стран бывшего СНГ. Несколько книг, сработанных Кравчуком, имеется в Львовском литературно-мемориальном музее Ивана Франко, библиотеке Конгресса США в Вашингтоне...

Между прочим, его не раз спрашивали: есть ли у него самые дорогие сердцу «книжные дети»? Он называл какие-то издания, вспоминал названия и фамилии авторов. Но мне понравилось, когда Вася ответил: «Нелюбимых точно нет...»

Если появится желание проверить его любовь к Книге, можно открыть один из альбомов-отчётов художника. Например, тот, что называется «Я рисую книгу» (2004) или тот, что называется «Василий Кравчук. Графика книжная, станковая» (2022). Это – его неординарные отчёты. В них он наглядно демонстрирует свою работу над книгами, пришедшими к читателю в разное время – и в XX веке, и совсем недавно. В них зримо ощущаешь, что издания, над которыми трудился Василий Петрович, наполнены теплом его таланта, его душевной красотой.

Перелистайте страницы альбома с иллюстрациями к книгам поэтов и писателей Кузбасса, с фотографиями дизайна изданий классиков мировой литературы, выполненного Кравчуком. И сразу почувствуете, как значима и дорога для него работа над книгой, сотворчество с писателем! Его книжная графика – «это всегда образы-символы: изящны, легки, порой аллегоричны, но всегда наполнены светлой чистотой линий», – отмечают исследователи его творчества. И ещё: «Только в том случае Кравчук заносит перо над чистым листом бумаги, когда видит в поэте или писателе своего творческого единовеца. Поэтому, как правило, результат всегда (или почти всегда) точен, эмоционален и во многом всё-таки самостоятелен».

А слова Зои Николаевны Естамоновой звучат как ода высокому книжному искусству мастера: «Всего лишь перо и тушь в руках Василия Кравчука, но его ювелирно чёткий, согласно требованию техники печати, рисунок не соседствует с текстом, но органически живёт в структуре единого организма книги, и пробегая глазами страницы, мы незаметно для себя объединяем писателя в соавторстве с художником, которого не сразу отыщешь в скромном перечне выходных данных создателей книги...»

5.

Особое место в его книжном творчестве занимает книжная миниатюра, создавать которую он решил, (помните?), прогуливаясь в Киеве по Крещатику, ещё когда учился в техникуме. Уже в Кемерове, став главным художником и художественным редактором книжного издательства, Василий приступил к осуществлению юношеской мечты.

Первой его книжкой-малышкой стал памятник литературы Древней Руси «Слово о полку Игореве», изданный в Кемерове в 1984-м. При её оформлении Кравчук использовал графические рисунки кемеровского мастера живописи, художника Германа Захарова. Книжка сразу была отмечена дипломом «Всероссийского конкурса искусства книги».

В этом же 1984 году в Кемеровском книжном издательстве вышло миниатюрное издание «Рабочая мелодия Кузбасса: стихи о родном крае» с лирическими произведениями кузбасских поэтов. Составителем сборника стала Наталья Захарчук. Художественный редактор Кравчук украсил его фотографиями Евгения Ильвеса и других фотомастеров. Книжка в тот же год стала лауреатом Московской международной книжной ярмарки, где участвовали около 100 стран.

Оба эти этих мини-издания были размером 10x7,5 сантиметра и имели тираж 10 тысяч экземпляров. Ими Василий Петрович гордился особо, ведь они стали его первыми миниатюрными книжками. И быстро разошлись по библиотекам и частным коллекциям.

Кстати, коллекционеров мини-книг великое множество и в России, и в Кузбассе. Имеются клубы, объединения любителей таких книг. В 80-е годы эти собиратели ориентировались на некий эталон размера. Так, для России он был равен 10 сантиметрам по высоте и не более 7,2 сантиметра по ширине. А раз «Рабочая мелодия Кузбасса» оказалась на три миллиметра шире, то коллекционеры отрубали резак лишнее, чтобы она соответствовала стандарту.

Я хочу нарочно подчеркнуть, что такой эталон был в прошлом. Кравчук «раздвинул», а вернее, «сузил» рамки этого стандарта, начав делать «книжных малышей» гораздо меньшего размера. Но обо всём по порядку.

Не зря Василий всегда помнил и повторял: «Книги любят тепло человеческих рук». Подобные миниатюрные издания можно создать только руками такого книжного ювелира, как Кравчук. В моей личной коллекции мини-книг – 37 штук сделаны этим мастером.

Расскажу про размеры некоторых из них. «Планета Кемерово» (2003), «Я рисую книгу» (2004); «Путешествую по Европе» (2010); «Лирика», Борис Бурмистров (1995) – размером 8,4х8,4 сантиметра.

Стихи Сергея Побоккина «Русь в берёзовой сорочке» (1997); «Кемерово. Графика. Поэзия» (2000) – размером 6х8,4 сантиметра.

А. С. Пушкин «Царь Никита и сорок его дочерей» (1998); Василий Кравчук «Увиденное однажды. Путевые заметки» (2007) – 6,5х7 сантиметров.

Василий Кравчук «Книжная графика» (1994); Усман Насыр «Стихотворения» (1999); Сергей Черемнов «Аман Тулеев. Возрождение Кузбасса» (2002); «Миниатюрные книги Кузбасса. Каталог» (2006); Василий Кравчук «Лица и годы. Портреты родных, друзей, близких знакомых и просто хороших людей» (2009) – 5х7 сантиметров.

Ульяна Медикова «Живопись. Графика» (2001); Василий Кравчук «Мексика глазами художника» (2012); Василий Кравчук «Индия. Путевые зарисовки» (2012) – 4х5 сантиметров. Мини-альбомы В. Кравчука «Земля Кузнецкая» и «Живописная Украина (2012) – размерами 5х4 сантиметра.

Я беру их в руки с замиранием сердца! Это просто диво какое-то! С осторожностью листаю крохотные страницы, восхищаюсь и всегда думаю: как же надо любить своё дело, чтобы практически вручную создавать такие необыкновенные чудеса?! Во многих из них, особенно в ранних, рисунки Кравчука сделаны пером и тушью. В более поздних – акварелью или пастелью. Мысленно представляю его руку – руку профессионала, его умение вывести на бумаге плавные резкие линии, из которых рождается образ...

Тиражи этих «малышек» такие же крохотные: 150, 125, 100, 75, 50 и даже 25 экземпляров. Известный библиофил и собиратель книжных миниатюр, член СП России Валерий Плющев, с которым мы когда-то вместе работали под одной «крышей» партийного отдела, однажды рассказывал, с какой настойчивостью и фанатизмом гоняются букинисты-коллекционеры за такими изданиями. «А Вася их часто раздаривает просто так! – восхищался он.

Но и это – не всё в рассказе про книжки-малышки Василия Петровича. В моей коллекции есть две книжки, которые вошли в Книгу рекордов Кузбасса. Одна из них, сработанная мастером в 2000-х, «Кемерово. Графика. Поэзия», имеет размер 3,5х3 сантиметра, вторая «Миниатюрные книги Кузбасса. Каталог» (2006) – ещё меньше – 3х3 сантиметра (!). Таких на ладони можно уместить едва ли не десяток!

Выпущенная Кравчуком обширная коллекция уникальных книжных миниатюр давно заслужила признание среди знатоков России и зарубежья. Многие из его книжек-

малышек, без преувеличения, авторских бестселлеров по праву отмечены дипломами профессиональных книжных конкурсов.

При желании со всеми, и перечисленными мною, и другими кравчуковскими мини-шедеврами можно познакомиться: они хранятся в Государственной научной библиотеке Кузбасса имени В. Д. Фёдорова. Другой адрес: Государственный архив Кемеровской области, куда в ноябре 2013 года заслуженный художник передал документы, рисунки, фотографии, награды и почётные грамоты за творческие достижения, а также уникальную серию миниатюрных книг.

Кстати, была у художника и такая профессиональная страсть – он и сам собирал коллекцию книжек маленького формата. В его коллекции их больше тысячи, причём, около 100 из них созданы в разные годы им самим.

6.

«В начале пути он решительно лишил себя одного из самых выразительных, самых эмоциональных изобразительных средств – цвета, – считал один из его критиков. – Тушь и перо (реже – гуашь) – основное и непреходящее орудие труда этого безусловного мастера книжной графики. Цвет присутствует в его работах разве что как фон... обложки».

Конечно же, художник Кравчук не согласился (и я с ним солидарен) с этим утверждением. Он умел и мог талантливо обращаться со всею широкой палитрой красок и цветовых оттенков. Он это знал в теории и талантливо применял на практике.

О художнике Кравчуке лучше всего «рассказывают» его картины. Многие из них написаны в творческом содружестве с кемеровскими художниками группы «Сибирский пейзаж». Она организовалась в 1998 году. В неё вошли известные кузбасские живописцы Владимир Сотников, Василий Селиванов, Виктор Ардашкин и Василий Кравчук, которого принято называть «примкнувшим к ним».

«Хотя роль его, «примкнувшего», едва ли не стала определяющей в рождении группы, – считает журналист, искусствовед Людмила Ольховская. – Именно он, полный впечатлений от случившейся в ту пору поездки в Горную Шорию, прибежал к друзьям-художникам, собравшимся в мастерской Селиванова. Выслушав восторги младшего собрата по музам, Василий Андреевич Селиванов (родился 20 марта 1926 года в селе Марушка Алтайского края. – С. Ч.) и предложил съездить на пленэр всем вместе».

Так родилось содружество. Очень разные по опыту работы, творческому почерку и возрасту, они нашли друг в друге единомышленников и по отношению к искусству, и по взглядам на окружающую жизнь. Общность взглядов подтвердилась в ходе совместных странствий по Кузбассу и за его пределы.

У них были общие поездки на север Кемеровской области, в Горную Шорию, на Байкал. Итогом каждой из них становились выставки, на которых участники группы представляли живописные полотна. Вот тут-то художник Василий Кравчук и раскрылся во всей полноте своего таланта. Сумел удивить даже знатоков, когда на

одной из выставок группы «Сибирский пейзаж» представил яркие, праздничные пейзажные гуаши.

«...Вдруг, – пишет Илья Ляхов. – (именно – вдруг!) на одной из таких выставок, среди привычных кравчуковских чёрно-белых листов, зрителей, знакомых с творческой манерой этого художника, буквально ошеломили яркостью, сочностью, чуть ли не взрывом Его Величества Цвета пейзажи, написанные гуашью».

И ценители, и рядовые зрители внимательно рассматривали пейзажные гуаши Кравчука, где Маручак и Телецкое озеро – во всём великолепии закатов, рассветов, перед дождём и под радугой: «Гроза на полях Чебулы», «Чумай», «Кия», «Утёсы Макарака»...

«Оказалось, – добавляет И. Я. Ляхов, – совсем случайно Василию Петровичу достались в подарок необычные импортные (голландские, 156 разновидностей цвета) краски. Долго не решался испробовать их в деле. Но всё-таки наконец-то рискнул. Неизменная чёткость рисунка наполнилась щедрым цветовым содержанием. Обыкновенные, вроде бы обыденные пейзажи обрели какое-то необычное, я бы сказал, сказочное звучание! Может быть, неожиданно даже для самого автора состоялся настоящий Праздник Природы!..»

«Близкая акварели, но отличающаяся примесью белил, гуашь даёт плотный непрозрачный слой. На нём штрих делается энергичным, цвет играет. Хочется не просто всмотреться, – вслушаться в эти пейзажи, их красоту, – подчёркивает и Людмила Ольховская. – Часто неброскую, зыбкую, как вода, с отражёнными в ней берегами. Не случайно в книге отзывов на работы группы «Сибирский пейзаж» появлялись трогательные записи: «Я, сибиряк, словно впервые увидел свой край. И знаете, он мне очень понравился».

Вместе с тем, думается мне сегодня, ничего случайного в жизни человека не бывает. В творчестве художника – тоже. Поскольку ему близка и пастель. Пастель – одна из любимых у художника Кравчука. Цветные «столбики» из краски и мела удобны, легки, мобильны. В любых условиях они, если надо, всегда под рукой, хорошо передают природные ландшафты, пейзаж городских улиц, яркий цвет и мягкие полутона. А когда Кравчук придумал «резать» пастель абразивом, то есть, наждачной шкуркой, то искусствоведы сразу отметили: он расширил, как будто случайно, неизвестные грани своего мастерства, а его листы «запылали» особым светом.

Кроме того, он постоянно экспериментирует и с акварелью, и с гуашью. Особенно усилия мастера, его творческий поиск заметы в его пейзажных работах. Хочу назвать его специалистом поэтического пейзажа, для которого природа с самого начала его творческого пути была источником вдохновения. Он неустанно совершенствовался в пейзажных этюдах и композициях, добивался выразительной простоты и такого колористического строя, который воплощал бы поэтическую сущность пейзажного мотива с наибольшей глубиной и ясностью.

Василий Кравчук варьирует мотивы весны и осени, утра и вечера, соединяя пленэр и жанр в одно живописное целое. Он мастерски передаёт состояние природы, залитое солнцем. Очень проникновенны его небольшие пейзажи, где изображены горы и реки, незначительные селения и большие города. Казалось бы, они

написаны сдержанными красками, но присмотришься – в них так много света и, если хотите, любви к своей земле.

Его рисунки, отмечают знатоки, проникнуты поэтичным замыслом и эмоциональны по цвету. Они отличаются неожиданностью цветовых решений, что порой создаёт впечатление динамики. Иногда автор одним энергичным штрихом раскрывает различия земли и воды, снега и неба, усиливает отблески волн.

Ещё одной отличительной чертой художника Василия Кравчука называют то, что ему неведомы метания от одного стиля к другому, от одной техники – к другой. Своей любимой графике, как однажды избранной дороге в искусстве, он не изменяет до конца жизни. Хотя, мастер успешно доказывает, что хорошо владеет всем спектром профессиональных тонкостей и секретов живописца. И постоянно находится в творческом поиске.

Поэтому он в буквальном смысле объездил весь мир, чтобы нарисовать его. Побывал на родной Украине, в близком сердцу Узбекистане, в Крыму (ставшем уже российским) и на российских же Камчатке, Алтае. Посетил многие страны Европы. (Среди них Франция, Греция и Испания, Голландия, Германия, Австрия, Польша, Болгария). Проехал по Латинской Америке, Африке, Индии, Шри-Ланке, Китаю. Городов – вообще не счесть: Берлин, Париж и Страсбург, Барселона и Варшава, Вена и Амстердам, Харбин, Ташкент и Самарканд...

И каждая поездка обернулась в итоге сотнями эскизов, выставками, книгами, альбомами мастера. Ибо у Кравчука-художника завидное качество: он смотрит на далёкие от Кемерово края не глазами туриста, но взглядом живописца. Не выпускает в поездках из рук блокнота, карандаша или мелка, пера или кисти. А что не успевает нанести на бумагу, запечатлевает фотоаппаратом, чтобы потом нарисовать кадр.

Сколько простора для творческой фантазии! Он экспериментирует, применяя разные техники живописи, как традиционные, так и авторские приёмы и методы рисования. Например, Камчатку Василий Петрович больше изображал акварелью. По его мнению, суровая «Камчатка требовала нежности и прозрачности». А вот Алтай рисовал пастелью, которая бархатистостью своей фактуры помогла передать глуть туманов над Катунью, прозрачность вод Телецкого озера.

В Крыму мастер особенно выделил сочетание первозданной природы и красоты, созданной руками человека. Вне политических и идеологических подтекстов он создал сочные, яркие работы, раскрывающие образ этой древней и прекрасной земли. На его листах встают Массандра, Ливадийский дворец, скала Святого Георгия, Ласточкино гнездо. Василий Петрович признавался, что на полуострове был впечатлён древними городами, в частности, Мисхором и Херсонесом с их парками, дворцами, маяками. И, конечно же, почти в каждом его рисунке – магнетическое и многоцветное море.

О работах, посвящённых Индии, стоит сказать отдельно. Эта страна всерьёз захватила его – необычной натурой, особенной архитектурой, самобытной культурой. Кравчук сумел соединить разноцветную Индию с чёрно-белым штрихом графики. Выделил при этом яркую зелень пальм, розоволикий мрамор сооружений, ослепительное солнце на голубом небосводе.

Но искренней любовью Кравчука-художника пользуются Кузбасс, живописные места нашей области.

Во вступительной статье к альбому «Василий Кравчук. Графика книжная, станковая» (Кемерово, 2022 г.), филолог Светлана Старовойтова пишет:

«Рисуя Кузбасс, художник Василий Кравчук приближает нас к красоте. Иногда она звучит негромко, словно рыбный плеск у зелёного острова на Кие, а иногда встаёт гордой симфонией величия сибирской природы, как на листе «Горное озеро». Мир родины бесконечно прекрасен! И расстилаются перед зрителями цветочные весенние поляны Шерегеша, дышит летним простором красавица Чебула, распахивается осенний горизонт на окраине Листвянки, идёт щедрой волшебницей неторопливая зима по Сосновому бору...»

Она отмечает, что в картинах художника поражает многообразие воды: ручьи Горной Шории, гладь таёжной заводи, прозрачная Кия. «Много рек живёт в художественном мире кемеровского графика, но одна навсегда первая в его сердце – красавица Томь». В листах Василия Кравчука – и её истоки, и полноводное течение в черте города.

Тушью и пером художник запечатлел на бумаге узоры Мариинска, образ музея писателя Владимира Алексеевича Чивилихина, отметил грандиозность Запсиба. Соединение дел человеческих и вечности природы рождает «образ малой, но такой большой для каждого из нас родины».

Он будто отдаёт свою творческую дань столице Кузбасса – Кемерову, в котором прожил, получается, большую часть жизни. Свидетельство тому – большой кемеровский цикл – более 600 работ. Мастер часто гулял по Кемерову, по его улицам, площадям, скверам. Искал нужный ракурс и рисовал... Результатом этой серьёзной работы становились городские выставки, книжные и альбомные издания, выполненные руками автора.

«Он рисует этот город, – отмечает Светлана Старовойтова, – с особой любовью: гуашь, тушь на бумаге, пастель на абразиве, гравюры – всё используется для создания неповторимого облика, с радостью узнаваемого кемеровчанами. Старые деревянные домики правого берега соседствуют с высотными зданиями левого, погружённого в свой час пик. Купола величественного Знаменского собора ярко сияют отблесками утреннего солнца, а рядом с ними замерла в вечерней молитве под вечными звёздами красавица мечеть. Старые улочки города, мостовые Советской площади, любимая горожанами набережная, подсвеченный фарами машин проспект Ленина – и снова тишина окраины Шалго, где сидят на ветках нарядные снегири на фоне городской окраины, замороженной лёгким падающим снегом...»

Вот над Заводским районом и кварталами Ленинского района Кемерова возносится Сосновый бор – настоящий памятник живого мира, подаренный городу природой. А вот на правом берегу Томи встаёт Красная Горка... Его рисунки – всегда несут в себе образы-символы, они изящны, легки, порой иносказательны.

Книжки «Кемерово», «Я рисую город» и «Планета Кемерово», наверное, особые страницы и в творчестве, и в жизни Василия Петровича Кравчука. Специалист не может не отметить характерный, узнаваемый поклонниками, приём мастера.

Василий Петрович, создавая зарисовку панорамы города, конкретных памятных зданий, «помещает в центр вторую картинку, в которой всё изображаемое приближено к зрителю, максимально открыто ему в тонких подробностях. Это удивительное «оптическое окно» запечатлевает главный акцент листа (памятник, фасад здания, дерево), оно делает зримой связь времён».

7.

Вспоминаю, как в не студёный, с оттепелью, день начала марта 2022 года мы сидим с Василием Петровичем в его мастерской на последнем этаже дома, окна которой выходят на Памятник воинам-кузбассовцам, павшим за Родину в годы Великой Отечественной войны, что на углу Весенней и Притомской набережной в Кемерове. Когда-то бывал здесь десятки раз. Сейчас пьем чай. Без умолку болтаем обо всём на свете, часто перебивая друг друга. Ведь не виделись лет, наверное, шесть-семь из-за моего вынужденного отъезда из Кузбасса на заработки в другой регион. А он, прознав, что мы с женой вернулись на родину, позвонил, предложил встретиться.

Новостей о прошедших и текущих событиях накопилось очень много. Говорим о наших семьях и детях. Он – о своей жене Валентине, о дочери, сыне... С удовольствием рассказывает о новых книгах, о своей работе в областной библиотеке над проектом серии изданий кузбасских литераторов. (Слушая его, думал тогда, что Вася Кравчук как был, так и остался по сути своей, по призванию книжным графиком и без работы ему никак не прожить). Он как всегда энергичен, разговорчив, остроумен. По всему видно, рад встрече. Да и я рад старому товарищу, с которым было связано столько добрых проектов, планов.

Показывает макет нового альбома «Василий Кравчук. Графика книжная, станковая», который вот-вот должен выйти из печати. По его словам, альбом должен стать его творческим отчётом к 75-летию, которое будет 12 ноября 2023 года.

– Не рановато? – удивляюсь я. – Ведь впереди ещё вон сколько времени. Создашь что-нибудь этакое, а оно уже не войдёт в книгу.

Василий уклоняется от прямого ответа, сетует на инфляцию, на рост цен на бумагу, поэтому, мол, надо торопиться. О здоровье – ни слова. Договорились созвониться, чтобы снова увидеться. Потом несколько раз говорили по телефону...

Весть о его уходе из жизни 18 июля 2022 года стала такой печальной неожиданностью, что надолго выбила из привычной колеи... Хорошо, считал я после, что он успел увидеть свой новый альбом, но очень жаль, что тот стал для мастера последним.

В его биографии было немало интересных дат и событий. Главным художником Кемеровского книжного издательства он был с 1981-го по 2004 годы. Затем с 2004-го по 2010-й работал главным художником Кемеровского редакционно-издательского дома «Книга», который они организовали вместе с известным кузбасским журналистом, бывшим собственным корреспондентом ТАСС по Кемеровской области Григорием Трофимовичем Шалакиным.

С 2010-го по 2016 годы В. П. Кравчук преподавал в Кемеровском институте культуры, был профессором кафедры дизайна КемГИК. Читал лекции, проводил семинары, вёл дипломные работы своих студентов. Затем трудился художником в Государственной научной библиотеке Кузбасса имени В. Д. Фёдорова.

Он был щедрым человеком, о таких говорят: широкая натура. Поэтому постоянно передавал свои многочисленные работы в дар в музеи и библиотеки области. Был почётным дарителем «Фёдоровки» и музея «Красная Горка». В фондах «Красной горки» хранится около 90 его графических работ, которые стали основой для тематических выставок об истории города Кемерова.

Василий Петрович являлся участником огромного числа выставок – всесоюзных, всероссийских, международных, зарубежных, региональных, областных, городских, групповых и персональных. Если вспомнить, что первая в его жизни выставка состоялась в 1967 году, когда студенту художественно-промышленного техникума Кравчуку было всего 19 лет, то за неполные 55 лет, прошедших с тех пор, на счету мастера – участие более чем в сотне выставок разного уровня.

На них он демонстрировал специалистам, знатокам и обычным посетителям свои книги, листы, рисунки, картины. Напомню, арсенал живописца Кравчука представляют разные жанры: пейзажи, натюрморты, тематические картины. И – портреты.

Портреты Кравчука заслуживают отдельной истории.

В начале 2013 года я обратился к Василию с просьбой: создать портрет моей жены Галины, – хотелось удивить вторую половину необычным подарком. Художник отнёсся к моей просьбе очень серьезно. Сейчас наш семейный дом украшает портрет – картина выполнена яркой, сочной акварелью, украшена элементами традиционного украинского орнамента, цветами и другими природными компонентами.

На стенах мастерской Кравчука портреты тоже занимали немало места. Здесь я увидел портрет Васиного отца Петра Карповича, матери Таисии Михайловны, жены Валентины, ещё маленьких дочери и сына.

Художник создал такое множество разных портретов, что они наполняют целые его книги. Одна из них книжка-миньон «Лица и годы» (2009) вместила в себя несколько десятков образов самых разнообразных людей, встреченных художником в разное время. Здесь акварельный портрет матери (1969) – серьезной женщины-труженицы в скромной белой блузке, сером пиджаке и белом платке на голове. Художник рисует напряжённое женское лицо, но взгляд тёмных глаз очень внимателен и проникновенен, он повествует о большом и нелёгком жизненном пути женщины. Изображение отца чем-то напоминает самого Василия в «серебряном» возрасте. В книге несколько автопортретов, много лиц родных и друзей мастера, однокашников и коллег по работе на Украине и в Узбекистане.

«Пожалуй, любой начинающий художник, стремящийся овладеть профессиональным мастерством, в начале своего творческого пути «грешит» портретными зарисовками, – рассуждает во вступительной статье к этой книге Илья Ляхов. – Понятно, не избежал этого и Василий Кравчук. В студенческие годы...

портретных рисунков было особенно много. Позже это стало профессиональной привычкой».

Чуть не каждый встреченный в жизни человек по-своему интересен. Вот и рисовал он лица самых разных людей в ходе беседы, во время учёбы, на отдыхе, дома, в кругу родных. Однако есть в этих лицах, запечатлённых в различные годы, точность и глубина характеров, какое-то светлое обаяние.

«Самое драгоценное – точное отношение автора к изображённым персонажам, – продолжает И. Я. Ляхов. – Если внимательно взглядеться в представленные портреты, то мы следом за художником почувствуем и его строгую сыновью любовь к родителям, и непреходящее тёплое отношение к жене, и ласковую нежность взгляда на маленького сына... Лицо студента 60-х годов века минувшего никак не спутать с ликом нынешнего молодого человека. Кравчук умеет точно видеть. И это завидное качество художника раскрывается даже в быстролётных портретных зарисовках, сделанных давным-давно».

Разнообразные по характеристике, его портреты глубоко эмоциональны по ощущению. Они подкреплены короткими подписями самого художника: «Племянник Витя», 12x10, бумага, акварель, 1969; «Технолог Люба», 14,5x11, бумага, акварель, 1971; «Слесарь Ким», 26x20, бумага, акварель, 1972; «Жена», 52x41, картон, гуашь, 1973; «Леночка», 34x28, бумага, акварель, 1975; «Спящая Катюшка», бумага, цветные карандаши, 1982; «Внучек», 56x46, бумага, гуашь, 2005...

Удивительно, с какой симпатией и признательностью помещает художник в свои альбомы портреты родных! Большая жизнь большой семьи вдохновлена его талантом и многократно отражена в его альбомах. В его произведениях чувствуется искренняя благодарность родителям – за жизнь и их веру в его талант, детям Кате и Валерию и внукам – за продолжение жизни рода Кравчуков на сибирской земле, жене – за разделённый жизненный путь и душевную щедрость.

С женой Валентиной Сергеевной они были знакомы со школы, выросли в одном селе. И не было у Василия Петровича более преданного друга и союзника, хотя профессия Валентины Сергеевны, инженера-связиста, была очень далека от творческих сфер. Их брак длился более полувека.

***

Знаю, что Василий Петрович не любил славословий в свой адрес. Он знал себе цену, но был при этом скромн и даже порой стеснителен. Однако труды члена Союза художников России с 1989 года, члена Союза журналистов России с 1998 года, действительного члена Петровской академии наук и искусств на протяжении всей его творческой жизни оценивались по достоинству. И было бы неправильно не сказать о наградах книжного графика, художника В. П. Кравчука. Пусть не обо всех, о самых главных.

В 2004 году за большой вклад в развитие культуры России и Кузбасса указом Президента страны В. В. Путина ему присвоено звание заслуженного художника России. Он отмечен и Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации.

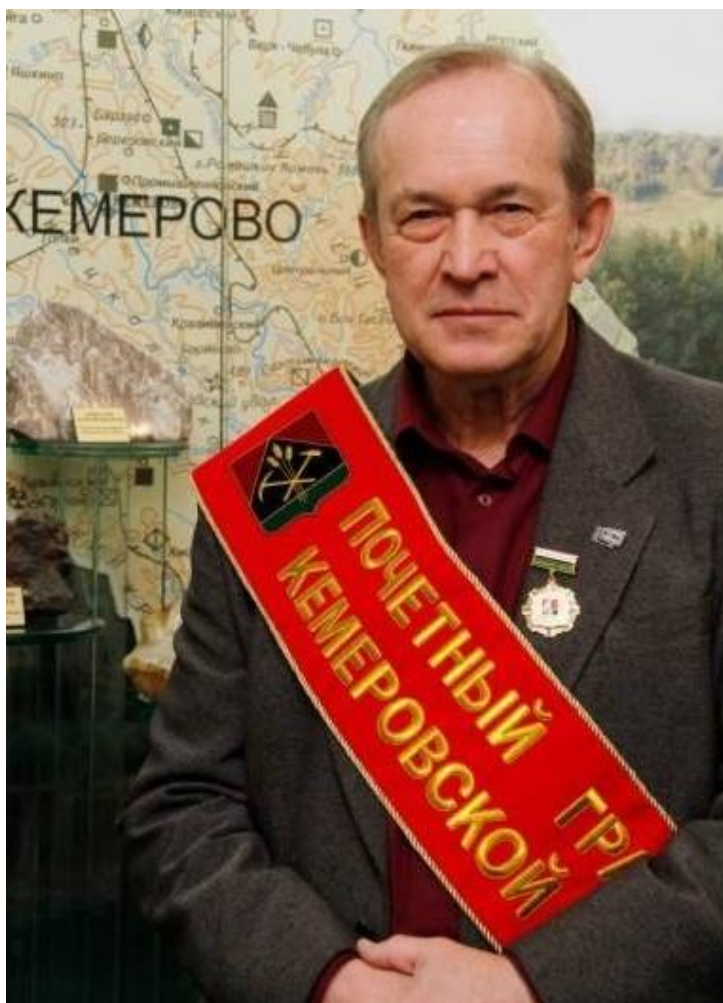
Среди значимых официальных наград Кемеровской области В. П. Кравчуку присуждено звание лауреата премии Кузбасса (2008), вручены медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2003) и II степени (2007); медаль «За служение Кузбассу» (2004); медали «70 лет Кемеровской области» (2013) и «75 лет Кемеровской области» (2018). Присвоено звание лауреата именной премии администрации Кемеровской области в сфере литературы и искусств – премии имени В. Д. Вучичевича-Сибирского за произведения графики (2013).

Среди муниципальных поощрений: награда администрации города Кемерово – премия имени заслуженного работника культуры РСФСР, художника В. А. Селиванова, бронзовый знак «За служение перед городом Кемерово» (2013), медаль «За заслуги перед Прокопьевским районом» (2014).

В числе общественных и профессиональных наград: серебряная медаль Союза художников России «Духовность, традиции, мастерство» (2012) и золотая медаль СХР «Духовность, традиции, мастерство» (2017); Золотая памятная медаль Академии художеств Узбекистана; диплом Академии художеств России и диплом Союза художников России (2008).

Многие работы В. П. Кравчука отмечены дипломами и призами профессиональных областных, зональных, всероссийских и международных конкурсов и выставок графики, живописи и искусства оформления книг, таких как «Искусство книги», «Искусство книжной графики», «Памятники Отечества», Московские международные выставки-ярмарки и других. Так, шорский букварь, макет и эскизы к которому разрабатывал Василий Петрович, на выставке «Буквари малых народов» в Париже получил золотую медаль.

Юрий Светлаков: «Пусть дух открытий не покинет вас»

В одном из интервью, рассказывая историю передачи «Шаг за горизонт», Юрий Светлаков поделился:

«Если докапываться до истоков, то мой прадед обладал удивительной силой – взглядом распрягал лошадей, а дед Иван знал толк в травах, но знания свои никому не передал. Кто знает, может быть, какие-то гены предков у меня и есть, жаль только, я этого не замечаю.

Любопытство и стремление понять, что и как происходит, явилось одной из причин создания цикла передач «Шаг за горизонт». Тайна привлекает. Мало узнать – важно понять, как это происходит в рамках тех знаний и тех ощущений, которые отпущены нам в этом мире.

Что происходит? Как по фотографии можно определить, жив человек или нет? Что такое душа? Как открыть «третий глаз»? Где обитает мысль? Как управлять своим организмом? Как открыть второе зрение? Как научиться телекинезу? Как овладеть левитацией? И так далее. Вопросов много, но нет готовых ответов...»

Мастер пытался найти для нас эти ответы...

1.

Юрий Яковлевич всегда был современным человеком. И в молодости, и в свои 60, 70 и 80 лет был на «ты» с любой технической новинкой, касающейся кино или телевидения, телевизионных съёмок, видеомонтажа. Ему «по зубам» была нынешняя компьютерная техника и цифровые технологии. Он активно общался в социальных сетях, вёл свой большой интересный IT-портал.

Вот что он писал о себе на своём персональном сайте <http://svetlakov.kuztpp.ru/>:

«Я, Светлаков Юрий Яковлевич, по образованию кинооператор (или как он сам себя называл – съёмщик). Почти полвека – с 7 сентября 1961 года по 7 сентября 2006 года – отпахал как пахарь одиночка на Кемеровской студии телевидения.

Последние лет 20 был автором и ведущим популярной программы «Шаг за горизонт». В эфир вышло около 700 передач...»

Это был выдающийся телевизионный рекорд автора, по праву вошедший в «Книгу рекордов Кузбасса»!

Родился Юрий 16 июля 1938 года в шахтёрском городе Киселёвске Кемеровской области. Военные и послевоенные годы детства провёл в Прокопьевске. Чтобы понять истоки творческого мастерства человека, надо окунуться в его малолетство: где жил, чем дышал, какими были его родовые корни.

Исследовать жизнь Юрия Яковлевича и просто, и сложно. Просто – потому что он оставил огромное количество книг, статей, телепередач, киноочерков, в которых изложены все подробности его биографии; сложно – потому что в этой массе материалов, фактов, фото и видеоизложений легко упустить что-нибудь важное, сыгравшее в его судьбе решающую роль.

Юра рос очень любопытным ребёнком. Вспоминая детство, рассказывал:

«К примеру, я в детстве был очень любопытным. Во всё, что попадалось мне на глаза, день-два поиграю, а на третий день – разбираю, режу, ломаю. Однажды мама привезла мне из Новосибирска, мне было года три, коня-качалку – классная вещь по тем временам! Я два дня покачался, на третий день вспорол коню брюхо. Хотелось посмотреть, что ж там находится внутри. Там оказались опилки! Мне пришлось тайком этого коня закопать в огороде. Матери на вопрос, где конь, отвечал: «Не знаю, ускакал куда-то».

Его родной отец, Михаил Иванович Катунин, родом с Алтая, из небольшого села Ново-Троицкое. Окончил четырёхлетнюю трудовую школу 1-й ступени. Году в 1937-м приехал в город Киселёвск учиться на бухгалтера. Там и познакомился с Юриной мамой Глафирой Ивановной Титовой. Говорят, он был очень гостеприимный. А умер от воспаления лёгких, когда сыну было всего несколько месяцев:

«Уходя из жизни, мой отец Михаил Катунин попросил своего друга Якова помогать нам, – написал в книге «Вспомнить детство и забыть» Юрий Яковлевич. – Он не только «помог», но и усыновил меня. Так я стал Светлаковым».

Его отчим Яков Иванович Светлаков был родом из деревни Ижморка Кемеровской области, здесь же жили родители отчима – добрая баба Таля и суровый дед Ваня. В годы войны мальчишку на всё лето отвозили к ним. Отчим же ушёл на войну, но

мальчику почему-то никогда не говорили, где он служил, и как, и с кем воевал, – всё было покрыто какой-то тайной.

Его мать Глафира Ивановна Светлакова родилась в селе Тогул Алтайского края, в большой крестьянской семье. Она была самой младшей. И получила четыре класса образования.

«...Я, мальчишка, жил в годы войны в шахтёрском городе Прокопьевске и, кажется, был счастлив, – читая эти строки, вижу, как автор этих строк по-доброму улыбается. – А счастлив был потому, что был свободен А свободен был потому, что мама с утра до позднего вечера была на работе. Я же, за редким исключением, оставался один дома. Только сейчас понял, что свобода у меня была почти по Гегелю: «Осознанная необходимость – есть свобода».

Его воспоминания о детстве – это память о далёком счастливом прошлом. Он вспоминает эти нелёгкие, казалось бы, дни и годы, как что-то очень отдалённое по времени, но навсегда впечатавшееся в память:

«Я, например, детально помню миг в вагоне поезда, когда меня в первые дни войны на лето увозили к бабе Тале в Ижморку. Ночь, монотонный говор, запах противных яиц, боковая верхняя полка, я засыпаю... и вдруг! Яркий свет, громкий стук колёс проходящего мимо поезда, чей-то крик!»

И ещё штрих из малолетства, яркий, как фотовспышка: «В моем детстве не было телевидения. Вероятно, я мечтал о кино. Мама мне рассказывала, что когда я был маленьким, то вставал на стул, показывал картинки в книжке и говорил: «Это кино», – хотя кино никогда в жизни не видел».

Однажды они с мамой поехали в гости в посёлок Спиченково, что в пригороде Прокопьевска, к какой-то «голимой» родне, у которой был волшебный фонарь – фильмоскоп! Взрослые сидели за столом, пили, ели, пели бесконечно длинные песни, типа «Сронила колечко со правой руки»... А ребятишек посадили в коридоре на пол, поставили на стол табуретку, а на табуретку фильмоскоп.

Высоко над дверью загорелся экран, появилась надпись, кто-то из взрослых прочитал «Лисичка-сестричка и серый волк». Юрий Яковлевич уверял:

«Помню запах накалённой лампы фильмоскопа, волшебную плёнку с дырочками по бокам. Этот первый диафильм, вероятно, стал первой информационной записью в мой «файл» для того, чтобы потом разбудить во мне желание быть кинооператором...»

О войне он знал понаслышке, и всё-таки... Запомнил плач соседей, получивших похоронку, помнил, что в те годы женщин везде было больше, чем мужчин, остался в памяти День Победы 9 мая 45-го, когда на главной площади Прокопьевска радостно шумела большая масса людей.

В Прокопьевск мама с сыном перебрались ещё во время войны. Осенью 1945 года мальчик пошёл в школу. В это время семья жила на улице Калинина – практически в центре города. Война ещё долго не отпускала своими воспоминаниями:

«Примерно через неделю после начала занятий в класс привели ребят из блокадного Ленинграда. Держались они стайкой, с нами в наши игры не играли. Я тогда впервые увидел глаза, полные тоски, глаза, которые смотрели не в мир, как

у всех, а в себя. Раз в неделю учительница приносила в класс картонный ящик с конфетами. Конфеты были двухслойные, сверху беленькие, внизу коричневые. Сейчас их называют «школьные». Каждому на парту она раздавала по две конфетки. И вот, никто нам это не подсказывал, никто нас не учил, мы, не сговариваясь, на переменке по одной конфетке отдавали этим ребятам из Ленинграда».

Первой песней, которую Юра знал наизусть, была «На позицию девушка провожала бойца...» А когда оставался один дома, во всё горло орал:

– Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге...

И припев:

– Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

И начал грезить кино: «Это, наверное, знак свыше. Человек приходит на землю, чтобы выполнить определённую жизненную программу. Но, как и где её найти – вот в чём вопрос?»

Пацаны той поры страстно любили ходить в кинотеатр. Юре и тут повезло: он жил совсем рядом с лучшим киношным заведением города, а то и области, которое называлось «Кинотеатр имени Николая Островского».

«Мой любимый кинотеатр находился рядом с моей школой № 11. На любой фильм я всякий раз летел с замирающим от радости сердцем как на встречу с таинственным чудом!»

Детский билет тогда стоил 10 копеек на дневной сеанс художественного фильма с документальным кино в придачу. Никаких денег на кино, понятно, у парнишки не имелось. Он иногда клянчил их у матери, а, бывало, брал без спроса и мчался в кинотеатр. Покупал билет, и контролёр впускал его в волшебный мир. Вначале зрители собирались в фойе, потом переходили в небольшой зал, где на сцене перед сеансом обязательно играл оркестр и непременно выходили конферансье и певица в красивом платье.

Звонков о начале сеанса не было. Моргали лампочками освещения: «Раз! Два! Три!» В зале медленно гас свет, и начиналось чарующее представление под названием КИНО.

Из наших советских фильмов в его в памяти остались незабываемый «Чапаев», суровый «Мы из Кронштадта», хулиганский «Путёвка в жизнь», смешные «Насреддин в Бухаре» и «Весёлые ребята», военные «Два бойца», «Иван Никулин – русский матрос», «Малахов курган», «Секретарь райкома», «Жила-была девочка» и много, много других.

«Признаюсь, – всегда подчёркивал он, – я не очень любил фильмы, снятые в павильоне, если это не экранизация оперы или спектакля... А однажды я где-то услышал гениальную фразу, что память – это тот единственный рай, из которого нас невозможно изгнать. Вот этот-то кинотеатр Островского окончательно и «сгубил» меня...»

В детстве у него была открытка – кадр из фильма «Кардинал Ришелье» с субтитром «Добивайся намеченной цели»: «Эти слова стали моим девизом. Но этого мало, нужна ещё цель-программа, которая формируется опять-таки в раннем детстве...» Наконец, когда Юрий жил и учился в Прокопьевске, они с пацанами придумали игру «Угадай профессию». Замечали на улице или в трамвае человека и по лицу, по рукам, по одежде, походке старались определить, чем человек занимается. Потом следили за ним и в конце концов научились почти безошибочно определять не только профессию, но и характер человека.

Он с детства учился определять профессии людей и свою специальность тоже выбрал в ранние годы. Мальчишка разгадал тайну фотосъёмки: недаром же говорят, что при желании фотографировать можно и при помощи обычного ведра. И начал изобретать и мастерить фотоаппараты. И у него получалось. Вспоминал: «Первый фотоаппарат у меня был самодельным, назывался «ЮС-1». Сделал я его в виде коробки из досок от ящика: с одной стороны – объектив, с другой – кассета с пластинкой или плёнкой 9x12».

Вместе с другом Борей Бычковым, который жил в маленьком домике в районе шахты «Чёрная гора», записался в фотокружок в Доме пионеров. Руководил фотокружком Ростислав Теодорович Маслов, который увлёк ребят фотографией. На этот раз фотокамера у Юры была не самодельная: фотоаппарат «Любитель». С него можно было печатать снимки 6x6 сантиметров без увеличения. Потом мама купила ему зеркальный «Зенит».

Однажды они с Борей сделали по диафильму, которые показывали через фильмоскоп. Юрий показывал это своё «первое кино» пацанам с улицы. Закрывал ставни, вешал белую простынку на стенку и с выражением читал стих Тараса Шевченко:

Воскресенье утром рано
Поле крылося туманом,
И склонилась в тумане,
Словно тополь, на кургане
Молодица молодая.
Что-то к сердцу прижимает...

Но ему страстно хотелось, чтобы его «кино» тоже двигалось на экране, как настоящее. Однажды в газете «Пионерская правда» Юра прочитал заметку «Как самому снять и показать кинофильм». Публикация запала мальчишке в голову.

Спустя время он случайно нашёл на дороге небольшой, метра полтора, кусочек 16-миллиметровой плёнки, с изображением большого застолья. Как узнал потом, это были финальные кадры из фильма «Кавалер Золотой Звезды», снимал который кинооператор Сергей Урусевский.

Чтобы увидеть кадры на экране, Юре удалось смастерить деревянную камеру – и для съёмок, и для показа отснятых плёнок. Он иронично назвал её «Драндулет-1». На самом деле камера была из дерева, только кадровое окно и obturator (устройство для перекрывания потока света в киносъёмочной и кинопроекционной аппаратуре) сделал из консервной банки, а грейфер (механизм для перемещения киноплёнки на шаг кадра) – из какой-то железяки. Зубчатые барабаны вырезал из

катушки от ниток. Иногда работал над деталями прямо в школе во время урока, за что его выгоняли из класса, приговаривая: «С такими грязными руками тебе не место в классе».

«Первая киносъёмка на «Драндулете-1» проходила недалеко от терриконика прокопьевской шахты имени Калинина, на краю обвала, – поделился воспоминаниями Юрий Яковлевич в своей книге «ВГИК. Заветная звезда», вышедшей в 2020 году. – Мы с моим другом Германом устроили показательную драку. Ручку камеры крутил мой брат Алька. Самое интересное было потом, когда надо было проявлять плёнку. Плёнка была обратимая 16-ти миллиметровая, чёрно-белая. Никаких приспособлений для проявки не было – пришлось весь процесс: проявки, засветки, чернения, снова проявки, фиксации и промывки делать в большом ведре руками без резиновых перчаток».

К большой досаде «съёмщика», половина плёнки ушла в брак. То, что осталось, он высушил на бельевой верёвке. Потом на стену прикрепил лист ватмана, зарядил аппарат, позвал соседских пацанов. И четверо его первых зрителей увидели 30-секундный фильм.

На этом история юного «самоделкина» не закончилась. Позже головастый и рукастый, как говорили о нём друзья, Юра придумал и смастерил другой киноаппарат... Впрочем, мы ещё вернёмся к этой истории.

2.

Однако после окончания средней школы Юрий по совету матери поступил на маркшейдерское отделение Прокопьевского горного техникума. После защиты диплома три года работал геодезистом в Управлении главного архитектора города Прокопьевска.

О том, чем он здесь занимался, известно немного. Геодезист – это специалист по составлению карт местности, проведению расчётов, необходимых для описания рельефа. В строительстве эта профессия незаменима. А в Прокопьевске того периода строили немало: шахты, заводы, жильё, социальные и культурные объекты. Геодезист сопровождал строительные работы с момента определения участка под застройку и до самого ввода объекта в эксплуатацию.

Думаю, эта профессия тоже наложила свой отпечаток на характер героя нашего рассказа.

«После учёбы я, как положено, три года тянул ляжку геодезиста, – признаётся он. – Полевые работы, ещё куда ни шло. Геодезические приборы чем-то напоминали съёмочную технику – такой же штатив, такая же оптика. А вот работа в кабинете: крутить ручку арифмометра, считать теодолитные ходы, – скука несусветная! В обеденное время от камеральных работ сбегал в кино. Купишь, бывало, два пирожка с повидлом и стаканчик мороженого – вот и весь обед в зрительном зале. Смотрел всё подряд – лишь бы кино было. Это были и первые тупые китайские фильмы, как «Стальной солдат» или «Седая девушка». Много смотрел заморских фильмов».

Попадалась ему и классика мирового кино: «Тупик», «Три мушкетёра», «Королевские пираты»; и наши фильмы: «Сельская учительница», «Падение Берлина», «Молодая гвардия». И ещё много-много игровых и документальных лент. Многие из них шли под шапкой «Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома немецко-фашистских войск под Берлином».

Специально ездил в Сталинск посмотреть «Белоснежку и семь гномов» в каком-то деревянном клубе. В кинотеатре «Коммунар» смотрел «Бесприданницу», «Путёвку в жизнь» и другие. Записывал во время сеанса в записную книжку имена кинооператоров. Всё чаще стал задавать себе вопрос, а можно ли научиться снимать так же, как они?

Кроме работы оставалось ещё и свободное время. Кто-то проводил его так, что потом нечего вспомнить, Юрий Светлаков – не из таких. Он не любил потерянных даром часов. Кстати, в школьные годы он посещал не только фотокружок, но ещё и танцевальный. В его памяти отложился смешной эпизод, который часто вспоминался:

«Однажды во время очередной школьной олимпиады плясали танец «Лявониha», припевая песню: «Ой, Лявониha, Лявониha моя!» Я, как бескрылый петух скакал по сцене и махал руками, которые были у меня не на поясе, а под мышками. Зал просто ржал! ...Больше в танцевальный кружок не ходил. Зато записался во Дворце пионеров в балетный. Научился работать у станка, выучил всякие позиции, но на сцену не выходил. Преподавала у нас Галина Николаевна, фамилию забыл. Она всякий раз приезжала из Сталинска на занятия в Прокопьевск. Как позднее узнал – среди её учеников был известный танцор Владимир Шубарин».

В горном техникуме был свой эстрадный оркестр, где студент Светлаков играл на аккордеоне. Он ведь и нотную грамоту освоил в школьные годы, вполне сносно умел играть кое-какие мелодии.

Музыкальную науку ему преподавал осевший на постоянное жительство в Прокопьевске бывший пленный немец Адольф Карлович. Первым музыкальным инструментом Юрия стало соседское пианино. А когда он выучился играть гаммы, сольфеджио и простенькие мелодии типа: «Степь, да степь кругом...», «Собачий вальс», «На крыльчке твоём», «Элизе», – мама купила ему аккордеон.

Узнав, что парень играет на аккордеоне, его пригласили в эстрадный оркестр техникума. «В его составе я даже один раз выступил на сцене и страшно опозорился, – смеётся Светлаков. – Играли «Выходной марш Дунаевского». Начал хорошо, но потом сбился и делал вид, что играю – изо всех сил давил на кнопку выхода воздуха из аккордеона, почти не нажимая на клавиши, чтобы звук не было слышно. Как бы играю, а звука нет...»

Удивительно, как много порой надо познать и выучить человеку, чтобы потом всю жизнь заниматься любимым делом! В молодые годы Юрий Светлаков осваивал ещё и театральную сцену. А что? – актёрские навыки очень дажегодились ему в работе над образом телеведущего.

При горном техникуме был ещё и драмкружок. Руководил им Григорий Минеевич Аврутин. Юра предложил ему своё участие в постановках. И получил согласие. Ведь театральные задатки у него проявились ещё в школе.

В седьмом классе он ходил в школьный драмкружок, где ко Дню Победы ставили сцены из «Молодой гвардии». Роли молодогвардейцев тогда достались отличникам, а Юрий выступал в роли немецкого захватчика.

В 1954 году, когда отмечали 300-летие воссоединения Украины с Россией, в прокопьевском ДК шахты имени Ворошилова проходила олимпиада, посвящённая этому событию. В ней участвовала школа, где учился Светлаков, подающий надежды на актёрские задатки. В торжественном представлении он сыграл роль посла. Должен был выйти на сцену поклониться и сказать: «Я от русского народа вам поклон передаю!» Перед этим долго заучивал, как правильно делать русский поклон, и вместе с мамой придумывал посольский наряд: в ход пошли её старая шуба и шапка, также была расшитая рубаха – косоворотка. За эту роль ему дали грамоту...

Когда Юрий пришёл в техникумовский студтеатр, там ставили пьесу Николая Погодина «Человек с ружьём», припоминал Юрий Яковлевич: «Вначале режиссёр показал нам фильм. Мне досталась роль матроса. Помните, Шадрин, после встречи с Лениным подходит к матросу и спрашивает: «Уважаемый, а кто это был?» Матрос отвечает: «Как кто!? Ленин!» У Шадрина из рук выпадает котелок...»

Так что театр отнимал немало времени у молодого Светлакова. А расстался он со сценой внезапно, в результате смехотворного казуса. После окончания техникума уже работал геодезистом в управлении главного архитектора Прокопьевска и однажды в ДК Артёма повстречал того самого режиссёра из студтеатра. «Поговорили о том о сём, – рассказывает Юрий. – И он пригласил принять участие в пьесе, кажется, «Калиновая роща». Надо было сыграть роль тракториста. Я согласился и стал ездить на репетиции в ДК железнодорожников, что недалёко от вокзала. Всё шло хорошо. Но во время генерального прогона режиссёр предложил мне поцеловаться с героиней. Мы так не договаривались! Как это принародно целоваться? Ладно было бы, если какие-нибудь чувства были! Я наотрез отказался и навсегда завязал с актёрской профессией...»

Ещё он много фотографировал. В Прокопьевске, кажется, не оставалось уголка, в котором бы не побывал юный Юра со своим фотоаппаратом. Дома у начинающего мастера была «темнушка» с ванночками, увеличителем и всеми другими необходимыми причиндалами, где он проявлял плёнки и печатал карточки на фотобумаге. Снимков было много, и он не спешил с ними расставаться, даже с теми, которые не совсем удались. У многих его фотографий той поры своя история. Вот, например, одна из них:

«В день 12 апреля 1961 года в моём родном Прокопьевске никто никого не звал на главную площадь города. Напротив драмтеатра собрались люди на митинг по поводу первого полёта Юрия Гагарина в космос. Своим стареньким фотоаппаратом «Зенит» я снял у трибуны несколько крупных планов взволнованных лиц. Но это же полёт в космос! Недолго думая, решил снять событие сверху.

Рядом был высотный дом («дом под шпилем», как называют его прокопчане). Вбежал в подъезд – тогда они не закрывались – взлетел на верхний этаж, но люк на крышу оказался на замке. Вернулся. По хлипкой пожарной лестнице всё же взобрался на крышу и снял несколько кадров сверху. Вечером проявил плёнку и

напечатал большие, как мне казалось, карточки 13 на 18 сантиметров. Наклеил фотографии на три листа ватмана и утром следующего дня вывесил их в коридоре Управления главного архитектора города. Это была моя первая фотовыставка! Провисела она дня два, на третий день её кто-то спёр...»

Но больше всего ему хотелось снимать кино. Юрий придумал и смастерил широкоэкранную камеру «Кадр 35-235» для съёмок широкоэкранного кино. Эта камера, по мнению знающих людей, была сделана до того, как в Прокопьевске, да и в стране появилось широкоэкранное кино. Это произошло в 1955 году, когда парню едва исполнилось 17 лет.

Его друг Борис Бычков – он, кстати, как и Светлаков, затем выучился во ВГИКе – после окончания школы устроился работать в КузНИИ. Это в Прокопьевске институт угля. В институтской лаборатории ему было дозволено бесплатно печатать снимки. Там у него было много всяких химикатов для фотографии, а Юрий покупал метол, гидрохинон, сульфит в магазинах. Для тех, кто увлекался фото и киноделом, траты были не такие уж малые.

«Я как-то у Борьки попросил: «Дай мне хоть горсточку сульфита», – рассказывал Юрий Яковлевич. – Он не дал. Но, самое главное, когда я его спрашивал: «В каком проявителе ты проявляешь?» Он мне сказал: «Шарупить надо!» Вот с той поры я шаруплю сам, и никогда ни к кому не обращаюсь с просьбой рассказать или показать, как это всё делается».

У Юры от рождения было чувство красоты окружающего мира, и он учился передавать её на фотобумаге и киноплёнке. Это дано далеко не каждому. Он умел увидеть прекрасное там, где другие не замечали. Однажды Юра Светлаков сфотографировал лужу. Казалось бы, ничего особенного: обыкновенная лужа, в которой плавают осенние листочки. Напечатал карточку, показал друзьям.

«Где ты увидел такую красоту?! – воскликнули они. – Мы же были рядом с тобой и не видели». Чтобы выглядеть умным, он напомнил им известную китайскую поговорку «Один видит в луже грязь, другой – солнце».

Он часто стал задумываться, почему иной фильм смотришь с восторгом, а вот этот кажется заунывно-нудным. Начал посещать научно-популярные лекции о живописи в прокопьевском Дворце культуры имени Артёма, но не нашёл у лекторов ответа. Книг по этой тематике и дома, и в библиотеке было мало. А «вирус кино» уже стал для Светлакова хроническим.

«Где и как научиться ВИДЕТЬ, не смотреть, а видеть?» – мучился он вопросом. Знатоки утверждали, что этому обучают во ВГИКе.

И тогда он из Прокопьевска отправился в Москву – поступать в этот самый Всероссийский государственный институт кинематографии. И конечно же провалился! Через год снова поехал туда – результат тот же...

«После очередной неудачной попытки поступления, – делился Юрий Яковлевич, – подошёл ко мне преподаватель Роман Николаевич Ильин и сказал: «Ты никогда не поступишь во ВГИК, пока не сменишь место работы. Как ты будешь с помощью теодолита и нивелира снимать кино? А где ты будешь проявлять плёнку, курсовые работы делать?»

Эти слова доконали нашего 23-летнего героя. И Светлаков всерьёз приступил-таки к реализации детской мечты: устроился ассистентом кинооператора на Кемеровскую студию телевидения (КСТ). Это случилось в 1961-м. Вчитаемся в строки его книги «Кемеровское телевидение. История в чёрно-белых фотографиях», выпущенной в 2007 году:

«7 сентября 1963 года я утром, примерно в полдесятого, зашёл с заявлением об увольнении к главному архитектору города Прокопьевска Григорию Александровичу Глотову. Говорю: «Извините, я, как положено, отработал у вас геодезистом трёхгодичный срок после техникума, поеду устраиваться на студию телевидения с прицелом потом поступать во ВГИК.

В тот же день, 7 сентября 1961 года, ярко светило послеобеденное солнце, золотилась листва, было тепло и даже жарко. Пахло полынью. Куда ни кинь взор – кругом поля, только вдали стояли телевизионная вышка и два строения: одно из них – сама студия, другое – жилой дом. Я в кирзовых сапогах, с фотографиями под мышкой шёл на окраину города Кемерово устраиваться на работу.

На втором этаже студии в кабинет директора вела длинная ковровая дорожка. ...До сего дня осталось ощущение, что топчу их чистые ковры своими сапогами. В приёмной встретила улыбчивая секретарша Люся Дурасова (потом стала Поляковой). В кабинете директор Дмитрий Иванович Култаев вызвал по телефону оператора, чтобы оценить мои фотокарточки. Через минуту в кабинет, как ветер, ворвался, как я потом узнал, кинооператор Виктор Фотин. Со скоростью 24 кадра в секунду просмотрел фотографии и улетел, на ходу бросив: «Берём!» Так я был принят на работу ассистентом оператора, с окладом 300 рублей...»

А ведь геодезистом он получал 1300 рублей в месяц. Это как же надо желать нового дела, чтобы согласиться на четырёхкратное снижение личного дохода?! Юрий Яковлевич признавался потом, что деньги в его жизни никогда не занимали главного места. Важней было как можно скорее освоить операторскую специальность:

«Не в деньгах счастье», – это правило было для меня основным. В конце дня тот же Виктор Фотин посадил меня на свой мотороллер, который через каждые 100 метров чихал и останавливался, так что пришлось мне его толкать до Южного посёлка, где Фотин устроил мне ночлег в кладовке у своей первой жены. Там я жил, пока не устроился в общежитие в студийном доме. На следующий день с оператором Анатолием Кандинским – «Кандеем» поехал на съёмки в Белово на цинковый завод. Там под лестницей, в пыли и грязи, в мешке перезаряжал кассеты от «Пентафлекса».

Это была довольно новая – по тем временам – 16-миллиметровая кинокамера, которую КСТ получила не так давно. В 1961 году на телестудию пришла и первая проявочная машина для обработки 16-миллиметровой киноплёнки. Техника казалась тогда просто фантастической. Новоиспечённый ассистент оператора принялся скрупулёзно вникать во всякие тонкости, чтобы снимать не хуже Фотина или Кандинского.

Вечером того же дня они «отметили» первую для Светлакова съёмку, да так, что с той поры Юрий решил вообще не пить спиртного. Он, впрочем, и до этого-то не пил.

К сожалению, немало операторов-коллег Юрия Яковлевича печально завершили карьеру из-за чрезмерного пристрастия к «зелёному змию». У Светлакова же на жизнь были другие планы...

Вскоре Юрий перебрался в телевизионную общагу. Она была на первом этаже студийного дома. В одной комнате, – вспоминал новый сотрудник КСТ, – жил инженер телецентра Шая Гершкович Гандельман со своей семьёй. По ночам слышно было, как он ходил по коридору, убаюкивая плачущего ребёнка. В другой маленькой комнатке жили две девчонки. В большой проходной комнате, куда поселили Юрия Светлакова, стояли четыре кровати с тумбочками. На одной из них он и уютился. Но бытовые проблемы мало волновали нашего героя, потому что он по-настоящему влюбился в телевидение, в свою работу. А всё остальное в молодые годы лишь усиливало его любовь.

Кстати, к этому времени на КСТ сложился хороший творческий коллектив: местные телепередачи уже выходили в эфир несколько лет. Ведь областное телевидение в Кузбассе стартовало в 1958 году. Если самое начало вещательной истории Кемеровской студии изложить коротко, это выглядит примерно так:

22 апреля 1958-го в 20:00 с объявления диктора Татьяны Андриюшиной (Болотниковой) в Кемеровской области началось первое пробное телевещание. В первый раз показали мультфильм, затем транслировали художественный фильм «Семья Ульяновых». Закрывает программу этого дня диктор Галина Шевелёва (Скударнова).

1 и 2 мая пробные передачи были продолжены. 31 мая этого года вышли в эфир первые теленовости – еженедельная программа под названием «Неделя Кузбасса». 24 сентября в прямом эфире КСТ из малой студии был показан первый телеспектакль «Молодой человек», над которым работали старший режиссёр КСТ Леонид Швидко, телеоператоры Юрий Командиров и Вадим Литвинов.

До 28 декабря передачи выходили на КСТ три дня в неделю. А с 28 декабря 1958-го постоянные передачи начались пять дней в неделю. Если вещи называть своими именами: пять программ в неделю для работников ТВ – просто потогонная система. Работы было, как говорится, выше крыши. Вот в такую рабочую атмосферу и окунулся Юрий.

Самыми близкими людьми для него стали коллеги-кинооператоры первого призыва. Их было не так уж много: Вадим Литвинов, Виктор Воронов, Анатолий Кандинский, Владимир Каменев, Эдуард Благодаров, Виктор Фотин, Анатолий Пилипенко. У каждого из них была разная, не всегда «ровная» творческая судьба. Однако каждого из них Юрий Яковлевич всегда вспоминал с уважением.

Анатолий Еварестович Кандинский стал для начинающего Светлакова наставником – учил, советовал, показывал, как надо. Анатолий был родом с Сахалина, на восемь лет старше Юрия, и до КСТ уже успел поработать на Новосибирской студии кинохроники, где принимал участие в съёмках кинофильмов, делал сюжеты для киножурнала «Сибирь на экране».

«Первый наставник мой, Кандей, бывало, встанет как вкопанный и снимает, снимает, снимает...» – подшучивал ученик над учителем.

Тем не менее, именно Анатолий Кандинский после одной из командировок подарил ему книжку «Сергей Эйзенштейн. Избранное» со словами: «Вот у кого учиться надо!» И это – очень важный момент. Надо было думать, как снимаешь, что снимаешь.

Начали появляться и первые радости – из ранних самостоятельных кадров Юрия режиссёры монтировали сюжеты, репортажи, досъёмки-видеовставки в телепередачи. Имя оператора называли в телеэфире, а он в ответ старался делать ещё больше, ещё лучше.

3.

За два первых года работы на КСТ Юрий Светлаков научился многому. Умел не только держать кинокамеру, мог набросать текстовку к сюжету, и, если надо, садился за монтажный стол.

Но желание производить настоящее, профессиональное кино его не отпускало. И летом 1963 года он в третий раз отправился в Москву, чтобы вновь попытаться счастье в институте кинематографии. Друзья и коллеги понимали и поддерживали его стремление. А вот родные, не скрывая, осуждали, вспоминал он с иронией:

«Обычно моей матери говорили: «Вот закончит твой сын какую-то ГИКу, кем работать будет? В лучшем случае – киномехаником в Островском!» А киномеханик для них был хуже сапожника, ибо, если во время показа фильма рвалась плёнка, и в кинозале внезапно включался свет, то зрители вскакивали с мест и орали: «Сапожник!»

Но парня уже было не остановить. В Москве абитуриента Светлакова поселили не во ВГИКовское общежитие, как бывало раньше, а в четырёхместный номер гостиницы «Турист». И здесь приключилась настоящая беда: буквально в первый же день соседи по номеру украли у него деньги.

Кража была обставлена до банальности просто. Утром он пошёл умываться, а когда вернулся, в номере – никого. На стуле около кровати лежит его паспорт и обратный билет в Кемерово, который он купил. «Добрые» воры оставили ему несколько рублей. Все остальные деньги из пиджака исчезли. Милиция в поиске не помогла.

Сначала Юрий был на грани нервного срыва, так как впереди месяц жизни в столице. Как его пережить без финансов, да ещё и экзамены надо сдавать?! Но этим-то и отличался советский социализм от российского капитализма: жили небогато, но с голоду никому умереть не давали.

Было такое постановление руководства СССР: чтобы во всех столовых лежал бесплатный белый и чёрный хлеб. В столовой гостиницы «Турист» порция манной каши стоила 10 копеек, чай – 3 копейки. И тарелки дарового хлеба на столиках стояли всегда. Юрий всё посчитал, учёл и решил, что это испытание осилит: «Я не сдамся, как-нибудь выживу!» И полуголодным держал вступительные экзамены...

Общеобразовательные предметы Светлаков сдал очень хорошо. А вот сочинение написал на тройку. Но, чтобы оказаться в отряде ВГИКовцев, нужно сдать

обязательный экзамен по фотографии. Тут крылась особая сложность для абитуриентов.

«Во-первых, надо представить комиссии фотографии, снятые дома, – рассказывает Юрий Яковлевич в своей книге, посвящённой 100-летию ВГИКа. – Во-вторых, тебе выдают две новые фотоплёнки, подписанные и пронумерованные. На эти плёнки ты должен снять два момента: один – в павильоне в течение четырёх часов. Должен снять «гипс», «портрет» и «натюрморт». А потом бежать на ВДНХ (обычно все там снимали) и там снять натуральный репортаж из пяти фотографий. После этого надо сразу вернуться во институт и проявить плёнки».

Всё – не так просто, как кажется! Представьте себе конкурс: на одно место на операторском факультете претендуют 40 абитуриентов! И вот тут-то происходят разные «фокусы», вспоминал наш кандидат в студенты, имея за плечами уже две неудачных попытки. Для обработки фотоплёнок всем претендентам выдают уже готовый, разведённый проявитель и фиксаж в бутылках. Могут случайно «перепутать» бачки и засветить плёнку? А почему нет, чтобы вышибить лишних из конкурса. Или, например, во время зарядки плёнки в фотобачок кто-нибудь «нечаянно» включит свет. И всё – плёнка засвечена, другой плёнки нет – вылетел. Ещё один кандидат вылетает. Так что, будь предельно внимателен, Светлаков! – приказывал он себе.

Его «домашние» фотографии приняли на экзамене хорошо: «Фотографии, снятые дома, и те, что были сняты мною в ходе экзамена, я показал экзаменатору – какому-то дедушке, – делился Юрий Яковлевич. – Меня никто до этого никогда особо не хвалил, но когда он посмотрел мои карточки, увидел мою малину с молоком и корочкой хлеба, портреты Вовки, Наденьки и другие фотографии, он стал с восторгом говорить: «Ой, какая вкусная малина! А мальчишка-то весь в грязи! Здорово!»

И дедушка поставил ему «отлично».

Лишь потом Юрий узнал, что дедушка этот на самом деле «отец русской операторской школы» – как написано в «Кинословаре» – Александр Андреевич Левицкий. В своё время он снимал Ленина и Маяковского, снимал фильм «Приключения мистера Веста в стране большевиков» и много чего ещё. И долгие годы работал преподавателем во ВГИКе.

Однако и это было ещё не всё. Самый страшный экзамен – собеседование. Комиссия никогда заранее не сообщала, на какую тему будут задавать вопросы претенденту на студенческое место. Поэтому среди абитуриентов бытовало поверье: как ни готовься, всё равно не ответишь. Но Светлаков рискнул, и на комиссии вышел примерно такой диалог:

«Меня тогда, когда поступал третий раз, спросили:

– Ты художников знаешь?

Я говорю:

– Знаю!

– Ну, назови!

– Венецианов.

- Картину назови.
- «На пашне».
- Что там изображено?
- Какая-то девушка.
- Во что девушка одета?
- В сарафан.
- Какого цвета сарафан?
- А я чёрно-белую репродукцию видел...
- А сколько там лошадей?
- Я помню двух.

А там оказалось ещё две лошади. И всё время ассистент повторял: «А что ж ты ничего не знаешь?» По правде говоря, я в то время почти ничего не знал. Не помогло ни хождение по всяким лекториям по изобразительному искусству, ни чтение толстых книг, включая известного искусствоведа Михаила Алпатова».

Вспоминая этот эпизод, Юрий Яковлевич привёл пример уже из своей преподавательской практики в Кемеровском институте культуры:

- Спрашиваю на экзамене студентку кафедры фотовидеотворчества: «Назови любого оператора, и какой фильм он снял?» Молчит. «Ну, хотя бы ты Ленина знаешь?» – «Знаю!» – «Кто это?» – «Памятник на площади»...

В общем, собеседование он всё-таки прошёл. И по итогам вступительных экзаменов набрал нужное количество баллов – ровно столько, сколько надо. Когда же в день зачисления в вывешенных в фойе института списках поступивших своей фамилии не нашёл, его снова охватило отчаянье. Но, длилось оно ровно минуту. Быстро набрался храбрости и помчался к ректору ВГИКа Александру Николаевичу Грошеву. Не раз слышал, что тот, как никто другой, помогал студентам в сложных ситуациях. Юрий сумел пробиться в ректорский кабинет и рассказать ему и про детские увлечения, и про телестудию, и про то, что без денег прожил весь месяц:

«Ректор спросил: «А ты что, очень хочешь учиться?» Я дрожащим голосом тихо произнёс: «Очень!» Было такое состояние, будто я на «Титанике», когда тот шёл ко дну. Александр Николаевич, недолго думая, сказал: «Ну, иди, учись!» Я выскочил из кабинета ректора... Не зная, куда идти, не ведая с кем поделиться радостью!»

Так Юрий Светлаков стал студентом-заочником ВГИКа.

Учиться без отрыва от производства не так-то просто. Кто проходил это, знает. Помнится, я и сам учился заочно, получая второе высшее образование. Между сессиями не всякий сможет делать «на удалёнке» вечерами, в кругу семьи, «домашние задания» высшей школы. Вырвешься, бывало, из непрерывного трудового процесса на месяц на сессию в другой город: а там надо и кучу лекций выслушать, и переварить материал, и письменные работы подготовить, и экзамены сдать. Тяжелейшая задача, которую решаешь в течение нескольких лет...

На операторском факультете преподавали легендарные личности: Александр Андреевич Левицкий, Анатолий Дмитриевич Головня, Паола Дмитриевна Волкова, Виктор Борисович Шкловский. Было у кого поучиться.

«На первой лекции заведующий кафедрой Головня, – делился Юрий Яковлевич, – сказал нам такую фразу: «Дэточки, в Советском Союзе есть три великих оператора – Андрей Москвин, Эдуард Тиссэ и Анатолий Головня. Поэтому их работы надо видеть и знать». В другой раз сказал: «Снимать надо резко». На следующей лекции, через день-два, мы его спросили: «Анатолий Дмитриевич, а что самое главное в операторском деле?» Он ответил: «Композиция».

Фильм А. Д. Головни «Потомок Чингисхана» Юрий смотрел, как и «Чапаева», много раз. Самым незабываемым был первый просмотр этой ленты – в Прокопьевске, в ДК шахты имени Ворошилова, что на Берёзовой роще. Юрий сидел на балконе, отчего у него возникало «ощущение полётности»: «Я тогда не знал, что такое чудо сотворил со мной кинооператор, и что когда-то я буду сидеть на лекциях у кинооператора этого фильма. Увижу почти все его фильмы. Услышу много его советов о том, как самому снять фильм».

Потом был экзамен по операторскому искусству, который считается на факультете одним из самых сложных. В Москве в этот день стояла солнечная, морозная погода, а в аудитории было тепло. Но очередных студентов знобило на нервной почве: несколько человек получили «неуды». Юрий заглянул в билет соседа по парте: у того оказался вопрос «Работа оператора в экспедиционных условиях», – и предложил ему поменяться билетами. Тот отказался, пошёл отвечать и тоже «завалился». Настала очередь Светлакова:

«Я нормально ответил на первый вопрос. Когда отвечал на второй, Анатолия Дмитриевича Головню куда-то вызвали. Но вскоре он вернулся. Я начал что-то мямлить, но меня выручил руководитель нашей мастерской документального кино и телевидения Павел Алексеевич Ногин, сказав на ухо Головне, что «этот парень придумал и создал аппарат для съёмки и показа широкоэкранный кино». Мне поставили «четыре». Я увидел, как солнечные зайчики на полу запрыгали!»

Студентам операторского факультета преподавал и Александр Григорьевич Симонов. На лекциях он часто показывал слайды с кадрами из фильмов. Автор многих статей об известных кинооператорах, он был вторым оператором на съёмках фильма о целине «Первый эшелон», который снимал С. П. Урусевский.

На факультете читал лекции Роман Николаевич Ильин, автор известного в профессиональной среде учебного пособия «Мастерство оператора кино и телевидения» и других книг. А когда студенты слушали выступления преподавателя Паолы Дмитриевны Волковой, удивлялись бывало: зачем она рассказывает такие вещи, которые не совмещаются с тем, чему учили в школе?!

Борис Николаевич Симолин, в отличие от других преподавателей, никогда не приносил на лекции никаких репродукций картин. Их содержание он воспроизводил в аудитории жестами. Бывало, Борис Николаевич встает в позу богини, маленький, в нечищенных ботинках, в брюках с пузырями на коленках, поднимает руки, словно крылья... Это была первая часть знакомства с картинами известных мастеров. Вторая часть проходила в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Симолин на подлинниках показывал и объяснял манеру письма Ван Гога и Гогена, лучезарную живопись импрессионистов Моне и Мане.

Автор книги «История зарубежного кино» Сергей Васильевич Комаров читал курс истории и теории зарубежного киноискусства...

Появление в институте Виктора Борисовича Шкловского, остроумного писателя и кинокритика – это всегда событие. Его рваная, полная афоризмов речь была просто неподражаема. Незабываемыми были встречи с фронтовым кинооператором, режиссёром документального кино, сценаристом и публицистом Владиславом Владиславовичем Микошой и другими.

Заочник Светлаков любил учить уроки в метро. На кольцевой линии садился в угол вагона и зубрил конспект или учебник. В памяти откладывались названия остановок, которые объявляли по вагонному радио, например, «Проспект Мира». Потом на экзамене вспоминал, на какой остановке читал об этом, – и всплывал нужный ответ на вопрос.

Спектр специальных предметов, которые постигали будущие кинооператоры во время учёбы во ВГИКе, весьма разнообразен: «Введение в кинотехнику», «Киносъёмочная аппаратура», «Кинофотопроцессы и материалы», «Киносъёмочная оптика», «Киносветотехника и экспонометрия», «Цветоведение и цветопроизводство», «Фотокомпозиция», «Специальные виды съёмки», «Комбинированные киносъёмки», «Техника и технология видеосъёмки». Все они служили основой для главного курса – «Кинооператорское мастерство», задача которого – сформировать оператора как художника, способного применить полученные знания для создания фильма.

Юрий учился «без хвостов», проявлял упорство и усидчивость в работе над рефератами и курсовыми, успешно изучал и сдавал предмет за предметом. Хотя были и свои проблемы, и казусы. Впрочем, у кого из студентов их не бывало?!

В своих книгах он приводит такой пример:

«В задание по курсу «Комбинированные киносъёмки» входило следующее: съёмка макета, перспективное совмещение, многократное экспонирование, съёмка на фоне экрана и применение разнообразных оптических насадок. И после всей съёмки мне в проявочной в буквальном смысле сварили негатив. Во время сушки остановилась проявочная машина и негатив «потёк». Изображение при просмотре «качалось», как при землетрясении. Что делать? Переснимать – не было времени. Отпечатали копию. При защите сказал, что так специально задумано. Преподаватель курса, известный специалист по комбинированным съёмкам Борис Фёдорович Плужников отметил новизну решения и сказал: «Никто никогда, даже в профессиональном кино такого не делал». Так я защитил загубленную съёмку».

В атмосфере многих ограничений 1960-х годов ВГИК продолжал оставаться неким островком свободы, где преподаватели по-прежнему учили своих студентов независимо мыслить, искать себя и находить свой путь в жизни и в искусстве. С каждым пройденным курсом Юрий всё глубже проникал в тайны профессии съёмщика.

«Главное, чему нас учили, – видеть мир по-своему, – уверен Юрий Яковлевич. – Учили зрительной культуре. Учили тому, что если люди теряют визуальную культуру при восприятии действительности, то они теряют свою индивидуальность, теряют способность к самопознанию».

Наконец, зимой 1969 года состоялась защита его дипломной работы. Это был небольшой фильм с простеньким названием «В лесу родилась ёлочка». Сначала его показали на экране в актовом зале, а потом комиссия перешла в аудиторию для обсуждения. Юрий волновался как никогда. Хотя, ему, уже не раз участвовавшему в работе над документальным кино на Кемеровской студии, многое было по плечу. Однако это же диплом во ВГИКе!

Тему фильма ему задал руководитель диплома Олег Александрович Родионов, который поставил задачу: «Юра, снимай красиво, красиво и ещё раз красиво». Сюжет кино был прост, как в известной песне «В лесу росла ёлочка»: её под Новый год срубили, принесли домой, нарядили, повеселились и... выбросили.

Тем не менее, на защите нашего героя, что называется, захлёстывали эмоции. С волнением помог справиться профессор кафедры операторского мастерства ВГИКа, лауреат Ленинской премии Сергей Евгеньевич Медынский.

«Это было 31 декабря 1969 года, – подчёркивал Юрий Яковлевич, – в вечер под Новый год. Медынский подсел ко мне и давай рассказывать про свою дочку, про то, как он её водит в детский сад. Я даже сердиться начал: чего он мне это рассказывает? Мне же сейчас выходить, защищаться!

Однако нервная дрожь прошла! Мне поставили хорошую оценку за фильм: там я придумал всякие финтифлюшки – три экрана, фильтры разные на камеру приспособлявал, тот же калейдоскоп, использовал дымовые шашки...

Выступила рецензент с «Мосфильма», похвалила съёмочные придумки. Потом я что-то пролепетал в ответ на вопрос члена комиссии: «Стоит ли рубить ёлки под Новый год?» На том защита закончилась. Ко мне уже в дверях подошёл Анатолий Дмитриевич Головня, похлопал по плечу и сказал: «Дэточка, коль ты начал всё делать сам, то и дальше будешь делать всё сам!»

Спустя время пророческие слова великого мастера сбылись...

Ещё Юрий Яковлевич в этот день запомнил, что в коридоре ему передали телеграмму из Кемерова, в которой директор Кемеровской студии телевидения, он же заместитель председателя областного Комитета по ТВ Юлиан Аронович Вишневский поздравил своего сотрудника с успешной защитой. Добрая весточка из дома добавила хорошего настроения.

Впрочем, самокритичный выпускник был недоволен своей дипломной работой и в этот же день, ровно в 00 часов, под бой Кремлёвских курантов, утопил копию своего фильма в проруби Москвы-реки... Вроде как бы подвёл черту под завершением учёбы:

«Когда я закончил ВГИК, во многом освободился от груза ненужных понятий. Главное, чему меня научили во ВГИКе, – быть самим собой и самостоятельно мыслить. Теперь мне навсегда стало важно самому разбираться в любых вопросах, заниматься тем, к чему душа лежит.

При этом, работать в коллективе, «в колхозе» я так и не полюбил, а после ВГИКа – и подавно».

4.

А на КСТ его по-прежнему ждала операторская работа. Да он её и не прерывал – учился-то заочно. Поэтому и в годы учёбы вместе со всеми операторами КСТ снимал сюжеты для ежедневных теленовостей, делал подсъёмки для больших «цикловых», как их называют специалисты, передач, которые вели редакторы Владимир Цукров, Владимир Аренский, Нэлли Ермакова или Зоя Естамонова, дикторы Галина Скударнова или Татьяна Болотникова. Из режиссёров Юрию хорошо работалось с главрежем КСТ Виктором Яковлевичем Руденским, Верой Владимировной Снегирёвой, которую на студии называли Бабой Верой, Фёдором Мефодьевичем Ягуновым, Геннадием Михайловичем Митякиным.

Бывало, выпускника нет-нет да ехидно «подкалывали», типа: «Мы ВГИКов не кончали». Или: «Дворник должен быть дворником, а оператор – оператором». Звучало обидно, но старался не подавать вида или отшучивался. Всё же за годы учёбы придали мудрости горячему прокопьевскому парню.

Телевидение – дело коллективное. Однако Юрий Светлаков всё больше любил действовать самостоятельно. А из всех прочих жанров отдавал предпочтение документальному фильму и киноочерку.

«До того, как я вышел на тропу ведущего передач «Киолетопись Кузбасса», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом» и других, был просто кинооператором, или иначе – съёмщиком, а ещё точнее, «режопером» (режиссёром-оператором), – делится он в своих мемуарах. – Снимал фильмы, очерки, сюжеты. Одна из первых моих самостоятельных съёмок была в Горной Шории. Ничего нет лучше гор! Поэтому и в дальнейшем чаще всего снимал или в Горной Шории, или в Горном Алтае».

И дело не столько в самих горах, ему нравилось снимать людей, которые там живут, их характеры. В районе Поднебесных Зубьев он снимал туристов из Междуреченска для фильма «Март. Горная Шория». Одним из первых на КСТ он начал снимать на кинокамеру концертные ролики на натуре.

Одной из его самых известных операторских работ середины 1960-х годов – времени его заочного обучения в институте кинематографии, – отмеченной и зрителями, и специалистами, стал единственный на КСТ детский игровой художественный фильм «Граница на замке», вышедший на экран в 1966-м. Светлаков стал главным оператором этой ленты. Идею фильма придумал журналист Илья Ляхов и вместе с писательницей Любовью Скорик создал сценарий этого кино и стал его режиссёром. Главные роли исполнили кемеровские школьники. Там были и приключения, и диверсанты, и смелые пионеры.

Среди множества документальных фильмов и киноочерков оператора Светлакова начала 1970-х выделю киноочерк «В небе Владимир Мартемьянов» (автор сценария и текста Геннадий Митякин). Юрий несколько раз переделывал эту работу – ему хотелось по-настоящему раскрыть перед зрителем жизнь и судьбу бесстрашного лётчика-спортсмена, чемпиона мира и СССР по высшему пилотажу. В октябре 1970 года в Кемерове состоялась творческая конференция кинематографистов Западной Сибири, где Кемеровская студия продемонстрировала участникам форума эту работу, заслужившую самую высокую оценку профессионалов.

– Владимира Мартемьянова я впервые увидел осенью 1963 года на огороде – он копал картошку, – повествовал Юрий коллегам непростую историю создания ленты.
– Спросил у соседей: «Кто такой?» Мне сказали, что он лётчик и летает на спортивных самолётах. Узнав, когда у него тренировки, поехал на старый аэродром просто посмотреть. Впечатление было чарующее. Он летал как птица, даже лучше птицы. Я как будто слышал музыку полёта.

Это был первый толчок к замыслу будущего фильма. На следующий день Юрий пришёл к директору студии с просьбой разрешить снять очерк о Мартемьянове. В пылу доказательств уверял: «Вот увидите, он станет чемпионом страны по высшему пилотажу!» На что директор ответил: «Вот когда станет чемпионом, тогда и разрешим».

По существующему порядку, чтобы снять кино, надо было написать подробный сценарий, утвердить его на худсовете КСТ. Иначе ни метра плёнки на съёмку не дадут. Прошёл год. Мартемьянов завоевал звание абсолютного чемпиона СССР по самолётному спорту.

– Я снова к директору: «Вот увидите, он будет чемпионом мира». Директор сказал: «Вот когда станет чемпионом мира, тогда посмотрим, снимать или не снимать». Не стал я ждать чемпионата мира, без спроса снял несколько кадров тренировок на клочках плёнки. Чтобы не мешать лётчикам, снимал их издали с помощью длиннофокусной оптики.

Прошёл ещё год. Мартемьянов в испанском городе Бильбао завоевал звание абсолютного чемпиона мира по высшему пилотажу. В Кемерово на стадионе «Химик» ему устроили торжественную встречу, где Юрий снял ещё несколько кадров. И написал ещё одну безуспешную заявку...

– А 13 апреля 1970 года, возвращаясь из командировки, мне говорят: «Твой Мартемьянов погиб». Во время тренировочного полёта под Пятигорском у самолёта оторвало крыло. Директор приказал: «Снимай!», – и даже дал командировку в Москву, в киноархив, чтобы найти кадры Мартемьянова, отснятые другими операторами. Их оказалось до обидного мало. Что делать? Снял о нём рассказы: матери, лётчиков, брата Анатолия, художника Владимира Сотникова, поэта Игоря Киселёва. Снял несколько фотографий и из этого смонтировал два фильма. Один продолжительностью 10 минут, другой 30. До сих пор жалко, что снял так мало. Первый 10-минутный фильм не раз показывали и по телевидению, и в кемеровском кинотеатре «Юбилейный». Другой, 30-минутный, почти никто не видел.

Благодаря работе Светлакова, для нас лётчик Мартемьянов остался на экране непобеждённым чемпионом мира по высшему пилотажу, заслуженным мастером спорта, неоднократным чемпионом СССР, элегантным пилотом планеты.

– Мне хотелось рассказать о нём, как о человеке удивительно скромном и интересном, горячо влюблённом в небо. Удалось ли это – судить зрителю, – считал Юрий.

Могу заверить однозначно: удалось!

У Светлакова в те годы вышла целая серия современных, крепко скроенных, интересных документальных фильмов. Давайте вспомним хотя бы некоторые.

«Шахтёрский огонёк» (об известном кузбасском танцевальном коллективе из ДК Шахтёров города Кемерово, 1971), «Сегодня и много лет назад» (о легендарном шахтёре Алексее Стаханове, соревновании угольных бассейнов Кузбасса и Донбасса, 1971), «Свободнаяковка» (о Герое Социалистического Труда кузнеце Ф. К. Покровском, 1972; фильм получил первую премию областного конкурса Союза журналистов), «Половодье» (об Объединённом диспетчерском управлении энергосистемы Сибири, 1973), «Три смены» (о бригаде проходчиков Ивана Калюги с шахты «Краснокаменская» города Киселёвска, 1977), «Если не мы, то кто же» (о молодых строителях, которые возводят новую музыкальную школу, 1979), «Вечный двигатель инженера Грибанова» (о таланте энергичного и неравнодушного изобретателя, 1980), «Все ушли на фронт» (о судьбах людей в годы Великой Отечественной войны, 1983)...

Список документальных теле- и кинофильмов, снятых Юрием Яковлевичем в 1960-1980-е, можно ещё продолжать: «Преодолеть себя» – о цирковой студии посёлка Инской; «Хор» – о детском певческом коллективе города Прокопьевска; «Микрофон для всех» – о самодеятельных композиторах Кузбасса...

И это далеко не полный перечень. Он делал своё кино о людях и для людей, потому что был уверен: главным действующим лицом на телевидении был и остаётся зритель: «Зритель никак не влияет на показ передач и фильмов. Бесправный зритель прощает нам многое, но только не ложь. Ну, не нравится ему передача – просто выключает телевизор».

Главная тема фильмов Юрия Светлакова 60-80-х годов – талантливый, простой человек с его жизнью и судьбой. Сегодня, к сожалению, эта тема «прочно» вышла из телемоды. Сейчас об этом уже не снимают фильмов и не показывают передач. Тогда – иное дело!

«Порой мы знаем больше о Достоевском, который прожил в Кузнецке несколько дней, чем о тех, кто прожил в Кузбассе всю жизнь и оставил заметный след в его истории, – особо отметит однажды Юрий Яковлевич, вспоминая о людях Земли Кузнецкой, которые повстречались на его кинооператорском пути, о ком снимал телевизионные фильмы, кто попадал, по его разумению, под категорию немодного сегодня понятия «энтузиаст».

«В то время, когда я снимал эти очерки, не думал, не гадал, что они могут стать историческим документом. Просто мне нравились эти люди своей искренностью, своим обаянием, своим энтузиазмом. Для меня слово энтузиаст несмотря на то, что оно иностранное, – глубоко русское. Была на Руси такая категория людей, сохранивших генную память предков. В былые времена их называли ведами – ведающими, с некоторой условностью – энтузиастами. ... Их характерные черты без расшифровки: стремление к большой идее, бескорыстное служение своему делу, благородство, целеустремлённость, одержимость, жизнь по совести. По теперешним меркам – они просто придурки. Как это жить, не стремясь к материальным благам?!»

Елена Юрьевна Светлакова, дочь Юрия Яковлевича, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой фотовидеотворчества Кемеровского государственного института культуры проанализировала в одной из публикаций прошлый интерес к документальному кино:

«...За годы «оттепели» на Кемеровской студии телевидения было снято около ста очерков, из них почти каждый третий – портрет».

Документальное кино тех лет, которым на КСТ целенаправленно занимался Юрий Яковлевич, по мнению специалиста, отличается особым вниманием автора к эмоциональным переживаниям героев, преодолевающим трудности. В фильмах превалирует активное авторское начало оператора, который с помощью своей камеры «проживает» жизнь вместе с героем, даже присутствует в кадре, ведёт с героем непринуждённый разговор, таким образом раскрывая не только его характер, но и себя как автора.

А героя данного очерка эти годы напряжённого труда снова и снова укрепляют в мысли о том, что он в «своём кино» всё должен и уметь, и делать сам.

Он признаётся:

«На студии для меня основным правилом окончательно стало: «Делай всё сам». С той поры и «шарупил», как говорил мне друг детства, всё сам: снимал, монтировал, озвучивал, и так далее».

Развитию его таланта помогало и то, что техника и технология производства на телестудии не стояли на месте. Светлаков с удовольствием постигал и осваивал всё новое, не забывая вздыхать об уходящем:

«Раньше, едешь на съёмку – справа аккумулятор, слева магнитофон. В одной руке микрофон, в другой – камера под шестнадцать килограммов. Как новогодняя ёлочка! Сейчас, конечно, легче, но мы утратили какой-то контроль над собой. Сейчас можно «поливать и поливать», снимая километры видеоматериала. Потом выбирать и выбирать из него то, что нужно. А в то время, прежде чем нажать на кнопку, надо было соображать, что снять и как снять. Дали тебе 30 метров плёнки – из них 28 должны быть полезными. Это очень важный момент...»

5.

Кинооператор, затем оператор-режиссёр. Карьера Юрия Светлакова на КСТ складывалась удачно. Постепенно он «дорос» и до того, чтобы стать ведущим телепередач областного телевидения.

По-другому, наверное, и быть не могло. Во-первых, он – человек с творческими амбициями. Во-вторых, накопил немалый опыт работы на ТВ и знания жизни, которыми хотелось делиться с людьми. В-третьих, и об этом уже не раз говорилось, хотел всё на телевидении делать сам. И работа в кадре в качестве ведущего стала очередным шагом к этому.

Список аргументов можно продолжать: в-четвёртых, Юрий постоянно учился мастерству у коллег. Например, у легендарного, очень популярного диктора и ведущей программ КСТ Галины Сергеевны Скударновой, которую он чрезвычайно уважал и... боялся.

У неё было чему поучиться: «Это была Диктор! В то время о телевидении судили по диктору, а потом уже по передачам. Тогда, я, честно говоря, боялся Галину Сергеевну с её правильной речью, как строгую учительницу русского языка», – признавался он с улыбкой.

И в самых первых передачах, где Юрий Светлаков выступает в роли ведущего, как бы «просвечивает» то самое неуловимое скударновское: обаяние, смысловая точность формулировок, доброе, трепетное отношение к персонажам своих программ.

Цикл авторских телепрограмм, который он задумал вести на КСТ, назывался «Кинология Кузбасса». Первая передача вышла в эфир 17 марта 1976 года. С неё и начался новый этап в работе Светлакова.

Он давно замыслил делать для зрителей нечто подобное: рассказывать истории о том, где, что и как снимали о Кузбассе на киноплёнку хроникёры 1920-х – 1940-х годов. Идея родилась, когда в 1967 году по Центральному телевидению показали 50-серийный фильм «Летопись полувека», и он увидел, как в одной из серий промелькнуло несколько кадров о Кузнецком угольном бассейне:

«У меня возникла мысль: по возможности собрать сохранившиеся кинокадры о городах, шахтах и заводах нашей области. И не просто собрать, а исследовать, где, кем и когда это снято, и рассказать об этом зрителям».

В те годы киносъёмки нашего региона центральными киноорганизациями носили случайный характер. Ощущалось отсутствие собственного кинопроизводства в Сибири. В начале 30-х годов сибирская кинохроника была лишь отделом московской фабрики «Союзкино». Лишь затем была выделена в самостоятельную единицу. Снятые в Сибири фильмы и документы Юрий «откапывал» в архивах и музеях Москвы и Ленинграда, Новосибирска и Томска, Красноярска и Кемерово. Встречался с кинооператорами и участниками съёмок.

«Я вёл поиск кинодокументов далеко не регулярно. Надо было выполнять основную работу кинооператора телевидения. Но иногда выпадали счастливые минуты просмотра кинохроники на экране... Работа оказалась долгой и кропотливой. В конце концов, находки дали большой материал для размышления и работы над передачей».

Задачи, которые автор ставил перед «Кинологией», были благородными: «Через многие годы день, запечатлённый в кадрах киноплёнки, снова оживёт на экране, и притихнет зритель, смолкнут дети. Киноленты памяти помогут им лучше узнать прошлое, понять настоящее и увидеть горизонты будущего».

Конечно же, Юрий Яковлевич понимал, что главной темой, привлекавшей в Кузбасс первых кинохроникёров, были уголь, шахты, их строительство, труд горняков. В этом направлении и вёл розыск. Часто натыкался на небольшие фрагменты, случайные «куски» в лентах больших фильмов. И от души радовался этим находкам.

Иногда его поиски плёнок о Кузбассе напоминали настоящий детектив. Вот пример его разысканий кинокадров 1930-х годов о строительстве прокопьевских шахт. В краеведческом музее Прокопьевска он увидел фотографию с надписью: «Лучшая

ударная бригада на руднике в 1934-1936 гг. Бригадир Нефёдов Л. Р. Шахта 5-6». Но не бригада привлекла его внимание, а киносъёмочный аппарат на фото, осветительные приборы и люди явно не горняцкой профессии. Кто они? Как попала эта фотография в музей? Михаил Георгиевич Елькин, в то время директор музея, сказал, что этот снимок нашёл среди бумаг отца, который был профоргом в бригаде Нефёдова.

– А кто эти люди с кинокамерой? – спросил Юрий у директора музея.

– Как рассказывал отец, приезжала из Москвы специальная съёмочная группа, которая делала фильмы о бригаде. Точно отец не помнит, кто это был, но он называл фамилию Роома, который и подарил ему на память эту фотографию.

В «Кинословаре» Юрий прочитал: «Роом Абрам Матвеевич...» Там же напечатан и его фотопортрет. Похож на человека с музейной фотографии? Похож. Написано: «В 1930 г. Роом поставил первый экспериментальный советский звуковой фильм «План великих работ», широко показанный по всей стране». Теперь остаётся найти этот фильм, посмотреть, есть ли там кадры прокопьевской бригады Нефёдова, и можно считать поиск законченным.

Но вот тут-то – неудача. В фильмографии напротив названия «План великих работ» надпись: «Фильм не сохранился». Светлаков начал проверять, писать запросы. В Красногорском архиве фильма нет. В Госфильмофонде – нет! В архиве ВГИКа – нет! В архиве Центральной студии документальных фильмов – тоже нет! Нет и монтажных листов, по которым можно узнать, были ли в фильме «План великих работ» кадры о Прокопьевске. Где искать?

В библиотеке и архиве ВГИКа он раскопал кое-какие публикации, связанные со съёмками «Плана великих работ». Так, в журнале «Пролетарское кино» № 5-6 за 1931 год в информации «Звуковая продукция советской кинопромышленности» сообщалось: «Первая полнометражная звуковая фильма «Пятилетка» была сделана режиссёром А. Роомом на Ленинградской фабрике «Союзкино». Фильм содержит пять частей (2000 метров). Стоимость 40 – 45 тысяч рублей».

В журнале «Пролетарское кино» № 10-11 за 1931 год в статье «Первый рейд звуковой передвижки» написано, что фильм был показан по Сибири, в частности, на Кузнецкстрое, в Прокопьевском и Анжеро-Судженском рудниках. Но о том, где проходили съёмки, ни строчки. Но Светлаков не сдавался.

Нашёл другого участника этих киносъёмок 1931 года. Им оказался инженер, комсомолец Антон Савич Кузмич, работал рядом в подмосковных Люберцах, в Институте горного дела имени А. А. Скочинского. В 1931 году, после окончания Московского горного института, его распределили в Кузбасс, в Прокопьевск. Работал на проходке ствола, был начальником закладочного цеха, помощником главного инженера шахты. Затем стал управляющим шахты «Коксовая», а после – главным инженером комбината «Кузбассуголь». Работал и в Донбассе, и в Подмосковном бассейне. С 1945 года решением ЦК ВКП(б) был назначен заместителем наркома угольной промышленности Восточных районов СССР. Потом стал заместителем министра угольной промышленности СССР, затем – министром угольной промышленности Украины. Доктор технических наук, профессор А. С. Кузмич в последнее время трудился заместителем директора по

научной части Института горного дела. Там Юрий его и встретил. Антон Савич очень удивился, когда увидел фотографию из прокопьевского музея: она, действительно, оказалась кадром из киножурнала, снятого в 1931 году...

Упорство и настойчивость поисковика постепенно приносили свои плоды. Понемногу собирался материал об угольщиках нашего региона. Обнаружилась, к примеру, кинохроника 1925 года о строительстве предприятий на Анжерских и Судженских копях. Отыскивались отличные кадры о Кузбассе в киножурнале «Сибирь на экране» № 12 за 1931 год. Удалось найти довольно много киноматериала о знаменитой прокопьевской шахте-гиганте «Коксовой» – детище первых пятилеток. Он разыскал некоторых людей, снятых на этих кадрах, и пригласил их в студию.

Отыскивались и другие удивительные и неожиданные по историчности и тематике архивные кинокадры.

Программу Светлакова заметили зрители, начали присылать на студию письма с предложениями и пожеланиями. О работе Светлакова-ведущего стали писать в газетах. Посмотрев в одном из выпусков «Кинолетописи Кузбасса» видовой фильм 1938 года о Прокопьевске, известный кемеровский писатель Виль Рудин откликнулся заметкой в областной газете «Кузбасс»:

«Наверное, это свойственно каждому человеку: испытать волнение, увидев город своей юности. Для меня таким городом является Прокопьевск, куда я попал осенью 1941 года как курсант артшколы. И вот на экране Прокопьевск тех давних лет... Эта небольшая лента, отснятая оператором С. В. Хмелёвым в 1938 году, не только вернула в далёкое довоенное прошлое, она дала возможность ощутить, как же далеко мы шагнули вперёд за последние четыре десятилетия, как отстроили и благоустроили город».

Хорошие оценки давали автору и коллеги, Светлакова хвалили на планёрках и на худсовете. Сам главный режиссёр КСТ Виктор Яковлевич Руденский поддерживал его усилия. Всё это окрыляло автора, который старался сделать каждую передачу лучше предыдущей.

А с 9 марта 1978 года, к 20-летию Кемеровской студии телевидения, в программе «Кинолетопись Кузбасса» Юрий Светлаков начал показ лучших киноочерков КСТ, включая и свои собственные работы. Они стали украшением областного телеэкрана.

«Кинолетопись» выходила в эфир до 1982 года включительно и успешно справилась с целями и задачами, которые ставил перед ней автор. Однако на этом цикл программ о Кемеровской области и его людях не закончился. Светлаков продолжал эту тему в передачах под общим названием «Рассказы о Кузбассе», выходивших на КСТ в 1982-1984 годы. Видоизменял эту же тематику и снова перенастраивал её в цикле программ «Страницы истории Кузбасса» (1985). Развивал эту тему в своих передачах «Люди земли Кузнецкой» (1986-1989). Об этом же были и его телепрограммы цикла «Семейный альбом» (1999-2006).

«Сила забвения велика, – считал Юрий. – Жаль, что известный человек, проживший долгую жизнь, остаётся за бортом истории. Вот почему моя задача была проста – зафиксировать рассказы людей в их собственном исполнении. Ибо полагаю, что такая история более достоверная, более объективная в отличие от

выдуманной. Рассказывая о себе, о своём детстве, о юности, о своих родных и знакомых мои герои сохраняют крупницы прошлого для будущего».

Героями его авторских передач становились рядовые шахтёры и инженеры, руководители предприятий и бригадиры, писатели и поэты, актёры и художники. Он считал своим долгом преодоление людского забвения.

Выбрать героя передачи всегда непросто: надо найти интересного человека и «раскрыть» его перед телезрителем. В книге «Шахтёры Кузбасса на экране» Юрий Яковлевич размышляет об этом в разговоре с режиссёром фильма «Егор Иваныч» Игорем Беляевым:

«Как я выбираю своего героя? Знаете, как друзей выбирают? Надо влюбиться, иначе ничего не выйдет. Надо, чтобы человек, с которым ты общаешься перед камерой, был интересен для тебя и без всякой камеры. Надо, чтобы была потребность во взаимном общении. Если я понимаю его, он понимает меня, я болею его заботами, если у нас общие мысли, мы можем вместе сложить картину. Картину делает не только оператор, не только режиссёр... Картину делает человек, которого мы снимаем. ...Есть правило: человек с тобой откровенен, если ты с ним откровенен, если он тебе доверяет, если ты не обманешь его. Мои герои – это мои друзья. Хотя есть оговорочка – это мои друзья и, может быть, даже мои враги...»

К началу 1990-х годов героем кузбасского телеэкрана стал уже и сам Юрий Светлаков. Люди узнавали его на улицах, в магазине, в общественном транспорте. Незнакомые граждане подходили, здоровались, задавали ведущему разные вопросы. Он не раздражался, ему это даже нравилось: «Благодаря телевидению меня стали узнавать, чего обычно с кинооператорами не бывает».

Подводя итог 30-тилетия своей работы на Кемеровском областном телевидении, Юрий Яковлевич отмечал: «Оглядываясь назад, чтобы понять настоящее и увидеть будущее, я всё больше и больше убеждаюсь в том, что первые тридцать лет работы на студии были для меня и, смею надеяться, для моих соратников, годами радостного, несмотря ни на что, творчества. Когда мы, по словам К. С. Станиславского, учились «трудное сделать привычным, привычное – лёгким, а лёгкое – прекрасным».

6.

Первая передача с названием «Шаг за горизонт» вышла в эфир 7 сентября 1986 года. Её героем стал «контактёр» А. И. Чувылко из Гурьевска. Специально заглянул в интернет-энциклопедию, чтобы растолковать этот термин: «Контактёры – люди, которые утверждают, что вступали в контакт с инопланетянами. Как правило, контактёры утверждают, что внеземные существа передали им свою мудрость или важные послания для человечества. Контактёры описывают свои встречи с ними как регулярные или единичные». Пусть каждый из читателей этого очерка оценит данное определение так, как посчитает нужным...

«Однажды я снимал в Гурьевске какие-то сюжеты для «Новостей», – пишет Юрий Яковлевич в своей книге «Запрещённый «Шаг за горизонт». – Проезжая по переулку Промышленный, обратил внимание на дом необычной формы с какой-то

непонятной антенной на крыше. Кто смастерил такие хоромы? Если бы я ещё знал, что дом построен по указанию каких-то внеземных сил по принципу термоса: летом прохладно, зимой тепло! Постучал в калитку. Вышел хозяин. Поздоровался и спросил его, как звать и где работает. Он ответил, что звать его Александр Иванович Чувылко, работает слесарем Гурьевского рудоуправления. И пригласил меня в дом. Спрашиваю:

– Дом долго строили?

– Лет десять. Квартиры у нас не было, и мы с женой решили строить свой дом. Строили буквально из ничего. Участок нам выделили на склоне горы. Стройматериалов не было, так мы камень долбили и из него начинали строить.

– Проект был?

– Наброски в школьной тетрадке из другого мира...»

Со слов домовладельца оказалось, что дом построен по указанию внеземных сил (!) по принципу термоса. Зимой в нём тепло, летом прохладно, хотя всего одна печка на все этажи.

Вот с этого и начался телевизионный проект Юрия Светлакова. Проект на областном телевидении продержался 20 лет. Верить или нет в эти контакты? – пусть каждый решает для себя сам.

Однажды на студию в адрес передачи «Шаг за горизонт» пришло письмо из Новокузнецка от Елены Шевелёвой. Она написала, что у неё был контакт с пришельцами и они дали ей какую-то формулу идеального топлива. Вскоре Ирина тоже стала героем очередной передачи Юрия.

Или вот ещё выдержки из передачи, где «контактёр» Владимир Акулов сообщал телезрителям «Шага»:

«Это произошло в ноябре 1989 года. Спать я лёг после 12 часов ночи. Вдруг показалась светящаяся точка, она медленно увеличивалась. Какой-то голос сказал:

– Здравствуйте.

Я спросил:

– А кто вы такие?

– Это не имеет значения, кто мы такие.

Я спрашиваю:

– Вы, наверное, инопланетяне какие-нибудь?

– Это ваше дело, как хотите, так и думайте, но полетите с нами».

Всё же Юрий Яковлевич приглашал в эфир не только контактёров. Его интересовали любые аномальные события, в которых он пытался разобраться сам или с помощью специалистов. К нему в студию приходили чудаки-инженеры с попытками создать вечный двигатель, люди, обладающие незаурядными способностями, выдумщики и фантазёры. Словом – чудаки, как определил кто-то однажды. Они размышляли о Космосе, о жизни на Земле, о вечности и многом другом.

В числе героев «Шага» был Владимир Вылегжанин из Прокопьевска, который спроектировал «летающую тарелку». Другой – физик Виктор Николаев из

Новокузнецка изобрёл генератор преобразования энергии пустоты в любую другую. Третий – Лев Голяховский из Кедровки доказывал, что в таблице Менделеева должно быть в десятки раз больше элементов. Четвёртый – Александр Редин, занимаясь письмом двумя руками, открыл алфавиты атлантов, титанов, марсиан. Пятый – Пётр Сафонов из Кемерово, изучая Библию, пришёл к выводу, что Иоанн, любимый ученик Христа, это его жена. Шестой – Альберт Боковиков открыл кремниевую цивилизацию и общается с ней. И так далее.

В комментаторы Юрий Яковлевич нередко брал известных учёных, докторов наук, опытных исследователей, известных на всю страну.

Были в его программах и такие, как голландский художник, основатель направления «Шизореализм» Электрон Грунденталер (Олег Ермолаев). Дело в том, что он родился в Новокузнецке и два раза в год – иногда с выставкой, а иногда просто так – приезжает в родной город. Родился он в 1958 году в Сталинске. Детство провёл в Абашево. Учился в Новосибирском государственном университете. Играл в КВН. Это ему принадлежит известная фраза: «Партия, датй порулить!» Переехал в Голландию, где и живёт до сего времени. А его необычные, прямо скажем, картины находятся во многих зарубежных и российских галереях...

«Познание начинается с удивления, – был уверен автор «Шага». – Как любит говорить мой друг, маг и волшебник Владимир Переводчиков: «Без удивления нет и познания. А без познания не было бы ничего: ни круга, ни плуга, ни письменности, ни дома, ни корабля».

К этим передачам Светлакова относились по-разному. Как правило, выпуски «Шага» собирали у телевизоров большие аудитории. Для любителей необычного передача со временем стала культовой. Что же касается коллег, руководства ТВ и некоторых специалистов, – тут отношение не было однозначным. Кого-то популярность ведущего и его программ и непонятная тематика раздражали, кто-то шутил и ёрничал. Были и такие, и немалым числом, кто одобрял, понимая, что общие рейтинги телеканала держатся и за счёт таких вот Светлаковых.

Ведь есть же подобные передачи и на других федеральных и областных каналах, где пытаются привлечь внимание зрителей к непознанному, загадочному, необъяснимому. К примеру, создатели многолетнего цикла передач «Таинственная Россия» на НТВ не только исследуют тайны и мифы, но и детально изучают исторические места, аномальные зоны и удивительные природные явления.

Поразительно, но в последние дни марта 1991 года Юрию Яковлевичу удалось организовать и провести областную конференцию «Контактёров Кузбасса». Скептики полагали что придёт в лучшем случае человек двадцать. Однако под крышей областной филармонии собрались более 300 участников! Конечно, это можно объяснить и тягой к познанию непознанного, и «эффектом Кашпировского», на гипноспиритические сеансы которого у телеэкранов собиралась вся страна. Тем не менее... Уместно напомнить, что программа конференции была составлена по письмам зрителей.

«То, что было рассказано участниками конференции «Контактёры Кузбасса», казалось бы, выходило за пределы здравого смысла, – с удовлетворением констатировал Юрий Яковлевич в интервью журналу «Кузбасс XXI век». – Надо

было просто отбросить своё материалистическое сомнение и всё бы встало на место. Случается же такое, когда один человек оказывается прав, а мы, идущие в едином строю, не правы».

Специалистами телевидения давно замечено, что почти у всех передач-долгожителей нелёгкая судьба. Их со временем или закрывают, или передвигают по сетке вещания на «менее смотрибельные» часы, или переводят на другие каналы. «Шаг за горизонт» – не исключение. Так как, кроме всего прочего, на областном государственном телевидении не только передачи, но и руководители тоже меняются время от времени. И каждый новый ТВ-шеф начинает устанавливать свои правила, переделывать эфир под свои взгляды на телеиндустрию.

Что для одного хорошо, для другого плохо, усмеялся Юрий Яковлевич. У всех разное воспитание, разные знания, разные ценности. Каждый со временем вырабатывает свою модель познания мира, где переплетаются особенности собственного характера, увлечений со знаниями тех людей, у кого учился, какие книги читал, какие фильмы смотрел, с кем дружил, кого ненавидел и так далее.

Тележурналист КСТ – ГТРК «Кузбасс» Светлаков «пережил» немало руководителей областного ТВ. Они, начальники, бывали всякими. Вспоминая о каждом, он то с добрым юмором, то с сарказмом рассказывал, что, в результате прихода некоторых, доводилось едва ли ни всё начинать с начала. Может, кому-то из его бывших руководителей интересно было бы узнать, что думал о них подчинённый:

«Первый директор КСТ принял меня на работу. Второй дал возможность выучиться во ВГИКе. Третий – отлучал от эфира. Четвёртый – уволил со студии. Пятый – вернул. А шестой... Шестой сделал то, что третий и четвёртый вместе взятые. Первый «мой» директор телевидения Дмитрий Иванович Култаев на самом деле был вторым по счёту телена начальником. Первого – Павла Даниловича Лазько (самый первый директор КСТ, работал в этой должности с марта 1958-го по март 1959 года) я видел всего два раза и не могу судить, что это был за человек. А Дмитрий Иванович Култаев был строгий, но справедливый.

...Не удержусь и напишу два слова о других начальниках. Одного прислали из Тисуля к нам руководить ГТРК. Первым делом он поставил в дверях вертушку, вероятно, по старой памяти, чтобы коровы не проходили. Благо, на третий день вертушка сломалась. Дальше – больше. Установил строгий режим рабочего времени: «Где ты был с 10 до 11? Почему не сидел на рабочем месте?! Пиши объяснительную!» По поводу программы «Шаг за горизонт» он сказал: «Я ещё в школе учил, что аномальных явлений не бывает», – и запретил программу. Тогда я написал заявление: «Прошу уволить по Вашему желанию». «Кто так пишет?! – возмутился он. – Писать надо «по собственному желанию». Я написал: «Прошу уволить по Вашему собственному желанию».

Чтобы сохранить программу «Шаг за горизонт», Светлаков на время ушёл в кемеровскую городскую телекомпанию NTSC. Через год, с приходом на ГТРК нового директора, снова вернулся на родную студию. Дальше был период, когда с очередной сменой руководства его программу перевели с канала КСТ (ГТРК

«Кузбасс») на губернский телеканал «СТС-Кузбасс», который тогда тоже находился под общей с ГТРК «Кузбасс» «крышей».

Потом наступило время запретов показа отдельных готовых передач «Шага»: одни передачи – разрешали, другие – снимали с эфира. Часто, подчёркивал он, без особого объяснения причин.

Порывшись в интернете, я нашёл и другие оценки. Вот слова из правительственной телеграммы, полученной Юрием Яковлевичем в начале сентября 2006 года: «Примите мои сердечные поздравления с 20-летием передачи «Шаг за горизонт». Немногие передачи отечественного и мирового телевидения могут гордиться таким долгожительством. Ваша программа имеет постоянную и преданную зрительскую аудиторию. Считаю это закономерным, ведь передачу отличает Ваш высочайший профессионализм, искренний интерес к собеседнику, доброжелательность, ответственность за каждое слово. Кузбассовцы знают Вас также как автора серии передач и книг о наших земляках, об истории киносъёмки в Сибири. Студенты высоко ценят Вашу эрудицию, строгость и несомненный педагогический талант. Желаю Вам неиссякаемой жизненной энергии, реализации всех творческих замыслов, благодарных и одарённых учеников, любви зрительской аудитории. С уважением, Губернатор Кемеровской области Аман Тулеев».

Между тем, наступил день, когда программу «Шаг за горизонт» закрыли окончательно. Это случилось в сентябре 2006 года. «Вечером 7 сентября 2006-го моросил мелкий дождь, – рассказывал Юрий Яковлевич. – Было прохладно. Пахло выхлопными газами от автомобилей. Я шёл на студию, в последний раз, чтобы провести прямой эфир...»

В этот осенний день его уволили со студии, где он отработал ровно через 45 лет: день в день! Кто-то вздохнул с облегчением: наконец-то избавились от непослушного и «неправильного» автора. Кто-то ему сочувствовал: «Держись, старик! Надо это пережить!»

Сам Юрий Светлаков в финале последнего выпуска «Шаг за горизонт» поблагодарил преданных зрителей за долготерпение, за поздравления в связи с двадцатилетием программы и сказал: «Программа «Шаг за горизонт» закрывается. И не потому, что для неё нет тем – их-то превеликое множество. Просто я устал бороться с «ветряными мельницами».

Жестокий факт: почти все выпуски «Шага» оказались уничтоженными, а их, напомним, за 20 лет вышло около 700. Многие передачи на студии стирали сразу после эфира, объясняя тем, что не хватает кассет для других передач. Светлакову удалось сохранить или восстановить считанные единицы своих «Шагов». Некоторые из них до сих пор гуляют по необъятным просторам интернета.

В книге «Запрещённый «Шаг за горизонт», увидевшей свет в 2018 году, Юрий Светлаков написал:

«...Я задаю себе вопрос – стоило ли мне потратить двадцать лет на передачу «Шаг за горизонт», зная, что почти невозможно перешагнуть линию горизонта? Чем быстрее к ней приближаешься, тем дальше она от тебя отдаляется... Ради чего тогда всё это упрямство? Я хотел рассказать и показать, что мир прекрасен и не

ограничен заборами, что там, за горизонтом, много интересного и, к сожалению, пока запретного! Но не всё ещё потеряно!»

Нетрудно представить себе состояние художника, у которого отобрали краски. Понять его тяжелейшие душевные переживания можно, наверное, лишь тому, кто сам проходил через это...

Друг Юрия Яковлевича поэт Леонид Гержидович написал ему созвучные настроению строчки:

Не уйти.
Никуда мне не деться,
Плоть моя
Отстоялась, как соль,
Подступили
Под самое сердце
Неизбывные совесть и боль.

Немало помаялся тогда Светлаков. Но нашёл в себе силы пережить это и шагнуть дальше. Решил полностью переключиться на общение с другой аудиторией – со студенческой.

7.

Вообще-то преподаванием он начал заниматься с 1974 года. По совместительству. Однажды он, согласившись на предложение только что созданной кафедры фотовидеотворчества Кемеровского государственного института культуры, в свободное от работы время провёл спецкурс по операторскому мастерству. Дальше – больше. Постепенно ему стало очень интересно общаться с молодыми людьми – студентами, особенно с теми, у кого чувствовались творческие амбиции. Наверное, в ком-то из них он узнавал себя в их возрасте, наполненного желаниями и мечтами.

Не без участия Светлакова в 1974 году при институте культуры открылось отделение руководителей самодеятельных кино-фотостудий – одно из трёх в СССР и единственное в Сибири.

В 2006 году, уйдя с телевидения, Юрий Яковлевич окончательно «переехал» на преподавательскую стезю – поступил работать на кафедру фотовидеотворчества КемГИК.

Методика его преподавания была интересной, наглядной, выверенной. Свой лекционный курс он любил называть беседами. Почему беседы, а не лекции? Беседы предполагают свободную форму общения, которую он предпочитал.

Его ученики рассказывают, как в этих беседах он открывал студентам секреты операторского искусства, обязательно ориентируясь на заданные ребятами вопросы. Занятия старался начинать с коллективного просмотра фильмов известных мастеров.

Его собеседование – не поток бессознательного сознания. У преподавателя Светлакова всегда есть план, где расставлены нужные акценты. Как правило, его беседы идут по такому сценарию: «Вначале я спрашиваю студентов: «Есть ли

вопросы к докладчику?», – делится он секретами в своей книге «Свет мерцающих звёзд. Беседы о кинооператорском мастерстве». – Я жду вопросов, как рыбак поклёвки. Введение в беседу – это как сыграть увертюру, а потом уже вырливать на тему».

Ход беседы Юрий Яковлевич придумывал заранее. И, безусловно, всякий раз старался незаметно, но твёрдо придерживаться своего сценария. Но... студенты есть студенты, с ними возникали всякие проблемы:

«Бывало, захожу в аудиторию... Вижу – сидят скучные, мрачные. Зачем, спрашивается, припёрлись? На обдумывание не остаётся времени и, иногда неожиданно для себя, обращаюсь к ним: «А не рассказать ли вам анекдот?». Рассказываю. Далее сообщаю, какой фильм будем смотреть, и даю несколько указаний, на что обратить внимание. Но не детализирую! Дело в том, что во время просмотра студент волей-неволей ждёт в фильме того момента, на который я рекомендую взглянуть особо, пропуская мимо ушей и глаз многое другое.

После просмотра начинается самое интересное и самое сложное – обсуждение увиденного и услышанного. Как вовлечь студентов в беседу? Было бы просто рассказать подробности биографии оператора, как установлен свет, какая композиция кадра. Надо осветить ключевые моменты в творчестве оператора. Его почерк, манеру, основываясь на первоисточниках – воспоминаниях, плюс свои впечатления от увиденного и прочитанного. Подчеркну, важны первоисточники, а не пересказы искусствоведов.

Затем переходим к анализу фильма. Анализ – слово-то какое противное – медицинское. Если сказать: разбор, – ещё хуже. Лучше спросить: «Как сделано?» Труднее всего вовлечь студента в самостоятельное суждение о просмотренном материале. Какой свет, ракурс, композиция – всё то, что составляет основу операторской профессии.

Память выбирает то, что когда-то удивило и поразило. То, что эмоционально не задело, память стирает или прячет в тёмные закоулки мозга. Бывало, подготовишься, как урокодатель, а результата никакого – глазки у студентов не горят».

Опытный преподаватель, сам – хороший оператор с большим стажем, он скрупулёзно и подробно объяснял и простые, и сложные приёмы, которые нужны профессионалу этого дела. Причём, конкретные секреты съёмки демонстрировал на конкретных фильмах больших мастеров.

Например, деление на планы: общий, средний, крупный, деталь, а также понятие ракурса, – разбирали на примере кинолент оператора Андрея Александровича Левицкого. Вначале Юрий Яковлевич увлекательно описывал студентам свои давние впечатления о встрече с ним:

«Когда я поступал во ВГИК, то экзамен по фотографии сдавал какому-то «дедушке», который впоследствии оказывался легендарным Левицким, только в дореволюционные годы снявшим около 100 фильмов. Среди них – большие экранизации русской классической литературы: «1812 год», «Анна Каренина», «Дворянское гнездо», «Крейцера соната», «Война и мир», «Отцы и дети». После Октябрьской революции он снимал хронику Гражданской войны, агитфильмы. Ему

принадлежат уникальные кадры съёмок Ленина. Участвовал в создании первых советских художественных фильмов – «Восстание», «Мать», «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков». В годы Великой Отечественной работал на киностудии «Воентехфильм».

И когда учитель Светлаков видел, что глаза у студентов загорелись неподдельным интересом, он включал фильм. А после следовал детальный разбор ленты в рамках темы урока.

А такие темы, как панорама, движение камеры, трансфокация доцент Светлаков, бывало, демонстрировал на примере работ оператора Эдуарда Казимировича Тиссэ.

– Начну как обычно с краткой информации об операторе, – объявлял он. – Затем продолжим более подробный разговор о Тиссэ. Или сразу будем смотреть его фильм «Броненосец «Потёмкин»?

– Мы его видели! – обязательно реагировал кто-нибудь в аудитории.

– Тогда ответьте на вопрос: почему сегодня «лучший фильм всех времён и народов» не волнует ваши души? Сегодня мы посмотрим фильм не просто так, но, изучая почерк Мастера, исследуем, как снято, как скомпонован кадр и так далее. Итак, Тиссэ...

Если тема занятия касалась оптики, композиции кадра или света, Юрий Яковлевич обращался к работам своего любимого преподавателя ВГИКа Анатолия Дмитриевича Головни.

– К моему большому удовольствию, – обязательно подчёркивал он, – мы посмотрим фильм моего детства «Потомок Чингис-хана» и поразмышляем о творчестве оператора. Не ведаю, как вы сегодня воспримете фильм, ведь ему уже столько лет. А я смотрел «Потомка Чингис-хана», как и «Чапаева», раз двадцать!

Вообще Анатолий Головня начинал ассистентом у Левицкого на фильме «Луч смерти» – в 1925-м. Первая его самостоятельная работа – это фильм «Кирпичики» в том же 1925 году. Высшее проявление операторского мастерства Головни в немой кинотрилогии «Мать» – в 1926-м, «Конец Санкт-Петербурга» – 1927-м, «Потомок Чингис-хана» – в 1928-м. Ещё его замечательные ленты: «Живой труп» – в 1929 году, «Минин и Пожарский» – в 1939 году, «Суворов» – в 1941-м, «Адмирал Нахимов» – в 1947-м...»

Светлаков не уставал повторять студентам слова известного кинооператора С. П. Урусевского: «Когда волнуюсь я во время съёмки – волнуется потом зритель. Когда равнодушен я – равнодушен потом и зритель».

Полной мерой отведав нелёгкого «операторского хлебушка», Юрий Яковлевич предупреждал своих студентов, что рассчитывать на большие лавры и заслуги в этой профессии не приходится. Обычно фильм связывают с именем режиссёра, реже с актёром. Оператор, как всегда, остаётся за кадром, откровенно подчёркивал он. В лучшем случае напишут его имя в титрах. «Я не раз испытывал на себе косою взгляд режиссёра и редактора. Для многих из них оператор лишь привод к камере», – уведомлял учеников профессор кафедры кинофотомастерства (впоследствии

стала кафедрой экранных искусств) КемГИК Юрий Яковлевич Светлаков, готовя их ко всем перипетиям профессии.

В институте культуры он работал до 2018 года. На протяжении почти 45 лет преподавая курс операторского мастерства, воспитал не одно поколение кинооператоров и режиссёров. Его студенты принимали активное участие во всероссийских смотрах и конкурсах кинематографии. Немало выпускников Светлакова стали прекрасными специалистами. Многие из них работали и работают на телевидении, в кино, их адреса, как говорится, «разбросаны» от Калининграда до Сахалина.

Не сомневаюсь, что они с любовью и благодарностью вспоминают учителя.

«Юрий Яковлевич Светлаков – мой первый и самый главный преподаватель операторского мастерства, – писал, например, кинорежиссёр, путешественник Виктор Трофимов из Магнитогорска, окончивший КемГУКИ в 1985 году. – Под его деликатным и вдохновенным наставничеством я начал свой путь в кинематографе. Юрия Яковлевича, мы «вытребовали» себе в группу у кафедры кинофотомастерства на втором курсе. Кино нам снимать очень хотелось. А мне – аж до дрожи!

Юрий Яковлевич умело направлял нас в неведомый мир киносъёмочного процесса. Мы ему верили безусловно. Да что там говорить, мы любили его, как отца! Мне повезло вместе с Учителем даже вести телепередачу на Кемеровском областном телевидении. Она называлась «Пятёрка за диплом»... Это мой первый опыт работы в кадре. Я счастлив, что в моей жизни есть Мужик, которого я уважаю!»

8.

«Меня постоянно преследует недосказанность...», – проговорится Юрий Светлаков в одно прекрасное время. Он не может сидеть дома, быть на покое или, как говорят, на заслуженном отдыхе. Все последние годы он активно занимается любимыми делами. Одно из них – фотография.

Юрий Яковлевич организует и проводит выставки своих фото. Вспомним некоторые из них. Он дружен с Кемеровской областной научной библиотекой имени В. Д. Фёдорова. Его часто приглашают сюда на разные мероприятия, для общения с читателями. Поэтому здесь проходят и его выставки.

Так, в сентябре 2011 года в областной библиотеке открылась персональная выставка Юрия Светлакова «Жизнь врасплох», где он представил на суд посетителей более 70 фотографий разных лет: городские и природные пейзажи, снимки выдающихся людей Кузбасса.

– Фотография – это мгновение, это жизнь врасплох, это кадры, которые потом никогда больше не повторятся, – убеждён автор.

В апреле 2015 года в областной библиотеке прошла ещё одна фотовыставка известного журналиста и телеведущего «Моё документальное кино». В эту экспозицию Юрий Яковлевич включил около 50 фотографий из своей новой одноимённой книги. На снимках были запечатлены персонажи, сопровождающие

автора в процессе съёмок телепередач и документальных лент: артисты, поэты, писатели, художники, шахтёры и другие известные в регионе и России люди.

Ещё одна персональная фотовыставка Юрия Светлакова прошла в Мариинске в Литературно-мемориальном Доме-музее В. А. Чивилихина. Она называлась «Всё, что было...». Её презентация состоялась 29 июня 2017 года. Автор подготовил фотоотчёт о встречах с интересными людьми, о чём свидетельствуют фотографии «Алексей Леонов в студии телевидения», «Поэт Леонид Гержидович», «ГТРК Кузбасс». О его многочисленных поездках по стране и миру рассказывали снимки «Под крылом самолёта», «Туристы на Телецком озере», «Купите свежие креветки» и многие другие.

Он тщательно сохраняет и популяризирует историю Кузбасса в виде документальных кадров своих фильмов, фотографий и книг. Ему хотелось возродить интерес к авторскому фильму. Во многом для этого Юрий Светлаков, почётный читатель главной библиотеки области, в январе 2008 года создал при этой библиотеке Клуб любителей документального кино «Свет». Юрий Яковлевич был его бессменным руководителем и спикером. Членом клуба мог быть любой библиотечный читатель. На открытые заседания клуба, которые проходили раз в месяц, в каждую третью субботу, собирались десятки любителей серьёзной кинодокументалистики. Работники храма Книги подсчитали, что за годы деятельности клуба проведено 80 заседаний. Здесь смотрели фильмы, обсуждали их, устраивали презентации книг и чествования писателей.

Он и в клубе документального кино не забывал о воспитательной функции кинематографа. Наблюдал за тем, как происходил «процесс перестройки» восприятия фильма, отмечал: «Вначале у зрителя срабатывала привычка «развлечения» – пришёл, посмотрел и ушёл. Убил время. Затем люди стали постепенно следить за тем, как снято. И, наконец, иногда во время просмотра я замечал, как у зрителей на глазах навёртывались слёзы. Это и есть, наверно, аристотелевское понятие «катарсиса».

На официальном сайте «Фёдоровки» я обнаружил такую запись: «Мы гордимся, что в стенах библиотеки творил известный земляк, настоящий профессионал, талантливый кинооператор Юрий Яковлевич Светлаков, чьи фильмы и телепрограммы всегда узнаваемы, с самобытным авторским почерком и высоким художественным вкусом».

Однажды летом 2011 года у него раздался звонок телефона. Главный редактор местного телеканала «Мой город» пригласила его для разговора. В назначенное время на втором этаже бывшего кемеровского клуба ГРЭС, пробираясь через декорации (оказывается это была студия для прямого эфира), спотыкаясь о провода и какие-то ящики, он вошёл в длинную комнату:

«Ба! Знакомые всё лица – в основном бывшие труженики с ГТРК «Кузбасс» и мои студенты. В дальнем углу за столом сидела главный редактор, оказывается, я её видел в программе «Включайся» на губернском телеканале «СТС «Кузбасс». Зван я был для того, чтобы предложить мне вести по утрам программу «Утро в нашем городе...»

Это же надо вставать в 5 утра, что для него почти нереально! Пришлось отказаться. Тогда предложили вести программу наподобие «Семейного альбома». Он решил согласиться, хотя помнил, что нельзя дважды входить в одну и ту же реку. Подписал, не глядя, договор. На первый случай составил список лиц, с кем бы хотелось поговорить в телеэфире «за жизнь».

Программу назвали «Штрихи к портрету». И в один прекрасный день Светлаков выехал в посёлок Кедровка – на первую съёмку к известному фотомастеру Юрию Сергееву. Он волновался, ведь почти на пятилетку был отлучён от эфира. Только зря переживал. Отзывы о его новых передачах и на редакционных летучках, и в прессе, и при встрече со зрителями были хорошими.

Особое восхищение вызвали его эфиры с актёром Олегом Кухаревым, поэтом Борисом Бурмистровым, гармонистом Николаем Сидихменовым, музыкантом Владимиром Фуксманом, доктором Валентиной Понутриевой. Как шуточно написала газета «Московский Комсомолец» в Кузбассе: Светлаков задавал глупые вопросы, а получал умные ответы. Как говорится, если талант есть – его не пропьёшь.

«Штрихами к портрету» он умело раскрывал телезрителям интересного собеседника, вёл с ним проникновенный разговор по душам. Это были не просто пересуды на телеэкране, это были исповеди его героев.

Однако через какое-то время он ушёл с телеканала. Причин, вспоминал он, было несколько. Во-первых, он всегда любил работать над темой один, а здесь его постоянно опекали многочисленные молодые помощники, досаждали своими советами. Ему не нравилась заставка к передаче, однако, как ни просил, переделывать её не стали. Не нравилось, что в его короткую – 20 минут – передачу, вставляли рекламу. Ещё он приходил в уныние от невысокой культуры операторской работы.

– Я на эти передачи тратил уйму времени, – пояснял Юрий Яковлевич. – Надо было договориться с человеком, собрать о нём сведения, подготовить вопросы. Потом съёмка, расшифровка материала и монтаж. Готовый материал я относил на телеканал. Первое время ждал выход передачи в эфире. Потом даже не смотрел. Почему? Чаще всего, передачи были перемонтированы по непонятно каким соображениям.

Я привык всё делать сам и отвечать за содеянное сам. Чтобы не было «мучительно больно за бесцельно прожитые годы», решил покинуть студию».

Но без работы ему не сиделось. Упрямый, неуёмный оператор-режиссёр, он продолжает снимать своё кино. Он же не может не говорить со зрителем языком света и тени, возможностями кинокадра, посредством видеохроники:

– Продолжаю снимать, – признаётся он на своей страничке в соцсети, – как говорят, в стол. Иногда свои фильмы показываю в клубе документального кино «Свет». Выставляю фильмы ВКонтакте.

Как-то раз – году этак в 2011-м – актёр Кемеровского драматического театра, давний друг Юрия Яковлевича Олег Кухарев позвонил и попросил Светлакова

найти оператора, с которым можно было бы снять фильм о профессии актёра на примере артистов драмтеатра.

– Давай, я сам попробую! – обрадовал тот. – Но сразу скажу, что снимать кино о профессии актёра дело пустое, это почти то же самое, что ответить на вопрос: что такое любовь?

И они вместе: Светлаков и Кухарев, – с увлечением взялись за работу. В это время московский режиссёр Дмитрий Петрунь ставил в драмтеатре спектакль «Боинг-Боинг». И друзья решили «вплести» эту пьесу в ткань фильма. Название для ленты «пришло» из спектакля «Принцесса Турандот», сыгранного в московском театре имени Вахтангова. Там в самом начале представления один из героев восклицает: «Сегодня мы играем так...» Кемеровский фильм так и назвали. Кстати, в 2019 году Юрий Светлаков выпустил книгу с таким же названием, где подробно описал историю совместной с Олегом Кухаревым работы над тем самым кино:

«После съёмок и монтажа получился трёхчастёвый фильм, по 45 минут каждая часть. Я показал его соавтору Олегу Кухареву. Ему кино не понравилось. Мне тоже показалось затянутым и было немного занудным. Я сократил до двух частей, переписал на диск. Отдал диск Олегу и на том, подумал, что дело закончилось.

Прошло время... Как-то решил показать своим студентам «Сегодня мы играем так...» не в качестве примера, как надо снимать, а, наоборот, как не надо. И попросил их конкретно показать пальцем, где хорошо, а где плохо. Лучше бы я этого не делал. Почти никто не смотрел на экран, уткнулись носами в свои смартфоны. Мне же самому кино стало нравиться. Через пелену равнодушия я вдруг по-другому стал воспринимать содеянное».

А вот слова Олега Кухарева:

«Через месяц показали материал в клубе документального кино «Свет». К сожалению, о фильме не вспомнили даже в юбилейные дни театра. А лучше-то никто не снимал!»

Юрий Светлаков по привычке выложил фильм в интернете и, можно сказать, забыл про него. Прошло ещё время, и эта история обрела счастливый финал.

И вот преподаватель колледжа культуры и искусств Артём Лугачёв пригласил Юрия Яковлевича провести беседу со студентами кафедры режиссуры и актёрского мастерства с показом фильма «Сегодня мы играем так...»

«Где он это кино увидел? – удивлялся Светлаков. – Вероятно, ВКонтакте. Вот где я получил истинное удовольствие от просмотра. Молодые девчонки и мальчишки смеялись там, где надо, хлопали там, где надо и не надо. После просмотра было сказано много добрых слов в адрес фильма. Главное, один из них сказал: «Лучшего учебника по актёрскому мастерству и театральной режиссуре я не встречал!»

Эти слова стали наградой за эту работу. Мастер и не мог сделать иначе...

9.

Были в жизни Юрия Васильевича и другие награды. В том числе – награды государства Российского, звания и награды Кемеровской области, а также ведомственные, общественные и творческие отличия.

В их числе медаль СССР «За трудовую доблесть» (1971), знак Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию «Отличник телевидения и радио» (1972); среди областных наград орден «Доблесть Кузбасса» (2013), медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2002), «60 лет Кемеровской области» (2003), «65 лет Кемеровской области» (2008). В 2014 году ему присвоено звание «Почётный гражданин Кемеровской области».

За исследование истории кино Сибири и Кемеровской области Юрия Яковлевича в 1997-м приняли в члены межрегиональной общественной организации «Петровская академия наук и искусств» (г. Санкт-Петербург). Ю. Я. Светлаков был победителем в номинации «Лучший ведущий авторской программы-2000» в I-ом областном телевизионном конкурсе «ТВ-Престиж» – за очерк «Остров».

Член Союза журналистов и Союза писателей Кузбасса Юрий Светлаков – автор большой серии книг и учебных пособий об операторском мастерстве, киноискусстве Кузбасса, телевидении Кемеровской области. Некоторые из них я уже назвал. Но, думаю, стоит ещё раз упомянуть их и также назвать другие его книги.

Это – «Киноленты памяти», «Съёмщик», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом», «Путь непослушания, или неправильные люди», «Кемеровское телевидение. История в чёрно-белых фотографиях», «Автор-оператор», «Сибиряки-добровольцы на экране», «Свет мерцающих звёзд». «Штрихи к портрету», «Слово о полку Игореве», «Моё документальное кино», «Вспомнить детство и забыть», «Все ушли на фронт», «Время, назад!», «Таинственная Сибирь», «Шахтёры Кузбасса на экране», «Житель Марса Иван Егорович Селиванов», «Сегодня мы играем так...», «ВГИК. Заветная звезда» и другие.

7 августа 2022 года Юрия Яковлевича с нами не стало. Он ушёл на 85 году жизни. Известный кинооператор, ведущий, автор культовых программ, легенда кузбасского телевидения, преподаватель, доцент кафедры экранных искусств КемГИКа считал, что самое главное в жизни – это свобода и к этой свободе он проложил свой путь!

Он полагал, что «человек преуспел в создании разных технических средств, но почти ничего не достиг в познании самого себя и тем более Вселенной. Призыв древних «познать самого себя» так и остался тайной».

Он пытался донести до нас ускользающее понимание того, как научиться чувствовать самого себя, соблюдая при этом законы Природы? Пытался добраться до той самой истины, когда мы осознаем, что есть ещё что-то «разумное, доброе, вечное», снимем с себя забетонированный покров сомнения и неверия, открывающий забытые знания о нас самих.

Он хотел найти ответы на вечные вопросы: кто ты? Зачем ты здесь? Что такое жизнь? Что такое любовь? Что такое разум? Он предлагал «прислушаться к той внутренней информации, которая проходит через тебя». Убеждал: «Старайтесь каждый день хоть на один шаг продвинуться вперёд к горизонту в поисках самого себя».

Операторское мастерство – это светописное искусство, – был уверен Мастер: «В одной книжке написано: «Бог есть Свет, и нет в нём никакой тьмы». Стало быть операторское дело богоугодное. Да будет Свет! Главный вывод: если люди теряют

визуальную культуру при восприятии действительности, они теряют свою индивидуальность, теряют способность к самопознанию...»

И ещё Юрий Яковлевич Светлаков призывал: «Проживайте каждый день в радости и творчестве и не задавайте себе ненужных вопросов. Смысл жизни – в жизни! Волшебники Света, идите и снимайте своё кино. Зажигайте свои звёзды на операторском небосклоне. Наблюдайте за деяниями Мастеров. Смело открывайте дверь в неизведанное. Пусть дух открытий не покинет вас. Искренне стройте свой мир по совести. Старайтесь не походить на других!»

Эмилия Калачикова: «Наша каждодневная работа – подтверждение веры, надежды, любви»

Приближается 20-летие ухода из жизни замечательной журналистки Эмилии Калачиковой, которая более 30 лет активно работала на Новокузнецком городском радио. Её называли «голосом Новокузнецка».

Родилась Эмилия Александровна Калачикова 29 апреля 1949 года в Новокузнецке. Здесь же окончила среднюю школу и литфак Новокузнецкого государственного педагогического института (1973).

Конечно, радио в Новокузнецке появилось задолго до появления на свет самой Эмилии – в легендарных 1930-х годах – с рождением Кузнецкого металлургического комбината и строительством города. Архивисты отмечают, что работа местного радиовещания начинает упоминаться в южной столице Кузбасса в августе-сентябре 1931 года.

В то время в Сталинске (так назывался тогда Новокузнецк) по решению Западно-Сибирского Краевого исполкома (Крайком располагался в Новосибирске) создаётся радиогазета вместе с газетой «Большевицкая сталь». Руководителем этого дела был назначен уполномоченный вещанием от Крайкома. В одном из архивных документов обнаружили такие строки: «В 1932 году радио стало отдельным

предприятием с использованием информации и пропаганды о работе Кузнецкстроя, КМК, строительстве первых улиц города».

«Старшее поколение ещё хорошо помнит, что основным и наиболее оперативным источником информации стало проводное радиовещание, – вспоминает в одной из газетных публикаций ветеран радиожурналистики города, работавший когда-то диктором, Александр Ягодницын. – Через его посредство в Сталинске транслировались передачи Московской радиостанции имени Коминтерна, Новосибирской радиостанции РВ-76. Позднее по этой же сети из Кемерова шли передачи местного радиовещания».

Во время Великой Отечественной войны, да и в послевоенные десятилетия почти в каждой квартире была «чёрная тарелка» громкоговорителя или «репродуктора», как тогда их называли.

Радиопередачи шли два раза в день. Рано утром, до начала рабочего дня, звучал обзор газеты «Большевицкая сталь». Основная передача была вечером, после 18 часов. Обычно давали новости городу, дублировали наиболее важные вести с фронтов. Приглашали к микрофону фронтовиков, приезжавших в город, а также труженников тыла.

В то время при Совете Министров СССР было Главное управление по охране государственных и военных тайн в печати, сокращенно Главлит, который имел во всех городах и районах страны свои подразделения.

«Мне тоже иногда доводилось ходить туда с редакционными материалами, – напоминает А. Ягодницын. – Я смотрел, как женщина средних лет в Горлите придирчиво вычитывала наши тексты, недовольно ворчала, делая пометки на полях, и наивно думал: откуда она знает, правильно это или нет, что, она умнее наших журналистов?»

В горкоме партии процедура повторялась уже в кабинете секретаря по агитации и пропаганде товарища Корнилова. Атмосфера была другая. Несмотря на большую разницу в возрасте и положении, он общался на равных, был приветлив. Читал, задавал вопросы...»

В Сталинске редакция городского радио размещалась в Доме связи (так в то время называлось здание Главпочтамта, там были сосредоточены все виды связи). Напротив комнат редакции находилась радиостудия и аппаратная радиоузла.

Как и многое в Сталинске в то время, радиостудия считалась одной из лучших в Сибири. В построенной по проекту с учётом требований акустики просторной студии мог свободно разместиться большой хор или оркестр, здесь же стоял приличный инструмент фирмы «Шрёдер».

Редакция готовила и развлекательные программы. Чаще это были выступления коллективов художественной самодеятельности. Иногда отваживались сразу приглашать десятки человек. Это – и хор, и солисты, музыканты, чтецы. Конечно, очень сложно и хлопотно было справиться с такой массой людей: режиссёров, звукооператоров, каких-то других специалистов не было, – всё делали сами журналисты.

Коллектив редакции участвовал и в проведении общественно-политических мероприятий города, в том числе праздников. Во время праздничных демонстраций непременно вели репортажи с трибун. Сначала – с площади Побед, от заводоуправления КМК, а потом – и с Театральной площади.

В 1950-1960-е годы в редакции работало семь человек. Ограничений во временной протяжённости радиопередач почти не было.

Городское радио давало возможность выступлению и руководителей, и рабочих, и ведущих специалистов всех отраслей о самом главном, чем жил город. Среди внештатных авторов горрадио были знаменитый землекоп, почётный гражданин города Андрей Филиппов, сталевар Александр Чалков, директор КМК Роман Белан, академик Иван Бардин, дважды Герой Социалистического труда, шахтёр Егор Дроздецкий, дважды Герой Советского Союза, космонавт Алексей Леонов, композитор Александра Пахмутова, писатель Гарий Немченко. Другие яркие личности и известные люди Новокузнецка, такие как директор ЛВЗ Иван Неешлебов, первый секретарь горкома партии Альберт Ленский. А также – многочисленные известные артисты, творческие коллективы области, страны и зарубежья.

Много и часто новокузнецкое радио освещало строительство другого металлургического гиганта – Запсиба, где, кстати, впервые была создана оперативная радиоредакция «Голос стройки», которая действительно помогала в самые напряжённые пусковые дни комбината. Этот сложный участок возглавляла в те годы ответственный редактор Олимпиада Михайловна Софронова.

***

Поэтому в Новокузнецке уже сформировались крепкие радиовещательные традиции, когда в 1971 году в редакцию радиовещания города на должность корреспондента пришла студентка педагогического института Эмилия Калачикова.

Она не раз признавалась потом, что новая работа понравилась ей с самых первых дней. Много лет Эмилия была ведущей программ для детей и молодёжи.

В «семидесятых» много передач было о детях, о молодых людях. Например, особая гордость новокузнецких радийщиков – не один десяток лет просуществовавшая в эфире городского радио радиопередача «Страна Юнкория» (автор проекта Лилия Горбунова, кураторы проекта Эмилия Калачикова, Татьяна Агеева). Радиоархивы этих выпусков хранятся в городском музее образования, где в своё время была организована специальная выставка «Служу Отечеству пером», обобщившая опыт работы юнкоров.

Миля, как ласково называли её коллеги, принимала непосредственное участие в областном конкурсе «Молодость Кузбасса», стала его лауреатом. Успешно освоила различные жанры радиожурналистики – от оперативной информации и репортажа до передач проблемного и очеркового характера.

В 1984 году Эмилию Александровну назначили ответственным редактором Новокузнецкого городского радио. И уже по её инициативе на реконструкции КМК организовали радиоредакцию, начали выпуск сатирического обозрения «Колючий

микрофон». Коллеги вспоминают, как по предложению Кемеровского комитета по телевидению и радиовещания Калачикову определили руководителем группы работников Британской радиовещательной корпорации Би-би-си для съёмок фильма о рабочем Новокузнецке. И она с этой задачей хорошо справилась.

Она была активным членом профессиональной творческой организации – Союза журналистов СССР. В феврале 1987 года на областной конференции СЖ Кузбасса её избрали делегатом Всесоюзного съезда журналистов.

Кроме неё делегатами стали редактор заводской многотиражки из Юрги Людмила Платонова, редактор районной газеты из Тяжина Александр Дубков, главный редактор газеты «Кузбасс» Александр Трутнев и я, Сергей Черемнов, редактор городской газеты «Шахтёрская правда» из Прокопьевска.

Среди приглашённых на съезд почётных гостей от Кемеровской области были Владимир Майдаров, ответсекретарь СЖ Кузбасса, Виталий Банников, директор Кемеровского книжного издательства, Владислав Бехтер, заместитель руководителя идеологического отдела Кемеровского обкома КПСС.

VI съезд журналистов СССР проходил 14-16 марта 1987 года в московском Колонном зале Дома Союзов. Наша дружная делегация сидела на одном из первых рядов, откуда хорошо был виден президиум с представителями руководителей партии и правительства страны. Шли дебаты и дискуссии о будущем печатного и электронного Слова, о свободе мысли и взглядов.

Всё это мы активно обсуждали в кулуарах и в номерах гостиницы «Москва», где проживали в эти насыщенные событиями дни. Там мы с Милей познакомились ближе. Скромная, симпатичная, умная, уверенная в себе, она была душой компании.

Времена были непростые, дефицитные. А в столице тогда можно было купить дефицитные товары, особенно для детей. Чем мы с ней и занимались в вечерних походах по магазинам.

Эмилию Калачикову слушатели Новокузнецка очень любили. Некоторые из них до сих пор помнят её голос. «Голосом Новокузнецка» её называли по праву: каждое утро у новокузнецчан начиналось с её традиционного приветствия: «Доброе утро! В студии ведущая выпуска Эмилия Калачикова...».

Со временем её должность стала называться «Главный редактор Новокузнецкого городского радиовещания».

Эмилия Александровна обладала своеобразной, отличающейся от других коллег подачей информации. А её тёплые, проникновенные радиопоздравления земляков трогали до самой глубины души.

И в тоже время она была из тех, кто, как говорится, за словом в карман не полезет. Она умела тонко, метко, острым словом, но без оскорбления, поставить зарвавшегося человека на место. Об этом помнят все, кому довелось с ней работать.

Не зря они вместе с актёром Новокузнецкого драматического театра Станиславом Сафоновым были ведущими сатирического обозрения «Колючий микрофон».

***

Начало девяностых годов – время больших перемен. Не всегда они меняли ситуацию в лучшую сторону. Вот как сама Эмилия вспоминала тот период:

– В период конца 1980-х – начала 1990-х годов Новокузнецк был центром рабочего движения Кузбасса. Здесь проходили рабочие совещания с участием министров, членов Правительства, съезды рабочих. Приходилось много работать. С утра бежишь на событие или совещание и до перерыва записываешь там выступления участников, потом мчишься в редакцию, быстро монтируешь для эфира первый репортаж, затем – вновь на заседание. И так – до итогов мероприятия. Город ждал новостей, и мы «пекли» их с ходу, как блины.

А первый съезд рабочих транслировали на весь Кузбасс. Мне впервые доверили вести прямую трансляцию: с 10.00 утра и 20.00 вечера. В этом форуме участвовал весь московский «цвет» вместе с новокузнецкой элитой. Были и Ельцин, и Денисенко, и Вахитов, и Киселёв, и другие. Слушать некоторые речи, дебаты, а где – и «воду в сите», скучно. Я заполняла скучные места интервью, короткими рассказами о делегатах, просто комментариями к происходящему. Чтобы интересно слушалось. Время было революционное. С июля 1989 года редко удавалось просто отдохнуть, так что мамина дача в Кузедеево оставалась без меня...

И за такую «потогонную» работу журналистку ещё и не хвалили, не поощряли, а... наказывали!

«В итоге такой сумасшедшей работы, – сознаётся она, – заметьте: без оплаты и гонорара, – я получаю строгий выговор от руководителя Кемеровского Комитета по ТВ и РВ за перерасход эфирного времени, то есть, за переработку. Не было не только премии или гонорара – даже обычного «спасибо» не было! «Против Калинина, (Алексея Николаевича, заместителя по радиовещанию в областном Комитете по ТВ и РВ), не прыгнешь», – успокаивали меня коллеги. Интересно, что он одновременно со мной наказал и редактора Ленинск-Кузнецкого городского радио, чтоб мне не так обидно было. Но только того – за недоработанные эфирные часы, а меня – за переработку! Такое бы надо забыть, но вот не забывается...».

А в 1991 году редакция новокузнецкого городского радиовещания вообще потеряла самостоятельность, была включена в состав новокузнецкой компании «Ново-ТВ».

Спустя ещё какое-то время Всероссийская радиовещательная компания «Радио России», на чьих волнах в эфир и по проводам выходили областное и муниципальное радио, стало сокращать время для городских передач: вначале – до 20 минут в день, а то и всего до 10 минут. Поэтому в редакции стало достаточно всего двух сотрудников – редактора и журналиста.

Другая причина «свёртывания» городского радиовещания – бурное развитие электронных средств массовой информации: новых каналов телевидения и радио, интернета, мобильной связи. Кроме того, в городе практически исчезла проводная радиотрансляционная сеть. В середине прошлого века почти все квартиры были радиофицированы, а новые дома сдавались в эксплуатацию с готовой радиопроводкой. Сейчас этого не стало.

И тогда Эмилия Александровна стала литсотрудником на областном радио Кузбасса. Её замечательные материалы с юга Кемеровской области: репортажи, интервью, новости, – зазвучали на весь регион. И кузбассовцы слушали её с большим удовольствием. Потому что она была талантливым и вдумчивым журналистом. Но самое главное – была хорошим, честным, без всякой фальши, человеком, безумно любившим свою профессию, своё новокузнецкое радио, людей и жизнь.

***

Эмилия Александровна ушла из жизни 3 января 2003 года. Похоронена на Редаковском кладбище Новокузнецка. Незадолго до этого – в 2002 году – её заслуги отметили высокой областной наградой: медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени.

Коллеги всегда вспоминают её добрым словом.

«Эмилия Александровна Калачикова была у нас добрейшей души человек, – отмечает Марина Гертье, корреспондент новокузнецкого радиовещания в 1995-2003 годы. – Она, как мама, всегда понимала нас и помогала нам во всём. Будь это радость или беда. В городе её знали все! С уважением относилась к любому человеку.

Знаете, есть такая категория людей, которые умеют на одном уровне разговаривать как с большими руководителями и представительными людьми, так и с простыми работягами. Эмилия Александровна была такой. С людьми она разговаривать умела, а это главное качество для журналиста. И все к ней относились с уважением. С ней было легко и просто.

Я благодарна судьбе, что она была в моей жизни, более того, Эмилия Калачикова сыграла в ней свою судьбоносную роль. Она всегда была и будет для меня примером. Как с профессиональной точки зрения, так и с человеческой. Я думаю, многие новокузнецчане её помнят, и будут помнить всегда».

Сама же Эмилия Александровна жила и работала ради людей и для людей – своих земляков. И каждый раз искренне радовалась, если удавалось сделать чью-то жизнь счастливее. Вот как она описала одну историю о том, как радио помогло людям встретиться:

«В новокузнецкой редакции радио получаем письмо из города Кургана, что в южном Зауралье. Пишет мужчина накануне 1 сентября, просит поздравить в эфире с Днём знаний и началом нового учебного года новокузнецчанку, учительницу, как сейчас помню, жительницу Заводского района. Поздравили. Второе письмо приходит от него к нам в канун Дня учителя. Оно написано уже чуть подробнее и снова с просьбой – поздравьте её же с праздником. В третьем он просит поздравить её с Новым годом. Затем – с 8 марта. Очередное послание получаем снова перед 1 сентября. Что бы вы думали?! Говорят нам спасибо! Наше радио соединило сердца двух одиноких людей! Она переехала к нему, счастлива, счастлив и он...

И таких примеров немало. Постоянно, каждый год, телеграмма или звонок из Одессы: привет маме от дочери с поздравлением. Пишут нам на радио целые

тетради наши ветераны. Стараемся каждого обогреть, поздравить, доброе слово сказать. А сколько людей приходит или просто по телефону обращаются с просьбой! Лежит больной, сломленный жизнью и болезнью, умоляет сказать по радио добрые слова, передать песню. Разве это оценивается деньгами? Конечно, нет!

А, к сожалению, сегодняшняя жизнь диктует: деньги! Где деньги?! Давай деньги! Смешная зарплата, смешные цены. И только радио – серьезно, не терпит фальши, неискренности, бахвальства и лишней суеты. Вот такие мы. Любимые или нет, но терпеливые, ждём хорошего, надеемся и верим! Подтверждение веры, надежды, любви – наша каждодневная работа».

Анатолий Владимирович Клишин – журналист и учитель

Мы познакомились с Толей Клишиным в 1974-м. Я был уже на втором курсе филфака Кемеровского университета, а он поступил на первый. Ребятам на факультете училось немного – все наперечёт. Поэтому мы хорошо знали друг друга, общались не только во время перемен между уроками, но и в студенческом общении. Оба хотели стать журналистами, посещали занятия по журналистской специализации, которая открылась на факультете тоже в 1974-м.

***

Две записи из его трудовой книжки: 17 августа 1992 года – принят старшим преподавателем на кафедру журналистики и русской литературы XX века; 9 августа 2010 года – исключён из числа работников в связи со смертью.

Между этими датами – жизнь, отданная обучению журналистов. Почти для 350 выпускников отделения журналистики университета Анатолий Владимирович был первым, кто встречал их, ещё абитуриентов, на творческом экзамене. Из его рук они получали дипломы пять лет спустя.

А начиналось всё здесь же, на филфаке. В 1975-м, когда студент Толя Клишин выбрал специализацию «журналистика», открывшуюся на факультете благодаря подвижничеству известного в Кузбассе журналиста, собственного корреспондента по Кемеровской области газеты «Труд» Юрия Степановича Котлярова.

Вместе с Анатолием на курсе, кстати, учились и другие ребята, ставшие впоследствии руководителями редакций СМИ. Среди них Андрей Ореховский – журналист-миротворец областной молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса», Сергей Киселёв, который работал в пресс-службе администрации в Топках, возглавлял в Юрге газету, Александр Лейберт, много лет был главным редактором газеты Чебулинского района.

Уже в 1984-м Анатолий Владимирович, поработав корреспондентом, заместителем редактора газеты, стал редактором юргинской городской газеты «Свет Ильича», самым молодым в области. Вот что вспоминает об этом времени ветеран журналистики города Юрги, ныне житель Новосибирска Юрий Атучин, которому посчастливилось трудиться вместе с Анатолием: «В восемьдесят четвёртом Анатолий Владимирович Клишин стал редактором городской газеты. Но возраст никогда не мешал ему отстаивать интересы коллектива и защищать журналистов от нападков и придираков – было и такое – обижавшихся на публикации чиновников.

Мы с ним работали хотя и на одном этаже, но в разных газетах. И как-то я имел неосторожность написать довольно хлёсткий материал о том, как в одном из сёл в клубе по халатности ответственно-безответственных товарищей раскурочили киноаппаратуру, очень дорогую по тем временам.

Шум поднялся на весь район, и третий секретарь райкома партии вызвал меня «на ковёр». Клишин, на правах опекуна, пошёл вместе со мной, объяснив удивлённому секретарю, что является членом Союза журналистов СССР и прибыл в роли общественного защитника. И когда преисполненный праведного гнева директор районного кинопроката Юрин, возмущённо потрясая газетой «Знамя Октября», начал объяснять нам, что та аппаратура давно списана и моя публикация насквозь лживая, Клишин спокойно протянул в его сторону руку: «Дайте!» На удивлённый вопрос директора кинопроката: «А что дать?» – последовал ответ: «Акт о списании аппаратуры». В кабинете возникла минутная пауза, после которой слегка побагровевший секретарь, курировавший культуру района, выдал: «Можете идти...»

1 сентября 1986-го Анатолий Клишин уехал в Новосибирск. Стремление постичь профессию до самых глубин привело его на отделение журналистики Новосибирской высшей партийной школы – единственного тогда центра повышения квалификации для журналистов Сибири.

Здесь наши пути снова пересеклись, ведь и я конце 1980-х стал слушателем этого же отделения Новосибирской ВПШ. Видел, что Анатолию нравилась преподавательская деятельность. Хотя, говорил он, раньше о преподавательском поприще и не задумывался. И предложение остаться в этой школе преподавателем было для него неожиданным. Он уже в то время был и аспирантом: новое дело потребовало новых знаний. Аспирантура его была в очень престижном учебном заведении – в Российской академии управления (сегодня это Российская академия

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

***

А потом вновь неожиданный поворот в судьбе Анатолия Клишина: в 1992 году, защитив кандидатскую диссертацию, он возвращается на родной филфак КемГУ, не в силах отказаться от приглашения уважаемого учителя – Ю. С. Котлярова. Возвращается, чтобы отладить работу только что созданного на факультете отделения журналистики. Дел в создании и выстраивании работы новой кафедры – кафедры журналистики КемГУ было просто невпроворот. Поэтому он дневал и ночевал здесь.

Выпускница кафедры, опытный руководитель пресс-службы одного из кемеровских предприятий Жанна Чернова делится воспоминаниями об этом периоде:

– Первый набор на отделение журналистики КемГУ состоялся в 1991-м. Желающих абитуриентов было около сорока человек, из них поступили 23. Каждый по-своему – яркая, интересная личность. Однако, представьте, ко второму курсу нас осталось в два раза меньше! Почему? Во многом из-за непродуманности учебного процесса. Нам безо всякой логики включили в учебный план максимум филологических дисциплин и немного – от журналистики. Поэтому часть ребят просто разочаровались в выбранной профессии и покинули вуз.

К счастью, со второго курса, когда на кафедру пришёл Анатолий Владимирович, ситуация резко изменилась – в самую лучшую сторону. Просто и ненавязчиво, и своим примером, и привлекая известных журналистов и новых преподавателей, он заново вдохнул в нас энтузиазм, заинтересованность в учёбе, с которыми мы сдавали вступительные экзамены и которые изрядно поугасли за время обучения на первом курсе. Анатолий Владимирович вёл каждого студента, стараясь каждому уделить максимум внимания, усилий, чтобы человек дошёл до окончания университета, чтобы получил не просто образование «для галочки», а действительно знания и квалификацию...

Осенью 1992-го на отделении журналистики было уже два курса студентов и... всего один преподаватель специальных дисциплин да несколько устаревших учебников.

Нужно было обладать недюжинными организаторскими способностями, подчёркивают немногочисленные коллеги Клишина той поры, чтобы в таких условиях вести обучение, практически с нуля создавать методическую базу, готовить учебные планы и программы. Анатолий Владимирович ко всему, за что брался, подходил творчески, заинтересованно, с полной отдачей. Репутация отделения журналистики с самого начала была для него превыше всего. Понятия «успешный менеджмент» тогда не было в ходу, но именно так следует определить деятельность Анатолия Владимировича по созданию качественной системы подготовки студентов по специальности «журналистика».

Он понимал, что глубина знаний студентов зависит от уровня преподавания, от того, как молодая кафедра справится с чтением новых курсов. Он сам читал лекционные курсы по всем профессиональным дисциплинам: «Основы

журналистики», «Новостная журналистика», «Аналитическая журналистика», «Основы творческой деятельности».

Он привлекал профессионалов-журналистов, искал новых преподавателей. И даже меня уговорил встать на сложную преподавательскую стезю. Я в то время руководил пресс-службой Законодательного Собрания Кемеровской области первого созыва, и Анатолий уговорил несколько семестров подряд вести в КемГУ спецсеминары для студентов-журналистов. До сих пор во мне живы впечатления от этих занятий, готовиться к которым приходилось в перерывах между командировками, телепередачами на областном ТВ, заседаниями комитетов ЗС и сессиями депутатов. Как говорится, есть с чем сравнить и оценить трудный преподавательский хлеб...

Себе Анатолий всегда оставлял самую трудную, ответственную работу – такую, например, как семинары дипломников. Услышать, вникнуть, разобраться в любой проблеме, сделать важные замечания, увидеть нужные повороты – всем этим отличался преподаватель и руководитель Клишин, отмечают те, кто работал с ним бок о бок.

В 1994 году коллеги избрали Анатолия Владимировича заведующим кафедрой. И он до последнего дня был достоин оказанного доверия, оставаясь единодушно признанным лидером, любимым руководителем. На кафедре часто звучала фраза: «Анатолий Владимирович, мы за Вами, как за каменной стеной». Это не были пустые слова или слова лести. С ним преподаватели, действительно, ощущали себя надёжно прикрытыми от всех житейских и производственных бурь. Существовал на кафедре журналистики особый микроклимат, в котором уважительно-деловые отношения совмещались с дружескими.

Клишин умел собирать вокруг себя людей добросовестных и ответственных, болеющих душой за факультет. Это был человек, для которого понятия «честь» и «совесть» не были пустым звуком. Будучи глубоко порядочным, он был убеждён, что это и есть норма жизни, удивлялся, что для кого-то это не так.

В нём был тот необходимый нравственный стержень, который позволяет человеку остаться человеком в самые трудные времена. «Мы не всегда общий язык находили, но он был настоящим мужиком, – рассказывает Владислав Петров. – Несмотря на все свои трудности, он занимался делом, не ссылаясь ни на какие личные проблемы. А советы, которые он мне давал, пригодились не только в учёбе, но и в жизни...»

...Студенты-журналисты первого набора переходили с курса на курс, и для них, как и для кафедры, всё было впервые – практика, научная работа, программа госэкзамена, дипломирование. Все эти новые формы нужно было продумать и организовать. И на кафедре у Клишина это было сделано настолько качественно и перспективно с точки зрения стратегии, что позволило на годы вперёд построить на созданном прочном фундаменте всю систему обучения.

При этом система, выстроенная им, не была застывшей, неизменной. Почивать на лаврах было не в характере Анатолия Владимировича. Например, в 2003 году по его инициативе на кафедре открыли вторую специализацию – «Телевидение», что потребовало оборудования телецентра.

Он приходил ко мне в управление по работе со СМИ администрации Кемеровской области, которое я возглавлял тогда, чтобы обсудить это новое направление в учёбе. По его просьбе мне удалось «выпросить» у губернатора Кузбасса средства из областного бюджета, чтобы создать университетскую образовательную телестудию.

Так что за казённой фразой о «создании материально-технической базы» стоят конкретные дела конкретного человека – Анатолия Клишина: от поиска средств, переговоров с влиятельными людьми до сборки мебели своими руками. Воистину, он умел всё.

***

При всём при том Анталий Владимирович никогда не забывал про главное – про студентов. Радиожурналистка Марина Белявцева подчёркивает:

«Он был очень уютным. Когда сидел в своём маленьком кабинетике, за столом, улыбался в усы и говорил, что мы солнышки. И если я в чём-то недотягивала в учёбе, это «солнышко» прямо резало по сердцу, было стыдно, хотелось быстрее нестись, делать, исправлять, работать. Он лучезарно улыбался, но то, что он очень добрый, мы поняли только ко второму курсу: старшекурсники старательно поддерживали миф о «великом и ужасном».

Я помню, как он читал лекции, равномерно вышагивая от окна к двери и обратно. Как любил иногда, обозначая тему, повторить пару раз последнее слово. А голос-то какой! Я только потом, работая уже на радио, записала как-то Анатолия Владимировича на микрофон и поразилась его низкому, бархатному тембру. Он всегда останется в моей памяти живым, весёлым, любимым преподавателем, нашим Папой Клишиным, как мы его называли».

Или вот ещё мнения:

«Настоящий Папа. Болел за каждого из нас, где-то был строгим, но всё равно – бесконечно добрым и заботливым. Он нас любил как своих детей. Каждый выпуск. Радовался нашим успехам. Мы же всегда рядом были – «висели» на стенах его кабинета. Каждую фотографию он в рамку «упрятывал» и вешал красиво, рядом с остальными...»

Альмира Хабибулина: «Вы помучились-помучились, зато попали на самый классный факультет», – примерно такая фраза прозвучала от него на зачислении нашей группы Л-035. Услышав этот дружеский тон, мой папка тогда вздохнул с облегчением – чадо оказалось в добрых руках на пять лет. А потом, уже при выпуске, когда Анатолий Владимирович выяснял наши планы на будущее и услышал, что я собираюсь следовать за мужем-офицером, с широкой улыбкой поддержал благородные намерения: «Будешь современной декабристкой!» Услышав же место нашего назначения – его доуниверситетскую Юргу, опять же с улыбкой отметил: «Не самое худшее место в мире».

Выпускница Ксения Королёва считает, что Анатолий Владимирович «был достаточно строг со студентами и справедлив в то же время. Мы его очень уважали.

Это идеальный преподаватель, каких лично я в своей жизни встречала мало. Таким может стать только Человек с большой буквы».

Ксения Климкина: «Помню первый курс, лекцию у Анатолия Владимировича в 206-й аудитории. Я сидела на первой парте, мы что-то напряжённо записывали, и в самый неподходящий момент у меня падает ручка, громко ещё так стучит об пол и катится к стенке. Я с ужасом понимаю, что мне нужно что-то важное обязательно пометить, а писать нечем. И тут Анатолий Владимирович, не прерывая лекции, встаёт из-за стола, поднимает мою ручку и тихонечко кладёт мне на тетрадь. Это даже восторгом нельзя назвать. Весь день всем рассказывала, что САМ мою ручку поднял...»

Татьяна Долгопол: «Я прекрасно помню свои ощущения, с которыми приходила к нему на пары – такое предвкушение. Предвкушение интересного общения, общения на равных, общения с компетентным, интересным человеком – человеком, которому ты по-настоящему не безразличен. Его равнодушие – это такая редкость!»

Екатерина Салтыкова: «Я благодарна Анатолию Владимировичу за то, что он не отчислил меня на первой зимней сессии. Я боялась идти к нему в кабинет, как на Голгофу поднималась по лестнице в деканат. А он просто спокойно поговорил и объяснил. И взял слово, что не повторится такого...»

Остап Григорьянц, телеоператор: «Он хотел отчислить меня аж три раза... Но именно он в своё время спас меня от тех, кому пофиг, как вербовать к себе людей... Он тогда сказал мне: «Ни на что не соглашайся, сделай так, как я говорю, потом не пожалеешь». Я не пожалел. Всё было давно... Если честно, только его взгляд перед глазами. Настоящий, человеческий, понимающий, мудрый».

Согласитесь, такие откровения дорогого стоят...

Клишин любил повторять: «Человек должен сам добывать себе пищу. В том числе и духовную».

Он не порывал и с практической журналистикой. Его мнение было авторитетным и для начинающих репортёров, и для умудрённых опытом редакторов. Он, наверное, целое десятилетие был постоянным участником жюри всех наших областных профессиональных конкурсов журналистов, которых в годы моей работы в областной администрации постоянно организовывало и проводило управление по работе со СМИ. Всегда был специалистом, равнодушным, заинтересованным в развитии кузбасской журналистики.

Именно по инициативе Клишина на журналистском отделении в КемГУ организовали обучение журналистов-практиков, не имеющих профессионального образования. Каждый год не менее десятка работающих в прессе людей, имеющих высшее, но непрофильное образование, поступали сюда, чтобы через несколько лет заочного обучения получить диплом журналиста.

Юлия Голубева, заочно получившая второе высшее образование:

– Я была последней поступившей в нашей группе второго высшего. Когда началось обучение уму-разуму, сильно пожалела о том, что учусь на заочном, а не на дневном. Насколько более многогранным могло бы быть общение с

преподавателями! С тех пор я считаю, что у меня одно высшее образование – то, которое я получила благодаря Клишину. Ведь он и правда был даже для нас, взрослых, Папой. Истинно повезло тем, кто имел счастье общаться с ним больше, делиться, советоваться, просить подсказок... Мы урвали лишь толику этого. Тем не менее, знания пригождаются ежедневно. А посему, сколь бы банально это ни звучало, Анатолий Владимирович живёт в каждом из нас, на какую бы стезю этой специальности нас не занесло.

Студенты, выпускники стали его семьёй. Он стремился научить их тому, что умел и знал сам. О таких говорят: «Профессионал готовил профессионалов». Не случайно дипломные работы студентов его кафедры признавались лучшими на всероссийских конкурсах.

Среди студентов и выпускников отделения – победители Всероссийской олимпиады по журналистике, лауреаты национальных конкурсов «Тэфи», «Радиомания», областных конкурсов «Золотое перо», «ТВ-Престиж», Радио-Престиж». Анатолий Клишин гордился их успехами, радовался их победам. Он любил их, и они платили ему тем же.

Среди его выпускников – Вадим Такменёв, известный журналист, ведущий программы «Центральное телевидение». Много тех, кто нашёл своё место в столичной журналистике. Среди них – Ася Гойзман, Андрей Григорьев, Евгения Иванкова, Алексей Гамзов, Юлия Смолякова, Татьяна Горбунова, Мария Байдина. Очень многие выпускники работают в СМИ Кемеровской области и в органах законодательной и исполнительной областной и муниципальной власти, на крупных предприятиях и в организациях. Это – Николай Сенчуров, Ирина Шелковникова, Степан и Екатерина Дубковы, Наталья Ваничкина, Анастасия Карманова и другие.

Выпускники-журналисты КемГУ сегодня востребованы в редакциях газет и журналов, на радио, телевидении, в пресс-службах, интернет-изданиях Кемеровской области, а также – Новосибирска, Екатеринбурга, Красноярска, Тулы, в общероссийских СМИ.

***

Последние два года жизни Анатолий Владимирович боролся с тяжёлой болезнью. Чего это ему стоило, можно только догадываться. Даже коллеги долго не знали о том, что он болен, а знавших поражало его мужество, сила воли. Он ни на кого не перекладывал свои обязанности: продолжал читать лекции, руководить дипломными работами. Факультет под его руководством успешно прошёл аттестацию и аккредитацию, была открыта магистратура, одержана очередная победа на всероссийской олимпиаде по журналистике...

Летом 2009 года мы с ним ездили в Промышленновский район, где участвовали в областном семинаре прессы, подводили итоги регионального конкурса журналистского мастерства, в жюри которого он по традиции входил. Анатолий хворал, но не подавал вида, держался молодцом.

Его студенты и выпускники до последнего были для него как дети. Оксана Циммерман вспоминала о том периоде: «Как-то, спустя 5-6 лет после окончания университета, я встретила Анатолия Владимировича на улице. Он обрадовался мне как родному человеку и, назвав по имени, спросил про дела. Честно признаюсь, была потрясена тем, что он помнит, как меня зовут! Во время учёбы в любимчиках не ходила, отношения с преподавателями имела нейтральные...».

«...Пришла в университет к Анатолию Владимировичу по делу, – рассказывала Екатерина Саломахина. – Мы тогда уже несколько лет не виделись. Налил чаю, выслушал и сразу же выполнил мою просьбу. Честно говоря, я к тому времени уже отвыкла от того, что люди могут просто так помочь. Вроде бы ничего особенного в этой встрече не было, а чувство такое, как будто к родственникам в гости пришла...».

В конце июня 2010 года «Папа Клишин», как всегда, вручил дипломы очередным своим выпускникам. Напутствовал: «Я хочу, чтобы на работе у вас дела складывались только благополучно. Тем более, что работа у вас ответственная: и журналисты, и филологи работают не с каким-то абстрактным материалом – они работают с человеческой душой. Поэтому ваша работа очень важная, выполняйте её честно и добросовестно».

А 9 августа его не стало...

...В минуты прощания с ним хлынул дождь. «Или это были слёзы горя его коллег, студентов, выпускников, которые почти полным составом пришли проститься с любимым Учителем...», – напишет позже кто-то из его коллег.

«...Почему нас всех так задела его смерть? – размышляет преподаватель Евгения Кутузова. – И поняла – он нас воспитывал. Он не просто был завкафедрой и самый главный препод журналистов, он был наставник по призванию. Он был равнодушный, ему было не всё равно. Всё – не всё равно. Уже когда я закончила универ, осталась работать на кафедре и вела за ним семинары, он не переставал меня воспитывать... И учил, как надо воспитывать первокурсников. А они приходили к нам на экзамены зелёные от ужаса, а потом те, кому не удалось сесть отвечать ко мне, которые вынуждены были сдавать ему, говорили: «А Клишин-то прикольно принимает!»

Его выпускники многому научились у своего учителя.

Мария Галаганова: «Он действительно так просто и искренне к нам относился, без всякого пафоса и позы! Несмотря на высокую должность и своё положение. Его пример побуждает честно работать, не хитрить, не лицемерить, не предавать. И ведь жизненный пример – это лучшее воспитание...».

Вероника Дзвоник: «Сейчас еду в автобусе по трассе, смотрю на небо, а там... там нет солнышка. Как нет и человека, который так любил это слово, да и само солнце, наверное, тоже. Остались только солнышки. И эти солнышки всё то время, пока будут светить, его не забудут!»

Сергей Брызгалов: «Нет, он не умер. Просто вышел на минутку. Сейчас зайдёт в аудиторию, прищурится, подёрнет уголками рта и расскажет то, что навсегда застолбится в памяти. И прежде всего, он сам»...

Андрей Ореховский подписывал свои материалы «фронтовой корреспондент»

Большую часть своей творческой жизни Андрей Ореховский работал в областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса». Его отличало неудержимое стремление к правде, желание докопаться до истины, найти истоки и причины случившихся военных и межнациональных конфликтов, искреннее желание помочь людям.

Свои материалы он подписывал «фронтовой корреспондент», потому что много раз ездил в командировки в «горячие точки» – Узбекистан, Чечню, Фергану, Таджикистан, Карабах, Приднестровье. Своими глазами видел и описал осаду и расстрел Белого дома в Москве. Всего на военную тему Андрей опубликовал более ста материалов. Его статьи, заметки, репортажи были исключительно интересны, актуальны, образны, познавательны, лаконичны.

В предисловии к своей книге «Найди и Спаси!» Андрей Алексеевич сказал:

«...Вся моя работа, все устремления на поприще журналистики и, как мне кажется, все написанные мною материалы подчинены одной-единственной сквозной теме... Всё же попробую сформулировать её так: защита идеалов демократии, отстаивание вечных и непреходящих нравственных ценностей, продвижение в

жизнь идей мира и миротворчества. Ведь журналист по природе своей – исследователь, искатель. Кто же, как не он, по глубинной сути своей просто обязан выступить провозвестником мира и миротворцем?!»

Он прожил короткую, но яркую жизнь, которая оборвалась, когда ему было всего 48 лет. В память о нём нам остались его статьи, книги, награды и многочисленные фотографии с мест боевых действий.

***

Андрей родился 13 сентября 1956 года в Кемерове. Окончил здесь среднюю школу. В 1974 успешно прошёл через вступительные экзамены и был зачислен студентом филологического факультета Кемеровского госуниверситета. Наше с ним знакомство состоялось осенью 1974-го на одном из студенческих мероприятий.

Я учился уже на втором курсе. И на правах старшего подошёл к нему первым. Невысокого роста, очень худощавый, он привлекал внимание необыкновенно цепким, ироничным взглядом тёмных глаз. Оказался въедливым, умным студентом, успешно преодолевал сессию за сессией. Единственное, нет-нет, да подводило парня здоровье, поэтому в активных студенческих играх он особого участия не принимал. Но желание стать журналистом не покидало его с первых дней обучения.

Профессиональную практику он проходил в областном молодёжном издании, поэтому, когда у 1979 году окончил филфак КемГУ, его пригласили в «Комсомолец Кузбасса» (в 1991 году переименован в «Кузнецкий край»). И точно знаю, редакция ни разу не пожалела об этом. Его толковые, вдумчивые материалы украшали газетные полосы издания.

Была в его жизни и срочная военная служба. Он проходил её на Дальнем Востоке. И там он не забывал о своём главном ремесле – писал статьи и заметки в военные газеты.

Но настоящим призванием Андрея стала работа в качестве фронтового корреспондента. По заданию «Комсомольца Кузбасса» репортёр Ореховский поехал в одну из точек межэтнических конфликтов, заполыхавших на окраинах разваливающегося СССР. А после окончательного развала Союза – материалы о таких поездках по России и странам СНГ стали его постоянной темой.

«Вернувшись в родной Кемерово из далёкого Владивостока в конце восьмидесятых, он сразу окунулся в проблемы, назревавшие в разных концах Союза ССР, и выбивает командировки в Армению (Нагорный Карабах), Фергану, снова Армению, Приднестровье и так далее», – вспоминают его близкие. С той поры антивоенная тема стала главной в его творчестве. Проблеме прекращения войн, поиска пленных и пропавших без вести молодых солдат Андрей посвятил все оставшиеся годы жизни.

Почему же он, рядовой корреспондент региональной газеты, едет туда, куда вроде и не должен был? Да потому что круг его интересов, его миропонимание выходило далеко за пределы какой-то одной области, одного региона. Его мироощущение было всеобъемлющим. Как журналисту ему хотелось постичь и описать причины,

по которым один народ вдруг начинал стрелять в другого, вчерашние соседи становились врагами.

Особым проявлением мужества и человечности Андрея стала его работа в качестве фронтового корреспондента во время трагических событий в Чеченской Республике. В то время в Чечне он побывал шесть раз. И не просто описывал происходящие там трагические события. Рискуя жизнью, вместе с матерями пропавших без вести или попавших в плен молодых солдат он разыскивал их, помогал в спасении, вызволении из плена.

Я нашёл его публикации тех лет в сборнике статей «Кавказские заметки. Москва, Воронеж, Гудермес, Кемерово, Нальчик, Назрань». В одной из статей он пишет:

«На протяжении последних 14 лет я являюсь фронтовым корреспондентом кемеровской областной газеты «Кузнецкий край» и осознаю себя журналистом-миротворцем. С самого начала ввода федеральных российских войск в Чечню являюсь убеждённым противником развязанной войны.

Как остановить этот вселенский кошмар? Как положить конец войне? Как вернуть исстрадавшимся народам мирную жизнь и избавить планету от пожара в пороховом погребе? Эти вопросы я задаю себе постоянно и ставлю их на страницах родной газеты «Кузнецкий край».

***

Андрей, как показала его будущая жизнь, стал активным журналистом-миротворцем, не раз проявлявшим свои силы в несвойственном, казалось бы, корреспонденту областной газеты качестве: не просто написать о происходящем, но и постараться помочь людям, чтобы не только словом, но и делом привести конфликтующие стороны к миру.

В его статье, написанной в январе 1990 года, есть такое признание: «Почти весь октябрь 1989-го я находился в Армении и Азербайджане, включая Нагорный Карабах. Я был там, потому что хотел помочь. Я хотел всё увидеть собственными глазами и разобраться, насколько туго затянулся карабахский «гордиев узел», чем живут люди и что нужно сделать, дабы отвести надвинувшуюся катастрофу.

Вернувшись, за перо я взялся не сразу. Требовалось не навредить. Требовалось осмыслить трагедию народов. А самое главное – требовалось оглянуться вокруг, всмотреться в стороны нашей жизни, предопределившие Карабах, и занять, насколько это возможно, позицию беспристрастного свидетеля. А это было нелегко...»

Понимание, что уцелевшим, но пленённым солдатам можно ещё помочь, к нему пришло очень быстро. Он переходил границы враждующих сторон, проникал в отряды боевиков. Это было очень опасно. Ореховский организовывал совместно с солдатскими матерями мирные посреднические миссии в «горячие точки». Искал и находил пропавших сыновей своей страны...

Из статьи А. Ореховского «Дом спасения» (1998 год):

«Похищение людей чеченцами с целью получения выкупа – явление, с 1996 года ставшее постоянным в России. При этом зверства преступников – боевиков – не

знают границ. Патологическая жестокость похитителей и работоторговцев, держащих захваченных ими пленных русских солдат и гражданских лиц в подвалах и подземельях и подвергающих их нечеловеческим пыткам, отрезающих уши у своих жертв (в том числе маленьких детей), отрубаящих им головы перед видеокамерами, потрясает.

И совершенно естественно, что сегодня многие россияне единственным способом решения этой проблемы видят в силе оружия. В самом деле, тот из чеченских боевиков, кто издевается и режет захваченного беззащитного ребёнка, способен понять только язык силы.

Но в том-то и безумие нынешней ситуации в Чечне, что в это бесчеловечное дело – торговлю людьми – вовлечены сегодня и многие, казалось бы, вменяемые жители и даже отцы и матери многодетных семейств! И таких сегодня в Чечне сотни и тысячи... точно знающих, где, в каких местах, в каких застенках и зинданах содержатся захваченные боевиками заложники. Страшная сегодняшняя диалектика чеченской войны требует от нас гибкости. Дело заключается в том, что если мы хотим спасти наших ребят и вернуть их домой, то с ЭТИМИ... нам пока ничего другого не остаётся, кроме как... разговаривать.

Да, именно так: ехать в Чечню в качестве сотрудника мирной посреднической миссии – и искать, расспрашивать, договариваться. С помощью добропорядочной части чеченского населения ещё как-то удаётся вызволять наших соотечественников из беды бескровными методами и без выкупа – путём переговоров или обмена».

Хочу особо подчеркнуть, что Андрей Ореховский выделялся среди собратьев-журналистов своим неудержимым стремлением к правде, неукротимым желанием докопаться до истины. Он изучал проблемы возникновения и разрешения конфликтов между народами не только и не столько по учебникам и мнениям «кабинетных» специалистов. Он вникал в эти вопросы, непосредственно общаясь с людьми, проживающими в «горячих точках». Он знал о войне не по книжкам и кино – сам не раз бывал в гуще военных событий.

Читаю статью А. А. Ореховского «Идущие на амбразуру» (из книги «Чечня: война и мир на рубеже веков. «Контртеррористическая операция» глазами региональных журналистов», М. 2000):

«...Оглушительный взрыв прогремел в тот миг, когда военный журналист Костя, мой товарищ, сопровождающий меня по Грозному, – старший лейтенант милиции из Петербурга, – наводил свою неразлучную видеокамеру на родных ребят-земляков из питерского ОМОНа.

Парни были рады земляку и тому, что родные и близкие смогут теперь увидеть их на телеэкранах. И вот в этот идиллический момент общения и гремит взрыв! Откидывается дверь полуразрушенного подъезда и раскачивается на единственной петле. Закладывает уши, обдаёт ветром. Улавливается запах вздыбленной строительной пыли. Мина?! Граната?! Это же совсем рядом, думаю я, за стеной, в десяти шагах, у горы битого кирпича!..

Это я уже нахожусь в Грозном, спустя несколько дней после прибытия сюда с колонной...»

Близкие и коллеги, знакомясь с его трудами, отмечают, что Андрей параллельно освоил ещё несколько сопутствующих военной журналистике специальностей: следователя-сыщика, если хотите, переговорщика, психолога, который умеет быстро разговорить человека, вызвать на откровенность. Без вести пропавшие люди всё равно могут оставить какие-то следы, уверен он. Надо только искать, найти и не сдаваться в случае неудачи.

Из статьи Андрея Ореховского «Неожиданный «привет» от Аслана Масхадова» (из той же книги):

«...Ящик, оказывается, был заполнен не только оружием. Стоило только нам «копнуть» в него глубже – и обнаружилась новая находка, пожалуй, что и пострашней, чем первая, и уж во всяком случае, позагадочней.

Но эта же новая находка неожиданным образом многое объяснила, документально расставила всё на свои места. Оказалось, что в ящике под гранатами... целое море паспортов! Обычных, казалось бы, российских паспортов жителей Грозного с грозненской пропиской. Но их особенность в том, что первые их страницы с именами, отчествами и фамилиями их обладателей... перечеркнуты!

«Что это значит?» – думаю я, листая эти паспорта – свидетельства неизвестной, но ясно, что какой-то ужасной трагедии, связанной с войной. На меня словно веет ледяной стужей. Это деловитое перечёркивание крест-накрест людских имён может означать только одно: эти люди (а паспортов здесь лежат десятки, сотни!..) погибли. Об этом же говорит и то, что эти паспорта уже длительное время как забыты – от них исходит ощущение горечи, пронзительное чувство утраченности человеческой жизни и не исходит никакого тепла, никакой ауры, которая, как мне кажется, является неотъемлемой частью жизни и принадлежностью любой, даже утерянной, вещи.

...Все эти люди – а, судя по фамилиям в паспортах, это и чеченцы, и русские – из числа тех, кто выдержал первую чеченскую войну. И кто, вероятнее всего, оставался в Грозном и после возвращения в него чеченских боевиков в августе 1996-го.

...Одна из догадок моих товарищей по пресс-центру МВД, которые рассматривали паспорта вместе со мной, заключалась в том, что сюда, в Ханкалу, каким-то непостижимым образом попала часть архива одного из грозненских райотделов милиции. А я думаю, что, скорее всего, ещё чеченских, масхадовских райотделов. По датам всё сходится...

...Видимо, основную часть документов боевики успели уничтожить. Но не всё. Помешало взятие Грозного нашими войсками. А это значит, что сегодня по огромному военному лагерю в Ханкале наверняка «разбросаны» и хранятся в самых неожиданных местах и другие следы, свидетельства и документы неизвестных страниц чеченской войны, которые ещё ждут своего часа. И которые, будем надеяться, прольют свет на судьбу многих и многих граждан России. И, что особенно важно, наших ребят – кузбассовцев, пропавших без вести на поле брани во время чеченской войны. А их, по меньшей мере, семеро...»

Такой нелёгкой работой военкор Ореховский рвёт свою душу, треплет нервы, перегружает своё сердце... Но без этого Андрей уже не может.

Андрея Алексеевича Ореховского не стало 3 октября 2004 года...

Прошло немало времени с тех пор. Нет уже в составе нашей страны тех республик, куда он ездил. Но публикации его остались и запомнились. Осталось и немало историй, в которых он участвовал и которые получили продолжение и после его смерти. Одну из них поведала Евгения Владимировна – жена Андрея. Возьму на себя смелость пересказать её.

Прошло несколько лет, как Андрея не стало. И однажды в их квартире раздался телефонный звонок. Из Армении. Спрашивали Андрея Ореховского. Вернее, признался звонивший мужчина по имени Энгельс, из-за того, что в Кемерове произошли перемены, Андрея долго разыскивали, пока не узнали, что его больше нет...

Речь шла о Карабахском конфликте 1987-1988 годов между азербайджанцами и армянами. Андрей оказался одним из немногих журналистов, кто освещал в прессе этот конфликт.

«В подшивках архива нахожу три больших материала на эту тему и много заметок. Значит, три раза Андрей выезжал в Армению. И вот, спустя годы один из тех, с кем он там общался, выходит на связь», – рассказывает Евгения Ореховская. – Что же было там, кроме того, что описывал Андрей Ореховский в своих статьях?

– Посмотри, я посылал Андрею материалы о Карабахе, – слышу я в трубке.

Да, есть! Вот полка, на которой стоят книги о конфликте на Кавказе, а вот и маленькая самиздатовская брошюра. Открываю – вижу перечисление зверств над мирным населением ещё в 1988 году. Армения была в составе СССР. На одной из страниц вижу фотографию женщины. То, что написано снизу под ней, не укладывается в голове. Её, среди многих прочих, зимой вывели, раздетую, на улицу, зверски избили, и надругались над ней, как женщиной, далее описывать нет слов. Женщина погибла.

– Найди фамилию Григорян. Это моя мама, – откуда-то издалека, как будто из прошлого века, доносится до моего слуха голос Энгельса.

Дальше он сбивчиво, с характерным акцентом и очень взволновано объясняет роль Андрея Ореховского в его личной судьбе. Я шоке от прочитанного, с трудом понимаю его слова. Андрей, прибыв в те места и узнав эту историю, сумел пройти во враждующие с армянским народом населённые пункты. По факту это означало, что он перешёл линию фронта. Был на могиле погибшей матери Энгельса. И это не всё.

В статьях Андрея тех лет нахожу названия населённых пунктов Эркеч, Армянские Борисы, описание «перехода на ту сторону», упоминается там фамилия Григорян: «Вот и село Армянские Борисы. Кладбище на горе. Эмма Григорян, 1930 – 1988 гг. – одна из первых пала в огне конфликтов. ...Была убита в Сумгаите на пороге своего дома – на третий день продолжавшихся погромов».

В «Комсомольце Кузбасса» об этом было рассказано... «Но было ли это искуплено? – спрашивает Андрей в своём материале «Долгая дорога в Эркеч». – Искуплено

общественностью страны? Искуплено государством? Нет. Так разве же не отсюда берёт своё начало и всё дальнейшее? Как цепная реакция... Как снежный ком...»

Тело убитой армянки Эммы Григорян помог перевезти в Армянские Борисы водитель-азербайджанец. «Факт этой помощи, – написал Андрей в своём материале, – я рассматриваю как исконную суть, как свойственную людям потребность объединяться против насилия и жестокости. Потребность, заглушённую сегодня войной, ушедшую вглубь, но всё же ещё способную останавливать занесённую руку».

– Почему Андрей вспоминает это? – размышляет теперь его супруга Евгения. – И вдруг меня осенило. Ведь действительно, из сбивчивых слов Энгельса можно было понять, что Андрей участвовал в захоронении его матери. Но захоронение было в 1988 году, а Андрей был там спустя год. Что-то не сходится. Всё было, пожалуй, не так просто, как он написал. Ведь не стал бы Энгельс вспоминать так эмоционально этот случай, если бы Андрей просто прошёл туда. Он, скорее всего, принимал самое непосредственное участие в... перезахоронении (!) мамы Энгельса. Из Сумгаита – в Армянские Борисы. Видимо, была надежда, что конфликт уладится, и сюда, в родные места, смогут приехать близкие... Кто бы об этом исключительно мужественном поступке Андрея узнал, не Расскажи о нём сам сын Эммы Григорян?..

Да, не обо всех эпизодах своих миротворческих миссий рассказывал в своих публикациях Андрей Ореховский. В «горячих точках» происходило немало всего, что не вошло в его статьи. Может быть, он считал такую информацию слишком личной и не подлежащей огласке? А может, не афишировал подобные случаи в силу скромности...

«Разговаривала я и с Амалей Григорян, супругой Энгельса, – продолжает рассказ Евгения. – Добрые, хорошие люди. Очень хорошо отзывались об Андрее. В их памяти он остался, как мне показалось, национальным героем. Столько лет прошло. За это время сколько всего было. Но вот помнят же! Приглашают в гости. Они искренне радовались, что у Андрея была семья, растёт дочь. Конечно, было бы интересно побывать в тех местах, где бывал в командировках Андрей Ореховский, и посмотреть, и описать, как всё изменилось и какова сейчас там жизнь».

Энгельс переслал семье Ореховских ксерокопии писем, которые ему писал Андрей в те годы. Ведь между ними была хорошая дружеская связь. Евгения опубликовала часть их переписки. Эти человеческие документы буквально «дышат» событиями тех лет.

В письме Энгельсу от 26 марта 1990 года Андрей пишет:

«Дорогой Энгельс!

Большая радость для меня – твои весточки. Рад я и тому, что присылаемые мною материалы представляются тебе интересными. Это для меня очень важно – знать, что наша работа находит согласный отклик в далёкой и близкой Армении, что мы, находясь в Кузбассе, можем хоть как-то содействовать выявлению подлинности и правды, можем разделить нашу общую боль».

Вскоре Армении сотрясает новая волна погромов и в материале «Разговор на языке пуль» в «Комсомольце Кузбасса» в мае 1990 года Андрей напишет: «Ереван – в шоке. В течение двух дней в столице Армении то там, то здесь гремели выстрелы, строчили автоматные очереди, лилась кровь, падали убитые, раненые».

О этом же он взволновано скажет он и в письме Энгельсу от 10 сентября 1990 года: «Очень тревожит меня ситуация у вас в республике. Кажущаяся лёгкость решения – именно кажущаяся. В этом плане я за тебя беспокоюсь – за всех, кто для меня дорог. Держись. Привет всем!»

В январе 1991 года Андрей сообщает своему другу: «Я же снова в поездках, продолжаю свою тему и свою линию. Высылаю тебе материал последнего рейса – в Вильнюс, был там 10 дней. Скорее всего, буду ещё писать. Поджимают Эстония, Грузия, беспокоит Туркмения и Тува. Продолжается работа над Сумгаитом. Буду благодарен, если сообщишь о новостях...»

В письме от 1 марта 1992 года: «Скорблю по поводу событий в Степанакерте, по поводу разрушений и гибели мирных жителей. Не получая от тебя весточек, беспокоюсь. ...Я в настоящий момент занят организацией мирной миссии. Считаю, что не следует терять надежды на восстановление мира даже сейчас. Или хотя бы на прекращение огня и начало мирных переговоров... В марте должно решиться, в любом случае собираюсь в Карабах, в том числе и в Степанакерт. От моей 4-й поездки должен быть толк».

В следующем письме этого же месяца: «Мне, похоже, удалось организовать в Карабах мирную посредническую миссию, как я и обещал. Выезжает миссия облсовета по возможности в ближайшее время. Надеюсь, что наша миссия – как миссия кузбассовцев (то есть явление сравнительно новое, а в какой-то степени и первое) может содействовать нормализации обстановки на деле. ...В составе мирной миссии (или в индивидуальном порядке) постараюсь в апреле снова побывать там, обнять Ленника и тётю Айкануш, поклониться могиле твоей матушки. Рассчитываю преклонять перед ней колени каждый год. Этот могильный камень – символ крестного пути всего народа».

Специально для Энгельса и его друзей Ореховский оформлял им в Армению подписку на нашу региональную газету «Комсомолец Кузбасса». А ему, в свою очередь, приходили газеты из Нагорного Карабаха, подшивки которых за несколько лет до сих пор лежат в семейном архиве.

Для Андрея были характерны высокие, максимально идеальные представления о человеческих взаимоотношениях, качествах людей, отмечает Евгения Владимировна. Это положительное качество не часто выявляется у обычного человека. Наверное, поэтому оно и выделяло его самого и написанные им материалы какой-то особой проникновенностью, верой в людей. Человека уже нет, а дела его остаются в памяти людской, и продолжает жить его образ...

***

В кемеровской детской библиотеке имени А. Береснева проводят Дни памяти члена Союза журналистов СССР и России, журналиста Андрея Ореховского. Он был

другом и постоянным посетителем этого учреждения на бульваре Строителей, 7. Здесь проходили презентации его творческих работ, в том числе – и его последней книги «Найди и спаси!»: методика деятельности журналиста – миротворца по поиску солдат, пропавших без вести в связи с событиями в Чеченской республике» (издательство «Кузбасс», 2004). Она посвящена солдатским матерям России. Подчеркну, что по решению Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ) книга признана лауреатом Всероссийского конкурса «Лучшие книги 2004 года».

В стенах этой библиотеки звучали и звучат его документальные произведения, напечатанные в сборниках «Седьмой этаж», «Война без победы», «Колыбельная песня Аннушки» и других изданиях, о которых я уже рассказывал. Сами названия статей Ореховского говорят о широком диапазоне его интересов: «Ключ преподобного Макария», «К осколкам Атлантиды», «Отсюда проросла «Калина красная». Его лучшие работы – «Атлантида Мироздания и Души», «Краеведение и Личность», «Там, где срастаются Земля и Небо».

На встречи памяти приходят родные, близкие, друзья Андрея, студенты – будущие журналисты. Эти встречи никого не оставляют равнодушным. Судьба Андрея заставляет многих задуматься и о своей жизни, о своём будущем, поразмышлять: каждый ли из нас смог бы поехать в район боевых действий, чтобы решать там проблемы незнакомых людей, чтобы искать причины военных конфликтов и пытаться их устранить, рискуя при этом собственной жизнью.

Его высокий профессионализм был отмечен различными наградами. А. А. Ореховский – лауреат федеральных и областных творческих конкурсов. В том числе всероссийских конкурсов «Вопреки» имени Ларисы Юдиной, «Журналисты против этнической и религиозной нетерпимости», конкурса Фонда имени Д. С. Лихачёва, конкурсов сибирских СМИ «Сибирь – территория надежд». Лауреат премии Союза журналистов России в номинации «За профессиональное мастерство» (2002). За книгу «Найди и спаси!» Андрей удостоен Диплома Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2004 году. К сожалению, он не успел узнать об этой награде...

И ещё одну черту характера Андрея Ореховского надо обязательно отметить: он был хорошим семьянином, любил свою дочку, жену. Евгения Ореховская подчёркивает: «Очень чуткий, тактичный, любящий и чрезвычайно добрый муж и отец. И мы отвечали ему тем же. Его сердце не выдержало физических и душевных перегрузок...»

Он ушёл от нас в октябре, когда была золотая осень. В большом, очень душевном некрологе были стихи:

Журналисты умирают рано.

Видно, так угодно Божьей воле.

Редко – от смертельной раны,

Часто – от сердечной боли.

Сердцу становилось всё труднее

Волочить Спасения вериги.

И осиротели у Андрея

Дочь, жена, старушка-мать и книги.

И грустит непройденное поле,
Листья жёлтые ложатся всё нежнее.
Видно, так угодно Божьей воле –
Миротворцы наверху нужнее...

Евгения Ореховская поместила последнюю строку стиха на памятнике Андрею. Каждый год, в октябре, собираются у двух Жень (дочь Андрея тоже зовут Женей) друзья, чтобы вспомнить Человека с большой буквы, поговорить о нём. Ведь он – в наших воспоминаниях, в стихах, статьях и книгах.

Лариса Мызина: «Надо сделать всё, чтобы изобразительное искусство перестало быть для зрителей чем-то элитарным»

Сначала она мечтала стать артисткой. Со школьных лет ходила в драмкружок и собиралась поступать в театральный институт. Но судьба распорядилась иначе и привела её на филологический факультет Уральского государственного университета.

А, может быть, её судьба явилась к ней в образе необыкновенного мужчины, который назвался Геннадием Мызиным – студентом журфака, в которого она влюбилась и за которого вышла замуж, ещё являясь студенткой?

После окончания УрГУ мужа распределили в редакцию кемеровской областной молодёжной газеты. Вместе с ним она оказалась в столице Кузбасса. И сходу устроилась младшим научным сотрудником в Кемеровскую областную картинную галерею...

***

А родилась Лариса 14 ноября 1951 год в небольшом городе Часов Яр Донецкой области. Городок известен тем, что его огнеупорные заводы с середины XIX века

снабжали огнеупорным кирпичом металлургические предприятия юга России. Но Ларису с детства больше привлекали гуманитарные науки и дисциплины. В интервью одному из кузбасских СМИ она припоминает:

– Все мы в детстве слышим от взрослых один и тот же вопрос: «Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?» В 1950-е все девочки мечтали стать врачами и учителями, а мальчики – лётчиками. Я всегда твёрдо знала, кем буду, и отвечала: «Я буду артисткой». Поэтому с детства посещала драматический кружок и в школе, и во Дворце культуры. Всегда играла характерные роли; знала, что поступать буду только на актёрский факультет во ВГИК (Всероссийский государственный институт кинематографии).

После удачного спектакля ей предложили поступить в Свердловское театральное училище: «Но, будучи максималисткой, я сразу же отвергла данное предложение. Пойди я тогда учиться в театральное, жизнь сложилась бы, наверное, совсем по другому сценарию...»

В школьные годы Лариса была отличницей и активисткой. И, обучаясь в старших классах, она всё ещё лелеяла свою мечту. А передумала буквально за несколько дней.

Случилось так, что в выпускном – десятом – классе у неё произошел конфликт с одной из учительниц, после которого педагог бросила фразу: «Она никуда не поступит...»

«Меня насторожили эти слова, – признавалась Лариса Ивановна. – А во ВГИКе в то время конкурс был сто человек на место! И, конечно же, я могла провалиться. Но не поступить, значит, доказать тем, кто в тебе сомневается, что ты липовая отличница и что ты не по праву все годы в школе считалась лидером».

И она приняла решение продолжить своё образование в УрГУ. Среднюю школу Лариса окончила в 1969-м. Этим же летом поступила на филфак Уральского государственного университета: «Я решила поехать в Свердловск (ныне Екатеринбург) и подать документы на филологический факультет. Сдала все вступительные экзамены на 4 и 5. Поступила. И только потом поняла, что вытащила счастливый билет...»

Благословенное студенческое время Лариса Ивановна всегда вспоминала с удовольствием. Одно плохо: оно пролетает очень быстро! Лекции и семинары, читальный зал библиотеки, где надо готовиться к предстоящим занятиям, факультетские мероприятия, в которых она принимает активное участие. В свободные вечера вместе с подругами посещала лекции по изобразительному искусству на искусствоведческом отделении. Но это было скорее для расширения кругозора.

В Свердловске она нашла и свою любовь. Геннадий учился на соседнем факультете – факультете журналистики. Симпатичный, подающий надежды молодой человек пришёлся ей по сердцу. Они сыграли студенческую свадьбу. А потом у них родилась дочь. После окончания УрГУ Геннадия Леонидовича Мызина распределили в Кемерово.

В 1974 году и Лариса окончила университет. И, как выяснилось позже, дальнейший её жизненный путь уже был «прописан» в Книге судеб.

– Я собиралась связать свою жизнь со Свердловском, – рассказывала Лариса Мызина, – и как филолог реализовать себя в одном из научно-исследовательских институтов. Но мужа (а он хороший журналист) пригласили на работу в кемеровскую газету «Комсомолец Кузбасса». Следом за ним, с маленькой дочерью, поехала и я...

Уже через неделю после приезда в столицу Кузбасса – а случилось это в 1975 году – она устроилась на работу в Кемеровскую областную картинную галерею на должность младшего научного сотрудника. Работать было очень интересно. Она как бы снова училась: постигала культуру Кузбасса, на конкретных примерах изучала тонкости изобразительного искусства, знакомилась с основами музейного дела: «Я водила многочисленные экскурсии, читала лекции по изобразительному искусству, знакомилась с художниками Кузбасса, писала о них статьи в газеты, изучала коллекцию музея...»

К работе она подходила творчески, была активным сотрудником, не оставляла равнодушными коллег своим отношением к делу. И руководство её заметило и отметило. Через некоторое время её перевели в методисты, затем она становится заведующим отделом пропаганды музея. Новая должность окрылила Ларису Ивановну. Она с интересом знакомится с историей своего учреждения.

***

Кемеровская картинная галерея открылась в столице Кузбасса в 1969 году на правах отдела Кемеровского областного краеведческого музея. Через три года – в 1972-м – это учреждение культуры стало самостоятельной организацией – Кемеровской областной картинной галереей.

История кемеровской галереи начиналась в 1960–1970-е годы, когда в политике государства особое внимание уделялось повышению культурного уровня индустриальных регионов. Таким был и Кузбасс – угольный край, не имевший глубоких традиций профессионального искусства. Инициатором создания картинной галереи выступил Иосиф Лазаревич Курочкин, в тот период – начальник Управления культуры Кемеровского облисполкома.

Помещение, которое первоначально занимала картинная галерея, располагалось в жилом доме в центре Кемерова – на проспекте Советский, 51.

Специалисты отмечают, что начало формирования фонда Кемеровской галереи отличалось от многих других в Сибири. Если художественные музеи таких городов, как Омск, Томск, Красноярск, Иркутск зарождались на базе коллекций, переданных из собраний краеведческих музеев или местных собирателей искусства, то картинная галерея в Кемерове открывалась в буквальном смысле «голыми стенами». Отсутствие «первоначального капитала» предопределило активность собирательской деятельности: начатое с «нуля», «собираительство» картин стало первостепенным делом, поскольку основой любого музея, как известно, является именно коллекция.

Эксперты считают, что для музея, основанного во второй половине XX века в угольном крае, отдалённом от центра страны, «собирать искусство» было нелегко, к тому же, лучшее давно принадлежит собраниям крупнейших музеев. Тем не менее, эта работа многие годы шла полным ходом. В собирательской деятельности кемеровского музея сразу же наметились такие приоритетные направления, как «столичное», «региональное», «местное».

Если описывать это коротко, то «столичное» направление представляет искусство Москвы и Санкт-Петербурга – главных художественных центров страны, задающих тон в развитии отечественного искусства.

«Региональное» направление включает искусство Сибири. Охватывает творчество художников, проживающих на территории Западной и Восточной Сибири: в Омской, Новосибирской, Томской, Иркутской областях, Алтайском и Красноярском краях, Республиках Тыва и Бурятия.

Наконец, «местное» направление представляет искусство родного края – Кемеровской области.

Когда Лариса Ивановна пришла на работу в областную картинную галерею, коллекции здесь только складывались. Среди начинавших сложный процесс формирования коллекций изобразительных искусств называют таких научных сотрудников учреждения, как В. П. Дурнева, О. С. Красова, Т. Г. Анисимова, Г. М. Большакова, Л. С. Аникина, М. А. Давыденко.

Л. И. Мызина тоже активно включилась в непростой процесс собирательства. Особенно заметным её вклад становится тогда, когда её назначают главным хранителем становящегося «на ноги», расправляющего крылья молодого учреждения культуры.

Должность была очень ответственной, делилась воспоминаниями Лариса Ивановна. Особенно трудным был период «переезда» картинной галереи в новое здание – то, в котором он находится и сегодня на Советском проспекте, 48.

Напомню, что 16 сентября 1985 года было принято решение № 382 Кемеровского областного Совета народных депутатов «О передаче с баланса на баланс здания управления вневедомственной охраны при управлении внутренних дел облсполкома». В этот дом и решили переселить Кемеровскую областную картинную галерею.

История этого здания заслуживает отдельного повествования. Но всё же коротко скажу, проектировалось и строилось оно в центре Кемерова в середине 1940-х годов совсем для других нужд: для Управления отдела исправительно-трудовых колоний Народного комиссариата внутренних дел (ОИТК НКВД) по Кемеровской области. Спроектировал его архитектор Т. С. Запашный, о котором сегодня мало что известно.

Кемерово только-только стало столицей нового региона, выделенного из Новосибирской области. Ещё не был разработан генеральный план города, не существовало застройки Советского проспекта, Весенней улицы и площади Советов, и здание возводилось вдоль только намечавшейся будущей магистрали.

И. В. Захарова, доцент кафедры строительных конструкций, водоснабжения и водоотведения Кузбасского государственного технического университета в статье об истории здания пишет: «Известно, что трёхэтажное кирпичное здание проектировалось со всеми видами благоустройства и имело строительный объём 7938 куб. метров и полезную площадь 1400 кв. метров».

В начале 1946 года объект сдали в эксплуатацию. После ликвидации ГУЛАГа в здании долгое время размещалось Управление вневедомственной охраны при Управлении внутренних дел Кемеровского облисполкома. После передачи картинной галереи дом реконструировали с учётом нового назначения.

Он получил три обычных этажа и один цокольный. Общая площадь увеличилась до 2537 квадратных метров. Под выставочные пространства отвели более 1100 квадратных метров, под фондохранилища отдали более 300 квадратных метров. Служебные помещения, коридоры и холлы, не считая лестничных маршей, в целом имеют площадь около 600 квадратных метров...

***

Так что, когда Ларису Ивановну в 1990 году назначили директором Кемеровской областной картинной галереи, она знала все «закоулки» своего большого хозяйства, его проблемы и успехи, направления деятельности.

«Я не родилась директором, – подчёркивала она. – Прежде чем стать им, прошла все ступени роста. Поэтому работу в музее знаю изнутри. Я много училась и стажировалась в ведущих музеях России и мира. Дважды – в музеях Америки и, конечно, в Государственном Эрмитаже, Русском музее, Государственном историческом музее в Москве. Много времени проводила в запасниках министерства культуры СССР и РФ, отбирая экспонаты для нашей коллекции».

Уже в 1991 году картинная галерея получила новый статус – была переименована в Кемеровский областной музей изобразительных искусств. В этом была немалая заслуга нового директора. И вообще: более 30 лет руководства таким крупным, сложным учреждением, – это вам не шутки! Можно сказать, Мызина росла вместе с музеем. Умело вела свой коллектив через «непогоду» сложностей и проблем, которых за десятилетия возникало немало.

Коллеги отмечают, что благодаря её пониманию современных процессов и грамотной расстановке приоритетов в своей работе, Кемеровский областной музей изобразительных искусств гармонично развивался в различных сферах деятельности.

Самым, пожалуй, главным направлением она считала пополнение фондов. Она старалась приобретать картины и другие предметы везде, где только возможно. Художники Кузбасса и многих сибирских регионов хорошо знали её ведущую линию. Наверное, нет в Кемерове и округе мастера, который бы не передал в музей свои произведения – и за плату, и в качестве благотворительности.

Но этого мало. Музей вёл постоянный поиск произведений и далеко за пределами региона. На вопрос журналистов: как сегодня пополняется коллекция музея? – она отвечает:

– Сейчас в фондах музея изобразительных искусств хранится свыше семи тысяч произведений живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства. Коллекция пополняется каждый год. Наш музей – музей отечественного искусства XX и XXI веков. И всегда есть приоритеты в приобретении тех или иных произведений искусства. Работа по комплектованию фондов не останавливается ни на один день. Но приобретать произведения искусства становится всё труднее. Растет число коллекционеров и аукционных домов, покупать предметы искусства стало модно, престижно...

По своей структуре в собрании Музея изобразительных искусств Кузбасса складываются два основных раздела – изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Отдельную часть образуют тематические и персональные коллекции – так сказать, «коллекции в коллекциях».

А в условиях недофинансирования остро встал вопрос дополнительного привлечения средств в бюджет музея. В этой ситуации, считала Лариса Ивановна, пришло время усиленно работать с меценатами и коллекционерами, чтобы с их помощью пополнять общие музейные собрания. И она активно начала заниматься сбором пожертвований, менеджментом, маркетингом. Именно этому научил её и зарубежный, и российский опыт успешных учреждений. Ведь даже Государственному Эрмитажу с его колоссальным бюджетом средств всё равно не хватает.

– Жизнь в XXI веке показала, – делится она, – что деньги должны уметь зарабатывать все, и учреждения культуры в том числе. И не только уметь зарабатывать, надо умело распоряжаться средствами. Вкладывая дополнительные доходы в модернизацию музея, нельзя забывать и о людях, которые в нашем учреждении работают. Чтобы у них был стимул, надо часть привлечённых дополнительных средств направлять на различные социальные выплаты.

В разных странах есть примеры, когда представители тех или иных слоев населения посещают музей бесплатно, а государство возмещает музею эти расходы. Мызиной тоже предлагают пойти по этому пути. Только она считает: «Это замечательный пример, но мы пока не можем этого себе позволить. У нас пока плохо развит институт волонтерства, люди не привыкли бескорыстно и бесплатно помогать музею реализовывать творческие замыслы, и нам есть над чем работать».

К сожалению, в России меценаты и спонсоры ещё не стоят в очереди, чтобы пожертвовать средства музею на развитие, на пополнение коллекции, на модернизацию фондов и оборудования. Сегодня это один из самых важных вопросов в музейном деле. «Но, кажется, дело тронулось с мёртвой точки, – надеется Лариса Ивановна. – Наш председатель центрального совета Ассоциации музейных работников регионов России Владимир Ильич Толстой стал советником по культуре у Президента России. И в этом мы все видим доброе предзнаменование...»

Она полагает, надо делать всё, чтобы посетители шли в кемеровский музей. Ведь едут же туристы в Париж или Петербург, чтобы непременно посмотреть Лувр или Эрмитаж. А почему не престижно пойти в музей в родном городе, изучить его коллекцию, посмотреть своих художников? Этот вопрос не даёт ей покоя: «Значит, нужно создавать и реализовывать необычные проекты, удивлять и учиться привлекать посетителя», – вот в чём выход по Мызиной.

В этих условиях особое внимание она уделяла выставочной политике. Всё новые и новые выставки – вот чем можно завлечь посетителей! И добивается, чтобы ежегодно в музее проводилось от тридцати до пятидесяти выставок – экспозиций живописи и предметов искусства из собственных фондов, а также из фондов других музеев России, стран СНГ, частных галерей, являющихся сокровищами не только региональной, но и российской, и мировой культуры.

Что нужно привезти в Кемерово, чтобы зритель пришёл в музей? «Мы не раз привозили Эрмитаж и Третьяковку, – вспоминала она. – Организовывали выставки икон из собрания Ярославского художественного музея, привозили выставки музея Истории религии Санкт-Петербурга и многих других замечательных музеев России. Открыли потрясающую выставку народного художника Зураба Константиновича Церетели. Однако, когда мы готовили этот проект, я думала, что будет огромная очередь, ведь Зураб Константинович показал не только скульптуру, но и живопись, шелкографию, и потрясающие эмали. А посетитель не очень спешит в музей...»

Тем не менее, масштабные выставочные проекты – особый «конёк» Ларисы Ивановны. Для примера назову лишь несколько крупных и интересных. Экспозиция одной картины В. И. Сурикова «Посещение царевны женского монастыря» из собрания Государственной Третьяковской Галереи (2003), «Частная жизнь в искусстве Западной Европы XVII-XIX веков» из собрания Государственного Эрмитажа (2004), «Шедевры Третьяковской галереи» (2005), «Православная Россия события и образы» (2008), «Ярославская икона XVII-XVIII веков» (2009), Илья Глазунов «Поле Куликово» (2011), «Продолжая традиции собирательства «Искусство Дальнего Востока» (2012), выставка из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева «О тебе радуется» (2013). Принимала Мызина активное участие и в подготовке выставок «Даёшь Кузбасс!» и «Строим Кузбасс, строим страну», приуроченных к 300-летию открытия угля в Кузбассе (2021).

Не зря же Кемеровский музей плодотворно сотрудничает с десятками музеев России, в том числе с такими крупнейшими музеями страны, как Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей (Санкт-Петербург), Государственная Третьяковская галерея, Государственный историко-художественный и природный музей-заповедник В. Д. Поленова (Московская область), со многими другими в том числе, региональными, музеями.

К организации одной из интересных выставок в Кемеровском музее изобразительных искусств приложил руку и я. Помог случай. В мае 2003 года я в качестве делегата от кузбасской областной организации Союза журналистов участвовал в VII съезде журналистов России, который проходил в Москве. В

составе нашей делегации был редактор газеты «Кузбасс» Валерий Михайлович Гужвенко. Он-то и познакомил меня со своим другом, бывшим кемеровчанином Валерием Ивановичем Никифоровым, директором московского «Фотоцентра» российского Союза журналистов.

Во время дружеского обеда в фотоцентре на Гоголевском бульваре, 8, мы и договорились организовать в Кемерове уникальную фотовыставку с названием «Мастера отечественной фотографии «Карл Булла и сыновья». В. И. Никифоров увлёк меня этой идеей. А я, в свою очередь, договорился с Ларисой Ивановной, что её музей предоставит свои площади для экспонатов – уникальных чёрно-белых фотографий, сделанных великим мастером в конце XIX – начале XX веков.

Карл Карлович Булла – русско-немецкий портретист и мастер документальной фотографии, отец российского фоторепортажа, владелец фотоателье в Санкт-Петербурге, снимал «везде и всюду»: на торжественных раутах с участием знатных особ и членов царской фамилии, на улицах Петербурга, в ясной Поляне и репинских «Пенатах», в рабочих столовых, на рынках, спортивных состязаниях, в собственном ателье, где считали для себя престижным сфотографироваться самые известные люди России – писатели и артисты, ученые и государственные деятели, среди которых были Л. Толстой, М. Горький, Ф. Шаляпин, И. Репин, В. Стасов и другие.

Не стану описывать трудности поиска финансов, проблемы организации этой выставки. Они все так или иначе были решены. Выставка открылась в кемеровском музее в мае 2004 года и имела определённый успех...

Кстати, именно новые экономические реалии подтолкнули Ларису Мызину к тому, чтобы получить второе высшее образование. Она поступила и успешно окончила ФГУП «Интерстудио» – Санкт-Петербургский институт инновационных программ повышения квалификации и переподготовки работников культуры. «Здесь ведущие специалисты России, Англии, США и Франции учили нас зарабатывать деньги, находить новых партнеров, искать выход в, казалось бы, безвыходных ситуациях», – подчёркивает она.

***

Ещё одна из больших проблем подобных музеев – экспонаты, хранящиеся в запасниках. У кемеровского музея – их тысячи, отмечала Лариса Ивановна. Нередко они попадают сюда в ненадлежащем виде. Да и сохранять их в подвалах – дело сложное. А время часто работает на разрушение красок, которыми создана картина, ей требуется реставрация, что тоже требует средств и немалых.

– Музей – это комплекс проблем, в том числе финансовых и хозяйственных. Однако главная функция музея – комплектование, изучение и хранение музейных предметов, – говорила Лариса Ивановна.

Опыт других музеев подсказал директору, как можно справиться с этой проблемой. В 2010 году Лариса Ивановна стала автором проекта «Усынови картину», что позволило привлечь к реставрации произведений искусства дополнительные средства благотворителей.

Она обратилась к предпринимателям и бизнесменам Кузбасса, к руководителям предприятий и чиновникам разного уровня с предложением: возьмите шефство над любой нуждающейся в уходе картиной, найдите или пожертвуйте деньги на её обновление. И её инициатива нашла отклик: в ходе акции удалось отреставрировать десятки произведений живописи и иконописи.

А директору не сидится спокойно в своём кабинете. Она часто бывает у коллег в других регионах, изучает их опыт, старается привлечь в своё учреждение всё то передовое, что используется в музейном мире. Так, особое внимание Мызина уделяет развитию новых информационных технологий. Музей имеет своё web-представительство в интернете (комплекс веб-сайтов, электронных документов, интернет-инструментов, профилей социальных сетей и других интернет-ресурсов), активно сотрудничает с крупными информационными интернет-порталами, специализирующимися на продвижении тематики по искусству.

Активно развиваются и продвигаются нетрадиционные для музея формы работы. Например, начинается работа с пенитенциарными учреждениями Кемеровской области в рамках проектов «Свобода, которую я выбираю» и «Это сладкое слово – Свобода». За деятельность в этом направлении кемеровский музей отмечен специальной Почётной грамотой Правительства России.

Мызина терпеливо добивается того, чтобы в музей приходили зрители разных поколений. И если старшее поколение всегда углубленно смотрит любые музейные экспозиции, то молодёжь в последние годы знает кемеровский музей по акциям, среди которых бесспорным лидером является музейная ночь, впрочем, молодые выделяют и так называемые культурные среды.

Все годы под её руководством коллектив по возможности воссоздаёт и углубляет полную картину художественного развития культуры Кузбасса, тесно работает с местными авторами, классифицирует исторические этапы и основные тенденции этого развития, выделяет творческие поколения и яркие имена.

Данное направление, отмечают эксперты, формируется по «краеведческому» принципу: отражает историю искусства Кузбасса с исчерпывающей полнотой, с творчеством художников всех поколений, начиная с первого, которое тесно связано с появлением нашего региона на карте страны в военные 1940-е.

«Региональное» и «местное» направления работы кемеровского учреждения признаны специфическими, придающими собранию музея своё лицо, выделяя кемеровский музей из ряда других, даже сибирских. Ларисе Ивановне в этом деле активно помогают такие специалисты, как В. М. Непомнящая, М. В. Петрова, Е. Г. Вагина, М. Ю. Чертогова и другие работники коллектива. Так общими усилиями, от этапа к этапу, собирается сегодняшняя уникальная коллекция, слагается история Музея, который теперь знают коллеги практически во всех регионах России.

***

Более 45 лет работала Лариса Ивановна Мызина в Кемеровском музее изобразительных искусств, из них более 30 лет – директором учреждения. Её опыт был серьёзно востребован в стране: она была членом координационного совета

«Союза музеев России», входила в состав Международного национального комитета музеев (ИКОМ). В 2003 году коллеги избрали ей в президиум ИКОМ России. А 2005 году она избрана членом Совета экспертов Российского комитета Международного Совета музеев. В рамках работы этих организаций Л. И. Мызина активно занималась такими вопросами, как выставочная деятельность, финансирование музеев и привлечение внебюджетных средств, работала по программе «Антитеррор и музей». Особое внимание уделяла привлечению в организацию ИКОМ новых членов, и в первую очередь, конечно, из музеев Сибири. Её вклад в развитие своего учреждения и музейного дела России просто не оценим. Тем не менее хочу отметить, что за большой вклад в развитие музейного дела в 2010 году Ларисе Ивановне присвоено звание заслуженного работника культуры Российской Федерации. Она награждена нагрудным знаком Министерства культуры России «За достижения в культуре». Удостоена многих других федеральных и ведомственных наград.

Ей также присвоены звания почётного гражданина Кемеровской области, почётного работника культуры Кузбасса, Лауреата премии Кузбасса. Её труд отмечен знаком «Золотой знак «Кузбасс», медалями «За заслуги перед Кузбассом» III степени, «За служение Кузбассу», «За веру и добро».

К сожалению, 25 июля 2021 года в результате тяжёлой непродолжительной болезни Ларисы Ивановны с нами не стало...

Пройдя все ступени профессионального становления – от научного сотрудника до директора музея – Лариса Ивановна всегда была в первых рядах тех, кто всю свою жизнь посвятил развитию музейного дела, сохранению и популяризации богатейшего наследия России, вовлечению кузбассовцев в прекрасный мир культуры. За это она пользовалась большим уважением в профессиональной музейной среде, являлась примером и настоящим авторитетом для многих музейных работников России...

– Не каждый человек может себе сознаться, что он не знает, как прийти в художественный музей, как переступить его порог, – всегда искренне сокрушалась Лариса Ивановна. – И надо сделать всё, чтобы изобразительное искусство перестало быть для зрителей чем-то элитарным, – мечтала она с открытым сердцем...

Журналистские «раскопки» Сергея Голишева

В мае 2007 года на 53-м году жизни от нас ушёл известный кузбасский журналист, главный редактор газеты города Мыски «Вариант» Сергей Александрович Голишев.

Ушёл в самом плодотворном возрасте, недолюбив, недомечтав, недописав... Болезнь была тяжёлой и длилась очень долго, но Сергей держался мужественно и никогда не жаловался. Он очень любил свою семью, друзей и свой город, мечтал сделать ещё много добрых и полезных дел, был полон творческих сил и планов и мог бы написать ещё не одну замечательную книгу...

***

Сергей родился в Мысках 7 июня 1954 года. Здесь окончил среднюю школу, и отсюда ушёл служить в пограничные войска, службу в которых завершил в звании старшины заставы. После армии трудился рабочим на Мысковском экспериментальном механическом заводе, был активистом и передовиком производства.

Переломным моментом в судьбе стал его приход в 1978 году в редакцию газеты города Мыски «Путь к победе» (впоследствии получила название «Вариант», позднее стала называться газетой «Мыски»). С первых же месяцев работы корреспондент Голишев проявил незаурядные творческие качества, его публикации вызвали живой отклик читателей. Журналистскую деятельность он совмещал с заочной учебой на историческом факультете Кемеровского государственного университета.

Благодаря деловым и организаторским способностям в мае 1985 года Сергея Голишева назначили редактором городской газеты. С тех пор и до последних дней он беспрерывно возглавлял коллектив редакции. Был руководителем умным, чутким, принципиальным, талантливым. Был настоящим товарищем, способным подставить своё плечо попавшему в беду.

Не только успевал выполнять свои прямые обязанности, но и продолжал писать в газету, часто это были публикации, в которых он боролся с недостатками, близко к сердцу принимая несправедливость.

Настоящей вершиной его творчества стала прекрасная краеведческая книга «Мыски. История. Судьбы. Современность», вышедшая в свет в год 50-летнего юбилея города. К великому сожалению, она стала и «лебединой песней» автора...

Сергей Александрович был членом Союза журналистов СССР и России, избирался секретарём городской организации Союза журналистов. Земляки избирали его в городское собрание депутатов Мысков (первого созыва 1997-1999 годов).

Голишев имел множество наград и поощрений, в их числе – областные медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За служение Кузбассу». За большой вклад в развитие журналистики он удостоен памятного знака Союза журналистов России «300 лет российской прессы» и других наград.

***

Сергей был простым и добросердечным в общении. Для друзей звался просто Серёгой, готовым прийти на помощь в любую минуту. В коллективе редакции его уважали за умение найти общий язык с любым сотрудником, за умение дать дельный совет по поводу подготовки публикации. Для читателей газеты дверь кабинета редактора всегда была открыта.

Как журналист, он любил основательно изучить тему или проблему, о которой собирался писать, «покопаться» в истории вопроса, как подчёркивал он сам. Это его «покопаться» распространялось и на другие аспекты его жизни. Не случайно, видимо, Сергей выбрал учёбу на историческом факультете Кемеровского государственного университета. А из всех предметов истфака отдавал предпочтение археологии – исторической дисциплине, которая, как известно, изучает прошлое человечества по вещественным источникам. Если совсем коротко: дисциплина включает в себя съёмки, раскопки и в конечном итоге анализ собранных данных, чтобы узнать больше о прошлом.

Во время учёбы Сергей Голишев обожал выезжать «в поле» – на археологические раскопки. В его личных дневниках и записках об этом его пристрастии рассказано

немало. Как журналист, он активно популяризировал эту тему, печатал в различных изданиях репортажи и зарисовки об археологах. Вот несколько выдержек из его дневниковых записей, опубликованных под заголовком «Свидание с прошлым» (газета «Кузбасс». – № 212 (18342) 13 сентября, 1984, – с. 4), – об одной из экспедиций, возглавляемой доцентом КемГУ Владимиром Васильевичем Бобровым, которая проходила в Тисульском районе, на берегах Тамбарского водохранилища:

«Каждый школьник, знает, к примеру, что Генрих Шлиман раскопал Трою, читал о сенсационных находках на острове Крит. Но, как ни странно, об археологии своего собственного края люди знают гораздо меньше. Так, некоторых искренне удивляет, что на территории нынешнего Кузбасса человек жил уже в эпоху палеолита...»

«Поселение бронзового века, которое нам предстоит копать, на глазах разрушается водой. А тут ещё бесконечные дожди, которые мешают на раскопках не меньше, чем на сенокосе...»

«Тисульский район богат археологическими памятниками самых разных эпох. В музее Кемеровского государственного университета можно увидеть множество интереснейших предметов материальной культуры прошлого – результат многолетних раскопок. Мы, конечно, тешим себя надеждой, что и наши находки обогатят коллекцию. Ведь предстоит копать многослойное поселение, материалы которого свидетельствуют о том, что люди жили здесь, начиная с эпохи неолита и кончая железным веком.

Но основной материал принадлежит к так называемой карасукской эпохе. Материал этой эпохи в Южной Сибири настолько выразителен, что некоторые исследователи сегодня склонны выделять её в отдельную археологическую культуру. Керамика, её формы и орнамент для разных археологических культур являются главным определителем, своеобразным индикатором, поскольку традиции в изготовлении глиняной посуды были очень устойчивыми...»

«Материал, кстати, можно было собирать и просто так, прямо под ногами. Для этого достаточно пройти по берегу в зоне размыва – и через полчаса набьёшь полные карманы кремнёвыми отщепами, фрагментами керамики, а если повезёт, найдёшь миниатюрный, тщательно обработанный кремнёвый наконечник стрелы. Благодаря этому «подъёмному» материалу поселение у посёлка Тамбар и стало достоянием науки...».

«Главная рабочая сила – студенты, прибывшие на археологическую практику. Эти ребята только что сдали экзамены за первый курс исторического факультета, поэтому посматривают на всех свысока. Теперь предстоит закрепить знания с помощью полевой археологической практики, с лопатой в руках...».

«Везёт пока только третьекурснице Татьяне Жуковой. Вот она бережно вынимает из земли великолепный костяной гребень для расчёсывания шерсти. Ему около трёх тысяч лет, а хоть сейчас применяй по назначению...»

«Было ещё много находок. Поскольку мы работали вместе с палеонтологами, приходилось тщательно собирать кости животных. Например, был найден совершенно уникальный бронзовый серп. Ничего подобного до сих пор не попадалось. Да и в литературе, кажется, такой тип орудий труда до сих пор не

описан. Любой археологический памятник по-своему интересен. Но по своей ценности они, конечно, неоднозначны. Поселение у посёлка Тамбар, несомненно, относится к высшему рангу. Достаточно сказать, что подобный памятник впервые встречен в этом районе...»

«Какой же народ в течение долгого периода жил здесь, на берегу речки Дудет? На эти вопросы будет дан ответ, но сейчас пока рано делать выводы. Вскрыта только часть поселения, и работы будут продолжаться. Кто знает, сколько ещё сюрпризов и загадок преподнесёт этот памятник...»

«Работа у археологов не из лёгких. Понадобились усилия полусотни человек, чтобы из многих кубометров земли отсеять по крупницам ценный материал. Но для каждого из пятидесяти студентов это была не просто работа, а близкое свидание с далёким прошлым своего родного края...»

***

В журналистике Сергей Голишев часто применяет тот же способ тщательного «раскапывания» интересных фактов, которые доносит до читателя, излагая их простым, доступным языком, «ограняет», если хотите, факты понятными любому читателю словами.

Доказательство и пример тому его книга «Мыски. История. Судьбы. Современность» (Новокузнецк: Полиграфиздат, 2006. – 282 с.: цв. ил.). Через неё Сергей Александрович донёс до нас множество любопытной и познавательной информации о своём родном городе и, главное, о его людях. Показателем серьёзности и основательности издания может служить то, что сегодня трудно встретить даже мало-мальски серьёзное исследование о Мысках и мысковчанах, которое не ссылалось бы на книгу С. А. Голишева. А библиотеки города уже более полутора десятков лет рекомендуют местным школьникам и краеведам изучать по этому изданию свою малую родину. При необходимости она служит и справочником, и путеводителем.

В ней можно найти познавательные ответы на многие вопросы. Например, обратитесь к этому изданию, если хотите подробнее узнать, какие культурные центры, учреждения есть в Мысках. На страницах одного из её разделов автор сообщает, что в городе «имеются 28 библиотек, в том числе детских... Есть ГДК, ГЦК; ДК имени Горького в Притомском, клубы «Комсомолец» в посёлке Ключевом и «Электрик» в Нагорном; Детская школа искусств № 3 на Томь-Усинской ГРЭС; ДК «Юбилейный» в посёлке Ключевом; ДДТ «Пёрышко»... Есть ДЮСШ по горным лыжам, тяжёлой атлетике, футболу и хоккею; музыкальная школа № 64; историко-этнографический музей; картинная галерея; бассейн на ГРЭС и ТОПАЗе...» И так далее.

Так же скрупулёзно «раскапывал» Сергей историю редакции своей газеты. «Чтобы знали, – особо подчёркивал он. – Чтобы помнили тех, кто работал в газете до нас». Откроем его статью «На договорной основе», опубликованную в книге «Журналистика Кузбасса: строки истории» (Кемерово: Книга, 2008. – 427 с.):

«Хранится в редакции фотокопия первого номера «Сталинского знамени». Газета выходила до 1954 года на двух полосах скромным тиражом, но пользовалась популярностью в маленьком районном посёлке Мыски.

Ветераны войны – мысковчане рассказывают, если к ним в окопы случайно попадал номер «Знамени», он зачитывался буквально до дыр.

Газета в военные и послевоенные годы набиралась и печаталась вручную. Была должность крутильщицы, которая с помощью одной человеческой силы приводила в движение колесо печатной машины с названием «американка»...

«Каждая строчка газеты – история района и города. Хотя стиль грешит шероховатостями, но в нём есть какой-то особенный «аромат» подлинности, который в наши дни утрачен...».

«С 1939 года в редакции хранятся главные документы – книги приказов. Туда тоже вписаны строки истории газеты.

Май 1941 года. В деревне Чувашка для редакции купили дом, и сторожа Шмакова откомандировали в бригаду по сплаву этого дома до Мысков. Охрана плота возложена на конюха Г. Парфенова...».

«11 сентября 1941-го – первый редактор газеты А. А. Лактюшин издал свой последний приказ: «С сего числа выбываю в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Исполнение обязанностей возлагаю на Недорезова...».

«Иван Яковлевич Арбачаков, будущий почётный гражданин города, возглавлял газету до декабря 1943 года и сотрудничал в ней внештатным корреспондентом до последнего дыхания. Вот один из его приказов от 25 августа 1942 года: «Освободить от работы техсекретаря-машинистку Шмаркину В. П. в связи с призывом в Красную Армию...».

«Старые страницы трогают, вызывают улыбку. «Для обслуживания личных нужд работников коллектива и использования на разъезды по делам типографии выделяю лошадь – кобылицу Галку и прикрепляю её к зав. типографией тов. Недорезову...».

«Редакция не могла объяснить читателям, почему в апреле 1963 года газету закрыли. Это была одна из хрущёвских реформ. Последний номер подписал и. о. редактора Игорь Омельницкий, талантливый журналист и очень яркая личность. Он же через два года практически на пустом месте и возродил новую газету «Путь к победе».

***

Память настойчиво «вытаскивает» из самых заветных уголков сознания лица, слова и улыбки моих ушедших коллег-товарищей. С Сергеем нас помимо деловых отношений связывала настоящая дружба, знакомы были и наши семьи.

Редактор газеты «Вариант» из Мысков Сергей Александрович Голишев стал одним из самых молодых редакторов своего времени. Это же самое могу сказать и о себе. Также, как и Сергея, меня назначили редактором городской газеты Прокопьевска «Шахтёрская правда» в том же мае 1985-го. С тех пор мы постоянно встречались на областных совещаниях прессы, на семинарах и межредакционных летучках.

А в конце «восьмидесятых» мы – два главных редактора городских газет – поступили на отделение журналистики в Новосибирскую высшую партшколу. Учились заочно, дважды в год, отрываясь от работы и семейной жизни, ездили на сессии, и всегда селились в один номер гостиницы.

Три года осваивали второе высшее образование. Учились с большим удовольствием, заново постигая гуманитарные науки, уже высвобождающиеся из-под партийного влияния, удивляясь смелому полёту мысли лекторов-преподавателей.

В свободное время говорили обо всём на свете. Серёга был очень начитанным человеком, интересным собеседником. Правда, много курил. Но это не мешало нашим беседам, хорошему настроению, смеху, шуткам и бесконечным дружеским «подколам». Мы были оптимистами, верили, что жизнь только-только начинает налаживаться...

И так печально порой, что тяжёлая болезнь рано забрала Сергея. Не стало сильного журналиста, который был безраздельно увлечён своей профессией и своей работой, отдав им себя без остатка.

Руслан Александрович Лынёв – профессионал высокого класса

Мы познакомились с Русланом Александровичем Лынёвым где-то в начале «нулевых». Помню, как ко мне в кабинет зашёл немолодой, симпатичный мужчина в довольно строгом костюме и представился: «Руслан Лынёв, заместитель главного редактора журнала «Российская Федерация сегодня». Приехал в командировку. Буду писать материал, поэтому нужна помощь», – безо всяких обиняков сообщил он.

Мне показалось неудобным называть явно старшего по возрасту нового знакомого только по имени, поэтому поинтересовался его отчеством.

– Александрович я. Но, можно просто – Руслан, тем более что родом-то я из Кемерова, – широко улыбался он. – Мы же, сибиряки, привыкли без лишнего политеса...

Я предложил гостю чай. Минут через пятнадцать мы уже вовсю общались, как ровесники, как давние знакомые. Вскоре он управился со всеми делами и уехал в Москву. После этого были только телефонные звонки, обмен новостями, взаимные просьбы и пожелания по работе.

Наш комитет по работе со СМИ администрации Кемеровской области, которым я руководил, всегда активно работал с федеральной прессой. А Руслан был не просто известным журналистом и публицистом, которого хорошо знали и коллеги,

и читатели не только в столице, но и во многих российских регионах. Он был человеком слова: если пообещал что-то – в лепёшку разобьётся, а слово сдержит...

***

Руслан родился 14 мая 1939 года. В его первом паспорте было записано: место рождения – Кемерово Новосибирской области. Здесь же в 1956 году окончил школу. Отслужил срочную армейскую службу в пограничных войсках. Работал на стройках Кузбасса, всерьёз говорил, что гордится своей первой профессией бетонщика.

Но больше всего его привлекало ремесло журналиста. У парня явно был репортёрский талант, который летом 1964 года оценили в приёмной комиссии журфака Уральского государственного университета. Принято считать, что репортёрскую практику студент Лынёв проходил в кемеровских изданиях. Но не только...

Вот что удалось разыскать об этом периоде его жизни в справочном издании «Редакция газеты «На смену!»: документальный энциклопедический лексикон (эскизы)» (Екатеринбург: [б. и.], 2020 – 250 с.): Руслан был внештатным корреспондентом этой популярной молодёжной газеты Свердловской области. Читаем, Руслан Лынёв «впервые упоминается 4 декабря 1964 года в приказе № 169 (редакции «На смену!») о командировании как внештатного корреспондента в Алапаевск на 4 дня с 7 декабря».

В вузе Руслан учился на «отлично», был Ленинским стипендиатом, активистом Клуба интернациональной дружбы УрГУ. Выпускал стенгазету. Кроме того, в летние каникулы командовал студенческим строительным отрядом.

Время учебной журналистской практики в 1965 году он проводил в Кемерове – в отделе строительства газеты «Кузбасс». И после окончания УрГУ в 1966 году его пригласили в главную газету Кемеровской области. Здесь высоко ценили быстрых, расторопных ребят, которые умели цепко и глубоко, а, главное, оперативно раскрыть любую тему. Руслан Лынёв оказался из таких.

Кузбасс образца 1960-х годов был регионом новостроек. Здесь активно развивали производство угля, металла, химии, электроэнергии, возводили новые предприятия. Журналисты областной газеты устраивали на важнейших стройках региона рабкоровские посты или организовывали выездную редакцию, которая выпускала на пусковом объекте периодическое приложение к основной газете. Приложение ласково окрестили «Кузбассёнком», который помогал строителям своими публикациями.

Руслан Лынёв продуктивно поработал в такой выездной редакции газеты «Кузбасс» на крупной региональной стройке, оперативно отписывая в очередной номер репортажи с места событий. Именно здесь он по-настоящему освоил все азы и тонкости профессии. Лынёв был тут одновременно автором и фотокором, редактором, корректором и распространителем.

«Убеждён, – отмечал впоследствии Руслан Александрович, – в исключительной значимости издания «Кузбассёнка», как организующего фактора, в предпусковой

период. Считаю этот пример достойным самой высокой похвалы и распространения на стройках будущего».

Какое-то время он трудился и в областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса». Его толковые и интересные заметки из «молодёжки» не раз перепечатывала на своих страницах славная центральная газета страны «Комсомольская правда». Поэтому, когда в «Комсомолке» встал вопрос о толковом кандидате на место собкора по Сибири, эту должность предложили Лынёву.

«В те годы мне казалось, что «Комсомолка» – единственная живая газета, – добрым словом вспоминал Руслан Александрович этот период. – Остальные, скорее, – лишь министерства по производству бумаги с буквами...».

Работа собственным корреспондентом большого издания увлекла его по-настоящему. Он постоянно ездил по регионам Сибири, как говорится, исследовал жизнь «изнутри». По заданию редакции радовал читателей глубокими аналитическими материалами, захватывающими очерками, искромётными репортажами. Трудился вдохновенно, с энтузиазмом.

Мне самому знаком этот увлекательный труд собкора. Я по сей день горжусь, например, тем, что в своё время несколько лет работал собственным корреспондентом газеты «Кузбасс» – по Прокопьевску, Киселёвску и Прокопьевскому району. «Закрывал» для редакции территорию-полумиллионник. Памятный, очень интересный период. Работа собкора, как шутили коллеги, это когда ты только проснулся утром в собственной квартире – и уже на работе...

«Собкорство» – удивительный период в жизни, наверное, любого журналиста. Каких только историй и приключений не случается с собкорами в многочисленных командировках. Об одном таком случае поведал коллега Лынёва журналист Виктор Дюнин:

«Как-то в конце 1960-х под Тюменью побывали с Лынёвым в цыганском таборе. Он прилетел в нефтеносную столицу собкором «Комсомольской правды» – горячее точки в стране не было... Пока я представлял его в Тюменском обкоме партии, в это время цыгане выкрали из его номера гостиницы подъёмные деньжата. Руслану пришлось в изодранном, как водится, цыганском шатре попеть, с цыганкой пройтись в танце, глотнуть спирта – деньги ему вернули с извинениями от барона».

Талантливый собкор Лынёва в редакции «Комсомолки» взяли на особую заметку. И когда газете понадобилась «свежая молодая кровь», выбор вновь остановился на нём. Ему предложили переехать в Москву, чтобы работать в московской редакции «Комсомольской правды», в её центральном аппарате. Он согласился и не пожалел.

Виктор Дюнин, говоря о Руслане Александровиче, подчёркивал: «Он относился к поколению шестидесятников, которые начинали в газете собкорами, приходя в неё из глубинки, «тяжеловозами» тянули проблемными статьями и показательными очерками про рабочие будни страны воз идеологической «обязаловки», умудряясь и из неё высечь искру талантливой назидательности и блестящего поучения...».

Столица страны раскрыла новые горизонты и возможности для талантливого сибиряка. Прошло немного времени и Руслана Александровича,

zareкомендовавшего себя серьёзным и вдумчивым газетчиком, пригласили обозревателем в солидную центральную газету «Социалистическая индустрия», редакционная структура которой повторяла отделы ЦК КПСС.

Здесь он трудился в отделах машиностроения, лёгкой промышленности, строительства. Руслан Лынёв во всех из них поработал добросовестно. Сказал как-то в шутку, что и дальше бы на «Индуську» трудился, да милиция перестала пропускать его велосипед через свои посты в комбинате «Правда», где размещалась редакция «Социалистической индустрии».

Московский журналист Юрий Козловский вспоминает: «С этим человеком мне посчастливилось проработать в одном отделе. Руслан Лынёв – уже тогда это было имя! Когда он пришёл обозревателем в «Социиндустрию», все мы, скажем так, «подтянулись».

Коллеги называли Лынёва «золотым пером». Его острые материалы читали и на «кухнях», и в рабочих коллективах, и в высоких кабинетах. Он смело вскрывал недостатки, разоблачал коррупцию, чванливость чиновников. Читатели его таланта вспоминают, как однажды в «Социиндустрии» Лынёв написал фельетон о деятельности первого замминистра Миннефтехимпрома В. Соболева. После публикации разразился настоящий скандал, Соболева сняли с работы. А Лынёву присудили... премию Союза журналистов за самую эффективную публикацию.

Он вообще не боялся «копать глубоко», писать критично, знал, если до деталей разобрался в той или иной проблеме, значит, правда будет на его стороне. Где бы он ни работал, везде пользовался неизменным уважением. Тот же Юрий Козловский рассказал:

– Незадолго до перехода в «Известия» написал он свой «Гараж», повеяв речь о нравах, царивших в гаражно-строительном кооперативе известных музыкантов, композиторов, актёров. «Гараж» вышел в «Социиндустрии», когда Руслан у нас уже не работал. Элитно-богемные герои с публикацией не согласились и подали на газету и автора в суд. Но... проиграли!

Позже Лынёв работал в Агентстве печати «Новости» (сегодня РИА «Новости»), «Литературной газете», «Советской России», сотрудничал с газетой «Правда». Особое место в его творческой биографии занимала газета «Известия», которая до августа 1991 года называлась «Известиями Советов народных депутатов СССР». В 1989-м Лынёва назначили редактором «известинского» отдела экономики, много лет был членом редколлегии этого федерального издания.

***

С развалом Советского Союза времена для газетчиков наступили тяжёлые. Коснулись они и центральных изданий, в том числе «старых великих «Известий», как величал газету Руслан Александрович, где он пережил с газетой самые сложные времена перехода на рыночные рельсы, пытаясь спасти от закрытия одно из старейших советских изданий тем, что писал и писал в неё блестящие материалы...

При этом Руслан был хорошим организатором. Все, кто с ним работал, отмечали его человеческие качества, за которые его ценили коллеги. Во все времена люди тянулись к нему. Это заметили и в самых «высоких» кабинетах.

Осенью 1993 года, после прихода к власти Б. Н. Ельцина, был разогнан Верховный Совет РСФСР. Вместо него у России появился новый парламент, которому потребовалось укрепить кадрами старейший парламентский журнал «Российская Федерация». На укрепление из «Известий» решили откомандировать Лынёва.

Учредителем журнала в то время было Правительство РФ. И вот распоряжением от 18 августа 1995 года № 1150-р «О главном редакторе журнала Правительства Российской Федерации «Российская Федерация», подписанным Председателем Правительства В. С. Черномырдиным, главным редактором журнала назначен Юрий Алексеевич Хренов, а его первым заместителем – Р. А. Лынёв.

«Видел, – писал в своих воспоминаниях Виктор Дюнин, – как он руководил. Журнальный народ без конца врывается к нему в кабинет, жаловался, просил, шумел, но уходил благоговейно на цыпочках – Лынёв прямо в шуме-гаме писал очерк в номер».

Что тут скажешь? Так может работать только профессионал высокого класса!

Номера журнала получались такими интересными и ершистыми, что в октябре 1997 года хитрый Анатолий Чубайс, который в то время находился в должности первого заместителя Председателя Правительства России, попытался закрыть журнал как «антиправительственный и антипрезидентский». Хотя в том же году руководство журнала, в том числе и Руслана Лынёва, удостоили государственных наград «за заслуги в области печати и многолетнюю работу в редакции журнала «Российская Федерация».

Главный редактор Ю. А. Хренов, тоже, кстати, «выходец» из «Известий», вместе со своим первым заместителем Р. А. Лынёвым и другими журналистами издания сумели обмануть изворотливого Чубайса и получить регистрационные документы фактически нового журнала – «Российская Федерация сегодня», учреждённого Федеральным Собранием РФ, который выходит и сейчас.

Редакционный курс изменившего название журнала остался прежним: народовластие, государственность, национальные интересы. Лынёв публикует материалы практически в каждом номере. Большинство его публикаций посвящены состоянию дел в экономике, критике либеральных реформ.

Он также много писал о российской истории, в частности, о советско-польских отношениях вокруг Катыни. Печатался в других изданиях, таких как газета «Завтра», журналы «Наш современник», «Уральский следопыт», в интернет-СМИ – «Русская народная линия», «Фонд стратегической культуры», «Столетие». Помимо публицистики писал и художественную прозу. Например, его рассказ «Год змеи» вошёл в антологию «Фантастика-90». Кстати, в этом солидном сборнике и братья Стругацкие публиковались...

В журнале «Российская Федерация сегодня» собрались «тяжеловесы» журналистики. Кроме «золотого пера» Руслана Лынёва, здесь трудились не менее «золотые перья» вроде Николая Ефимова, Александра Черняка, Вячеслава

Щепоткина, Петра Цветова, Александра Платошкина, Леонида Левицкого, Лидии Сычёвой. Поднимали самые серьёзные темы – разгул коррупции в стране, ошибки госуправления, роль парламента и прессы, офшоризация экономики, отчуждённость народа от власти.

«У нашего журнала по всем ключевым вопросам была независимая позиция – не пропагандистов, пиарщиков или депутатской обслуги, а людей государственных, переживающих за родину, за её будущее», – подчёркивала писатель Лидия Сычёва.

«В редакции работали яркие личности, – вспоминает она, – Вячеслав Румянцев, Артём Ермаков, Людмила Глазкова, Юлия Захватова, была задействована сильная соборовская сеть – Александр Щербаков (Красноярск), Жан Миндубаев (Ульяновск), Дмитрий Тихонов (Смоленск), Борис Вишневский (Санкт-Петербург), Василий Попок (Кемерово), Дмитрий Крылов (Вашингтон) и другие».

Коллективу удалось создать самобытное издание, посвящённое таким серьёзным проблемам, как госуправление и госстроительство. И это во времена, когда страна только-только начала возрождать свой утраченный идейный и культурный суверенитет! Потому были и у главного редактора Хренова, и у журнала могущественные враги.

***

В марте 2011 года главного редактора журнала Юрия Хренова сменил Александр Шаров. Верхнюю палату парламента России – Совет Федерации тогда возглавлял Сергей Миронов. Он в 2006 году уже пытался отстранить Ю. А. Хренова, но тогда коллективу удалось отстоять своего редактора. Теперь же его отправили на пенсию. Новый главред сразу же заявил о кардинальных реформах в коллективе, о том, что теперь в журнале вообще всё переменится, что эту задачу перед ним поставили учредители.

До этого Шаров работал начальником архивохранилища; в журнале «Военные знания», «Российской газете», «Парламентской газете» был обозревателем, редактором отделов, ответственным секретарём. Несколько лет состоял на госслужбе – являлся помощником Председателя СФ РФ, заместителем начальника управления пресс-службы Совета Федерации.

Его назначение на пост главного редактора и смена курса популярного журнала вызвали резонанс в СМИ. Очевидцы рассказывают, что наиболее острые материалы журналистов «РФ сегодня» полетели в корзину. Среди них, например, и статья о шахтёрах «На чьей стороне правительство в споре рабочих с олигархами», опубликованная впоследствии в другом издании. Начались увольнения сотрудинок.

Елизавета Александрова-Зорина в журнале «Журналистика и медиарынок» (№ 7-8, 2011) писала по этому поводу:

«Отныне редколлегии напоминали «мозговой штурм» отдела по продажам. «Критика губернатора N нам не нужна! – стучал кулаком по столу главред Александр Шаров. – Я у него буду деньги просить...»

В этой обстановке сотрудники и авторы «РФ сегодня» направили письмо учредителю журнала – Председателю Совета Федерации С. М. Миронову с просьбой немедленно отправить в отставку нового главного редактора. Сам А. Шаров наличие конфликта между ним и коллективом редакции отрицал.

Руслан Лынёв тоже не смог согласиться с новой редакционной политикой. Известному журналисту, привыкшему писать интересно и остро, откровенно излагать в материалах проблемы, претили запретительные требования. При этом он продолжал работать над новыми статьями, которые – отмечают коллеги – вне зависимости от величины он одинаково называл «заметками». Почти все из них главредом были «зарублены», хотя на первоначальном этапе все материалы Лынёва приняла редколлегия, а некоторые даже подписаны главредом «в печать», но затем отложены или отвергнуты под разными предлогами. (Отвергнутые статьи Лынёва в дальнейшем опубликовали такие серьёзные издания, как газета «Завтра» и журнал «Наш современник»).

Когда же он однажды пришёл в кабинет главреда, чтобы получить от него разъяснения, тот встал и демонстративно покинул своё рабочее место. Поговорить не получилось. И тогда Руслан Александрович написал главреду письмо. «С одной стороны, – писал он, – это ясный сигнал, что я в руководимом вами издании, – никто и ничто. С другой – столь же ясно показывало ваше отношение к делу, ваш уровень как редактора и что ещё хуже, как человека. За более чем полвека моей работы в журналистике, я ни с чем подобным не сталкивался и не мог предположить, что столкнусь. Но жизнь такова, что и на восьмом десятке лет приходится испытать много нового...»

Это открытое письмо главреду подчёркивало, что Лынёв привык сражаться с противниками как истинный «рыцарь пера» – с открытым забралом, не пытаясь завуалировать проблему в красивую обёртку заискивающих перед начальством слов: «Под вашим руководством в журнале сведены до нуля роль редколлегии, планирование, коллективное творчество в разработке важнейших тем и направлений, обсуждение готовящихся и вышедших номеров журнала, ничего не осталось от сайта...»

Борьба за сохранение высокого авторитета журнала между главредом и коллективом развернулась нешуточная. К сожалению, для Руслана Александровича она обернулась обширным инфарктом, с которым он в конце 2012 года попал в институт Склифосовского. А ведь он всегда следил за своим здоровьем, старался поддерживать себя в форме. В кабинете первого заместителя главного редактора журнала «Российская Федерация сегодня» силовой тренажёр стоял вовсе не для мебели. Любил Лынёв и велосипед, и лыжи. Его деятельную, энергичную, демократичную натуру сразила-таки номенклатурная «держимордость».

Во второй половине декабря его выписали из больницы. Предстояла ещё длительная реабилитация. Но Руслан Александрович, трудоголик по рождению, рвался поскорее выйти на работу, принялся писать очередные свои «заметки».

Лидия Сычёва в публикации «Памяти Руслана Лынёва» рассказывает: «9 января (2013 года) мне позвонили из редакции «Российской Федерации сегодня» и

сказали, что Руслан Лынев умер ещё 31 декабря, что они только что об этом узнали. Никто с ним с ним не попрощался. И в этом есть грустный символизм...»

Руслану Александровичу Лынёву было 73 года.

***

Лынёв, без сомнения, оставил след в памяти десятков верных друзей, в советской и российской журналистике. Оставил очерками, книгами, добрыми делами.

Руслан Александрович очень остро переживал трагедию страны, которая вырастила его, сына солдата, не вернувшегося с фронта Великой Отечественной войны, воспитала в нём ответственность за всё происходящее вокруг, сделала большим журналистом и человеком государственным.

«Бог щедро одарил его и физически, и духовно, – отмечал Виктор Дюнин. – И столь же щедро он отдавал этот свой дар людям. Именно люди, о чём бы ни писал Руслан Александрович, были в центре его публикаций. И острых аналитических статей о пагубности либеральных реформ – лихой приватизации 1990-х. И материалов в защиту нашего прошлого, наших достижений, чести и достоинства России, русских, россиян. Не забудутся его публикации о Великой Отечественной войне, лагерях смерти красноармейцев в Польше...».

Публицистические статьи Р. А. Лынёв публиковал в таких печатных и интернет-изданиях, как «Фонд стратегической культуры», «Столетие», «Русская народная линия», «Золотой лев» и других. Тематический круг его публикаций настолько разнообразен, что только диву даёшься глубине и многогранности его таланта. Об этом можно судить даже по названиям его «заметок». Приведу лишь некоторые из них.

«Пейзаж после битв. Ещё раз о «катынском деле». И не только о нём» («Молоко», 2005, № 6); «Страна под наркозом» (Правда.ру, 2009, 25 июня); «У кого учился Гитлер. Как западная демократия породила нацизм» («Столетие», 2011, 9 февраля); «Социальный мусоропровод вместо социального лифта» («Золотой лев», 2011, № 277-278); «Польские раны больше русских?» («Столетие», 2012, 17 апреля)...

Руслан Лынёв много размышлял над вопросом о судьбе русской цивилизации – явлении, признанном выдающимися отечественными и зарубежными мыслителями. Он владел словом так, что его мысли становились понятными и принимались читателем. К примеру, в статье «Уроки той смуты», опубликованной в электронном издании «Фонд стратегической культуры» (2012, 12 августа) он пишет:

«Из двух выдающихся юбилеев, выпадающих на 2012 год, – двухсотлетия победы над Наполеоном и четырёхсотлетия окончания смуты шестнадцатого-семнадцатого веков – предпочтение в СМИ отдаётся первому.

Автор данных заметок не ставит вопрос, какое из двух названных событий весомее в отечественной истории. Но видит в смуте четырёхвековой давности нет, не корни, конечно, а, скажем так, историческую пробу как победоносной войны с Наполеоном, так и других событий и процессов, вплоть до недавних и даже текущих.

Когда пришла оттепель и зашла речь о демократизации жизни? При Н. Хрущёве? Да что вы! Потребность общества в передышке возникла после смерти Ивана Грозного, завинтившего гайки до предела...»

Будто в сегодняшний день смотрел Руслан Александрович, говоря десять лет тому назад: «Ещё во времена Бориса Годунова несколько боярских детей, отправленных учиться в Европу, домой предпочли не возвращаться. В дальнейшем ни Смердяков Россию не жаловал, ни лакей Яша из «Вишнёвого сада», умолявший хозяйку забрать его в Париж. Список можно продолжить...» («Российская Федерация сегодня», 2012).

Руслан Лынёв ушёл из жизни, как настоящий журналист – работая над очередной статьёй. «Он не был «святым», – подчёркивает Лидия Сычёва. – Но каждый раз, отступая или оступаясь, он возвращался «на исходные позиции», поднимался, отвоёвывая утраченное. И честное своё имя – защитил. Когда у него не осталось других возможностей, он защитил его своей смертью...».

Владлен Анчишкин: «Прошлое всегда подёрнуто дымкой грусти...»

Закончив войну в звании капитана артиллерии, автор известного «Арктического романа» - о шахтёрах Заполярья – Владлен Анчишкин решил учиться на журналиста. Получив диплом, он затем несколько лет работал собственным корреспондентом центральной газеты «Комсомольская правда» по Кузбассу...

***

Владлен Анчишкин родился 29 марта 1924 года в городе Покровске (на тот момент город Гришино) Донецкой области Украинской ССР. В 1941 году окончил среднюю школу. Ему было всего 17 лет, когда 8 августа он добровольцем ушёл в армию. Призывался через Красноармейский военкомат Красноармейского района Сталинской области Украины.

Воевал на Украинском фронте – в 124-м миномётном полку, в 616-м гвардейском отдельном миномётном полку резерва Верховного Главнокомандования, входившем в состав 3-й гвардейской танковой армии. С боями прошёл всю Великую Отечественную войну. В феврале 1943 года был ранен.

Участвовал в освобождении от фашистских захватчиков Украины, Польши. Вместе с передовыми танковыми батальонами вошёл в Прагу, штурмовал Берлин.

За отвагу и мужество стал кавалером пяти боевых орденов, в том числе двух орденов Красной Звезды (1942, 1944), двух орденов Отечественной войны II степени (в апреле и августе 1944), ордена Александра Невского (1945); медалей

«За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Командир миномётной батареи Владлен Николаевич Анчишкин воевал с немцами смело, дерзко, умело. Об этом красноречиво говорят его награды. Его подвиги описаны по горячим следам в наградных документах того времени. Вот что удалось отыскать.

В сентябре 1943 года под его командованием 6-я батарея 2-го дивизиона 616-го отдельного миномётного Львовского полка в бою за высоту уничтожила до взвода противника, а также – пушку, бившую прямой наводкой по позициям наших войск, и танк. За решительные действия в этом бою Анчишкин был награждён орденом Красной Звезды.

В период боевых действий у станции Лычково в Новгородской области с 17 по 26 сентября 1942 года командир взвода управления батареи лейтенант Анчишкин с разведчиком и телефонистом корректировали огонь трёх наших батарей. Немцы засекли корректировщиков, товарищи Анчишкина были убиты. Он один продолжал выполнять поставленную задачу, его корректировки помогли подавить пулемётные точки противника. За это и за другие боевые успехи он в феврале 1944 года награждён орденом Отечественной войны II степени.

29 января 1945 года в бою в районе села Буковина противник силами до двух рот пехоты и двух танков перешёл в контратаку против наступавших частей нашей армии. Батарея Анчишкина выдвинулась вперёд и повела точный огонь по противнику, сорвав его атаку. В этом бою миномётчики уничтожили до взвода вражеских пехотинцев и несколько огневых точек гитлеровцев, обеспечили успешное продвижение наших бойцов вперёд. За мужество, инициативу и отвагу в этом бою Анчишкина наградили орденом Александра Невского.

В его книгах о войне написано о том, что он знал, видел и пережил сам. Вот строки из его произведения «Арктический роман»:

«Танковые батальоны рвались к Воронежу, к Дону. Взрывы, выстрелы, удары «болванок» в броню и мучительный холод. И последний, сотрясающий кости, толчок – огненные брызги, угар... А потом тяжёлый и мучительный выход из забытья, – рычание моторов и первая, раскраивающая душу мысль: «Неужели это последняя минута?!»

Словно бы не было тела, раскалывалась голова, перед глазами, как за стеклом, омываемым ливнем, – родной дом, «тридцатьчетвёрка». Окутанная перепуганными языками пламени и клубами смолисто-чёрного дыма, в какую-то из рядом стоящих секунд она должна взорваться: в ней полный боекомплект снарядов...

«Жить...» – он не хотел уходить.

«Жить!.. Жить!!!» – он не может уйти. Не может!!!

Залепленные грязью и снегом глаза заплывали слезами...»

После войны Анчишкин вышел в отставку в звании капитана. Поступил в высшее учебное заведение.

Получив профессию журналиста, несколько лет работал собственным корреспондентом центральной газеты «Комсомольская правда» по Кузбассу.

С удостоверением собкора «КП» Владлен Николаевич объехал немало сибирскихстроек, побывал в шахтах и на разрезах угольного Кузнецкого края, на строительстве Транссибирской магистрали.

Он не знал Сибири раньше, а, увидев и пожив здесь, влюбился в этот суровый край, в людей, которые здесь жили и работали.

«...Сколько поселений сошлось к берегам Оби – пить её голубовато-зелёную воду; сколько – к Транссибирской магистрали, пересекающей Обь, – слушать гудки пробегающих по ней поездов и мечтать о неведомых городах, землях. Он не видел раньше Сибири. Знал лишь – догадывался: на этом трансперекрёстке, видном, наверное, и с Луны, миллионы людей по утрам, ещё затемно, выкатываются из своих жилищ и отправляются в каждодневный путь по улицам и просёлкам – обгоняют друг друга, разминаются, – вечером возвращаются под свои крыши – до глубокой ночи идут, оставляя усталые следы-поскрёбыши на земле. Миллионы!», – однажды восторженно напишет Владлен Анчишкин.

Его репортажи и статьи о развитии экономики Кемеровской области, о появлении на карте послевоенного региона новых городов и производств, о социальной, культурной и спортивной жизни Кузбасса регулярно публиковались на страницах центральной газеты.

Основательно поработав в Кузбассе, набравшись журналистского и житейского опыта, он затем на два года уехал на Шпицберген, архипелаг, расположенный в Северном Ледовитом океане. Жил и работал среди людей необычной профессии – заполярных шахтёров.

Архипелаг принадлежит Норвегии, но хозяйственную деятельность на архипелаге помимо Норвегии, согласно особому статусу архипелага, осуществлял и СССР (теперь Россия), имевший на острове Западный Шпицберген населённые пункты – посёлки Баренцбург, Пирамида и Грумант, где велась добыча угля на самых северных шахтах мира.

Первое крупное произведение Владлена Николаевича «Арктический роман» – о шахтёрах Заполярья – было опубликовано в «Роман-газете» в 1969 году. Его сразу хорошо приняли и читатели, и критика.

«Книга, вместившая в себя лучшие образцы советского производственного романа, – напишут о нём. – При этом вся советскость этого романа состоит только в том, что действие происходит в совсем советские времена преимущественно на территории Груманта – советского посёлка на Шпицбергене, где расположены угольные шахты...»

А вот строки из более поздней рецензии: «...Понятное дело, что раз действие происходит в период существования Советского Союза (действие романа начинается в военные годы и заканчивается в конце 1950-х), то пару раз звучат зловещее слово «план» и не менее зловещая аббревиатура «ВЛКСМ». А в остальном всё развивается по законам обычного неплохого производственного романа. Неплохого потому, что помимо производства в романе имеются люди, которые это самое производство крутят и вертят на все лады. И, собственно, вся интрига как раз и состоит в отношениях между разными людьми по самым разным поводам.

Тут и чисто производственные конфликты, и война личных амбиций, и соперничество старого и нового стилей управления, и просто соперничество между старым закалённым матёрым Директором и новыми поколениями Управленцев и Инженеров. И не без любовных треугольников, а кроме того, как водится, непременно борьба Добра со Злом, но только не в высокопарном смысле, а вполне в земном – есть сволочи и негодяи, и есть простые нормальные люди, вот и стучаются друг об дружку, высекая искры...»

Герои «Арктического романа» – люди разных судеб и поколений. Например, начальник Грумантского рудника Батурин начал свой трудовой путь после Гражданской войны, Инженер – после Великой Отечественной, а юный Владимир Афанасьев только вступает в самостоятельную жизнь. В «треугольнике» этих персонажей писатель решает основную проблему своего произведения – о месте человека в обществе и государстве. В романе немало образов инженеров, техников, рядовых шахтёров.

«Арктический роман» В. Н. Анчишкина много раз переиздавался, переводился на разные языки народов нашей страны.

Ещё одним произведением автора стал роман «Встречный бой» (1980) – о войне, о непростой военной судьбе однополчанина, солдата-артиллериста.

Также им написаны рассказы, пьесы, сделаны переводы произведений других авторов на русский язык. Многие его работы публиковались в газетах, журналах и альманахах СССР.

Владлен Николаевич Анчишкин ушёл из жизни 8 апреля 2003 года, на 80-м году жизни. Похоронен в Москве.

Думаю, что его книгам уготована долгая судьба. Потому что это – настолько жизненные произведения, насколько это вообще возможно в литературе. И не только те, кто жил в то время, а почти любой вдумчивый читатель ощутит через них и жестокую сложность жизни, и её мощь, перемалывающую характеры и судьбы. «Да, всё другое – идеалы, образцы для подражания – всё, не как в наше время. Так тем и интересно!», – подмечает вдумчивый читатель.

«Прошлое всегда подёрнуто дымкой грусти, прошлое всегда похоже на песнь», – уверен сам писатель и журналист Владлен Николаевич Анчишкин.

Глава 2.

От Прокопьевска до Парижа

Раиса Данилова: «Какая же была умница, что так решительно кинулась в неизведанное – в журналистику!»

О ней когда-то написали: «У всех журналистов судьба складывается по-разному. Одни всю жизнь пишут в газете, другие душой прикипают к радио или телевидению, третьи уходят работать в пресс-службы. Или совсем уходят в другие сферы деятельности.

Председатель Юргинской городской журналистской организации Раиса Никаноровна Данилова не расстаётся с журналистикой всю жизнь. И опыт у неё огромный – работала в местной прессе и при этом постоянно писала для областной, трудилась на телевидении, была пресс-секретарём главы города Юрги...»

О таких профессионалах журналистского цеха говорят: «Универсал!» Она в этой сфере, действительно, умеет всё. И если современные средства массовой информации позволено будет сравнить с оркестром, Раиса Никаноровна одинаково хорошо сыграет на любом из «инструментов» СМИ, будь то теле-, радио, традиционная газета или интернет-портал.

***

Она родилась 23 августа в деревне Левашовка Ижморского района Кемеровской области. Окончила школу № 1 в Юрге. Получила диплом Кемеровского государственного института культуры.

Свои первые статьи она начала публиковать в 1980-е. Если быть точнее, журналистика стала её жизнью с 29 марта 1984 года. А до этого выпускница Кемеровского училища культуры и КемГИКа работала по распределению в отделе культуры райисполкома Юргинского района.

Молодому методисту-организатору Рае Даниловой поручали сочинять сценарии для районных торжеств, вечеров районного масштаба и прочих значимых мероприятий. И как-то само собой повелось, что она же готовила потом в газету заметки и статьи – отчёты о прошедшем культурном событии. Их публиковали, а автору нравилось видеть своё имя на газетной полосе.

В те годы на всю Юргу и Юргинский район выходила одна общая газета. Её выписывали тысячи юргинцев. Так что «культурные пассажи» нашей героини читали и в селе, и в городе. За это нештатного автора в редакции со временем оценили. А тут областные власти решили устроить в юргинской журналистике небольшую «революцию»: району дать свою отдельную газету, городу – свой печатный орган... Во вновь организованных редакциях возник кадровый голод. К этому времени Данилова уже несколько лет отработала в райотделе культуры. Работала бы себе и дальше, но знающие люди считают, что этого ей стало мало.

– Шесть лет я регулярно писала статьи в газету о работе учреждений культуры района, – вспоминает она сама. – Честно признаюсь: писать в газету понравилось. Эта сторона моей работы в сфере культуры и стала определяющей в дальнейшей судьбе. Меня пригласили работать во вновь созданную районную газету «Знамя Октября». Сначала испугалась! Но было очень заманчиво круто изменить свою жизнь. Сейчас думаю, какая же была умница, что так решительно кинулась в неизведанное – в журналистику!

Кто работал в «районке», знает, как без конца и края мотаются её корреспонденты по деревням, колхозам и совхозам. Вот и наша Рая, как говорится, не вылезала из таких поездок, которые и командировками-то назвать трудно: утром – в поле, к вечеру уже сидишь в редакции, отписываешься. Раиса – человек общительный, открытый. В деревне это ценят. Поэтому она легко знакомилась с селянами, а они делились с ней своими заботами и радостями.

Смотришь, вышла в газете критическая статья Даниловой – и поднятую в ней проблему людскую начинают решать, значит, улучшать жизнь деревенскую. Намотали селяне на ус: поверили в силу её публикаций, стали писать молодой журналистке письма с жалобами. И, действительно, получали помощь! У корреспондента рос авторитет, у газеты – тираж.

А тут «генсек» СССР Михаил Горбачёв провозгласил перестройку. Это слово вместе с именем её автора в середине 80-х не сходило с экранов и газетных полос. Жить по-старому, сказал он, больше нельзя, надо жить по-новому. У многих тогда загорелись глаза. Особенно – у журналистов. Да что там греха таить, я и сам поверил Михаилу Сергеевичу, радовался: вот теперь заживём!

– Перестройка... – размышляет теперь, спустя почти три с половиной десятка лет, Раиса Никаноровна. – Сейчас-то я знаю, насколько глубоко она «перестроила» жизнь огромной страны – СССР. Да так, что и самой этой страны – нашей гордости – не стало. А в конце 1980-х годов мы, молодые журналисты Юргинской районной газеты «Знамя Октября», трудились с упоением, окрылённые свободой. Бились в словесных баталиях с журналистами-старожилами, которые всю жизнь проработали в условиях тотальных запретов и не верили, что эти запреты рухнули. А мы поверили... И с «шашками наголо» обрушились на все недостатки, о которых раньше писать не давали.

Когда началась перестройка, даже здесь, в глубокой провинции, в журналистских кругах мы достаточно быстро и чётко уловили, что времена меняются. Если раньше нужно было недоговаривать, умалчивать, а кое-что и вовсе игнорировать, то в середине восьмидесятых рассказывать можно было уже обо всём. Это выливалось в очень интересные публикации.

Мы критиковали тех, кто раньше был вне критики. И делали это не оголтело, а с доказательной фактурой, чтобы не проиграть своей битвы. Свобода слова вдруг была обретена на деле. И голова шла кругом от удовольствия работать, руководствуясь только идеалами. Был принят Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», и во всей нашей работе мы опирались на его нормы. И не было иных авторитетов!

Юргинская районная газета выходила 4 раза в неделю. В те годы, действительно, не было семьи или районной организации, учреждения или сельхозпредприятия, где бы «Знамя Октября» не выписывали. Журналисты очень гордились этим, старались не обмануть ожиданий читателей, публикуя на газетных страницах самое острое, самое востребованное «чтиво»!

Данилова стала заведующей отделом культуры и писем, позже – заместителем главного редактора. Каждое письмо, каждое обращение жителей за помощью к газете тщательно проверяла. Выезжала на место, разбиралась, вникала в тонкости проблемы. Искренне требовала с газетной полосы от районного руководства искоренить ту или иную проблему в интересах людей.

«Мы допекали начальников до тех пор, пока жалобы селян не решались. Нас уважали и опасались острого языка публикаций. Никто не хотел попасть в список отпетых бюрократов», – вспоминает она.

В редакции работал такой дружный коллектив, что общими идеями и заботами газеты жили даже редакционные водители. Они вместе с журналистами нередко работали почти сутками. Чего стоили, например, вечерние рейды редакции, чтобы увидеть, как работают Дома культуры и клубы, что они предлагают селянам. Никто не роптал, хотя раньше 23 часов вечера домой из таких походов по ночным деревням не возвращались.

Раиса до сих пор считает, что судьба распорядилась правильно: в «районке» она получила такой опыт, которого нигде, кроме как в общении с селянами, получить нельзя: «Деревенский народ – работающий, открытый, жалостливый, доверчивый...»

Всегда с теплотой она говорит о тех, с кем плечо в плечо трудилась в «Знамени Октября». Среди них фотокорреспондент Юрий Панов, фоторепортажи которого с нетерпением ждали читатели.

– Его фотокамера очень любила людей, – уверена Раиса Данилова. – Доярки, телятницы, трактористы у него выглядели как звезды кино. Красота в лицах, глазах – всё подмечал талантливый фотожурналист.

Причём, репортаж о человеке он начинал снимать с утра: дома, в семье, потом, сопровождая героя репортажа, – на работе. Такой фоторепортаж начинался на первой полосе газетного номера и заканчивался на четвёртой.

– Казалось бы, много фотографий передовика... но они все такие разные. Люди видели его в газете не с выпученными глазами на «официальном» портрете – он выглядел трогательным, стеснительным, живым. И всё это благодаря таланту незабвенного Юрия Парфентьевича Панова...

Перестройка для многих журналистов стала временем абсолютной свободы. Данилова считает, что в те годы ей посчастливилось на все сто процентов реализовать свои профессиональные возможности. Жизнь бурлила, многое менялось на глазах, в том числе, менялись взаимоотношения власти, прессы и общества. Не буду утверждать, что власть перестала давить на СМИ. Продолжала, да ещё как! Но и пресса уже научалась огрызаться, выдерживать свою линию.

Да и люди требовали правды и объективности. К началу 90-х годов советский народ верил журналистам. Об этом говорят соцопросы тех дней: прессу уважали, к ней шли за помощью и, если надо, ей помогали во всём разобраться, открыто предоставляя ещё недавно закрытую информацию.

– У нас была твёрдая уверенность, что журналист – помощник общества, – подчёркивает Раиса Данилова. – Абсолютная! Я, например, была убеждена, что всё делаю правильно – так, как будет лучше для конкретного человека, для общества в целом.

Имя журналистки Раисы Даниловой зазвучало не только в районе. Коллеги из Кемерово обратили внимание на её публикации. Вскоре областная газета «Кузбасс» пригласила её к себе в редакцию. А уж там-то настоящие «зубры» работали – не чета другим! Есть у кого и чему поучиться.

– В начале 90-х меня ждал поворот в судьбе, – признаётся она. – Поскольку я довольно часто публиковалась в областной газете, то однажды мне поступило головокружительное предложение. В 1991 году стала собственным корреспондентом областной массовой газеты «Кузбасс». В моём «подчинении» оказались четыре больших территории: Юрга и Тайга, Юргинский и Яшкинский районы. А тираж-то у главной газеты угольного региона был 300 тысяч экземпляров! От ответственности перед огромным количеством читателей просто дух захватывало...

Работа «на область» была для Раисы Даниловой интересной, как праздник. В редакции «Кузбасса» в те годы царил атмосфера творчества, постоянного поиска и «узких» мест региона, и хороших новостей о событиях, о людях... У нашей героини

глаза горели от желания найти самую интересную, самую недостижимую информацию и передать её читателям. Её профессиональный рост продолжался. Перед прессой стояли очень непростые задачи. В 90-е годы шёл активный передел собственности, локальные революции происходили на уровне предприятий, колхозов и совхозов. В клубах, в актовом залах и красных уголках часами продолжались жаркие собрания, где шли несмолкаемые споры о том, как жить дальше... Доходило и до рукоприкладства. Иной раз и журналисту в таком месте было опасно находиться. Но наша героиня трудностей не боялась – знала, на что шла.

Однажды весь день до вечера пробыла на сельском собрании в деревне Лебяжье-Асаново. Перемерзла – в Доме культуры было холодно, но уйти не могла, надо было узнать, чем дело кончится. Потом оперативно написала целую полосу в «Кузбасс» под заголовком «Поднятая целина 95-го года». И... слегла на месяц в больницу с простудой.

***

Но не всё в 90-е годы было плохо. Да, экономика СССР и уровень жизни людей пошли прахом, зато новые СМИ в стране и нашем регионе появлялись, как грибы после дождя. Особый интерес вызывали новые каналы телевидения.

Ведь ещё недавно все телезрители смотрели только два центральных канала «плюс» областное ТВ. В девяностые же, наверное, не осталось города или района, где не мечтали бы создать своё местное телевидение. Эта тенденция не обошла и Юргу. В самом начале этого безысходного, казалось бы, десятилетия, в Юрге родилось первое городское телевидение. И Раису Никаноровну пригласили на юргинский «10-й канал». Это произошло в 1992-м. Она согласилась и не прогадала. Красивая и обаятельная, умеющая задавать точные вопросы и каждого расположить к себе, – такой увидели её зрители с экрана.

Любое событие в Юрге и её окрестностях отражалось репортажами в ежедневной информационной программе «Факт». Их делали Раиса Данилова, Лилия Исмаилова, Ирина Воржева, Ольга Сухий, Марат Хасанов. Этот коллектив журналистов работал в ЮТВ до конца 1990-х.

– Команда энтузиастов-телевизионщиков первого Юргинского телевидения дневала и ночевала на работе, – смеётся Данилова, вспоминая. – Во-первых, всё необычно и неизведанно. Во-вторых, хотелось объять необъятное. Теленовости всюду строятся на одном принципе: сегодня – сейчас! Снято, значит, было, и нужно рассказать, об этом именно в день сегодняшней. И мы дерзали! Осваивалась «целина», на которой появлялись материалы «с пылу с жару» – смелые, абсолютно правдивые.

Мы знали, ЧТО народ хочет знать. И, не оглядываясь на авторитеты, безбоязненно выдавали в эфире ответы на любые вопросы. С городской властью и ссорились, и вступали в диалог, но всегда отстаивали право говорить людям правду. Конфликты были постоянными, но мы – тележурналисты, не были экстремистами, мы просто

делали своё дело. Для нас не было персон нон-грата. Если надо, выдавали в эфир мнение любого персонажа.

Между прочим, немало юргинских телевизионщиков того времени заработали себе в Юрге имя и «сделали ручкой», исчезли из города, уехали в другие города и веси. Данилова осталась верна малой родине. «Звёздная» болезнь на неё не подействовала.

Интересно, что из всех юргинских журналистов, попавших «в телевизор» в начале девяностых, наибольшую народную любовь снискала именно Раиса Данилова. Собственно, полюбить тогда было за что, утверждает автор одной из публикаций о Даниловой, потому что «проблемы в провинции не переведутся никогда, а сюжеты на социальную проблематику стали для Раисы Никаноровны своего рода визитной карточкой. И, конечно, телезрители уважали её за авторские программы, спектр которых и сейчас кажется насыщенным – от паранормальщины до пространных диалогов с известными и интересными в городе людьми».

Между тем, дела и в городе, и в области к середине 1990-х складывались совсем плохо. Угольная отрасль Кузбасса находилась в ступоре: закрывали и ликвидировали десятки шахт, а людей увольняли, отправляли на улицу. Начал останавливаться и Юргинский машиностроительный завод – градообразующее предприятие, на котором работали 23 тысячи из 90 тысяч жителей Юрги. Люди стали бороться за свои права, пошли забастовки, голодовки, пикеты. Данилова считала своим долгом снимать всё это и, не скрывая, правдиво показывать в эфире. Власти же заявляли, что такая позиция – чуть ли не экстремизм, который подливает масла в огонь народной борьбы. Но Раиса не боялась ярлыков и своим профессиональным примером увлекала других коллег.

– Мы «просачивались» всюду, – описывает она эти тревожные дни и месяцы. – Обязательно шли туда, куда нас не пускали: на забастовки, голодовки, митинги, собрания. На заседания забастовочных комитетов ходили, будто мы их постоянные члены. Были своими в рядах тысяч бастующих заводчан машзавода, учителей, медработников.

Однажды меня и оператора Алексея Гаевского заводская охрана не пустила на митинг, который проходил на территории Юрмаша. Так мы влезли на подоконник и снимали, как могли. Митингующие увидели нас и поставили условия: немедленно пропустить к ним журналистов. И пока мы с видеооператором не появились на территории, требование не снималось, и митинг не начинался. Сотни заводчан терпеливо ждали нас на морозе...

Вот как! Народ требовал пропустить Раису Данилову!

Вспоминает юргинская писательница, журналист Людмила Платонова: «Рабочие города вообще возлагали надежды на городское телевидение. В то время энергетики ТЭЦ объявили длительную голодовку. «Журналуг» к ним тоже не пропускали. Но выход был найден – Раиса с оператором подъехали к дальней 6-й проходной, и забастовщики сами подошли к ним – измождённые, усталые, но не сдающиеся».

А жизнь становилась всё более голодной и бесперспективной. От полной «безнадёги» машиностроители однажды перекрыли Транссибирскую

железнодорожную магистраль. Встали поезда, бегущие с запада на восток и с востока на запад страны. Началась эпоха «рельсовых войн». Именно заводчане Юрмаша первыми прибегли к такой отчаянной форме борьбы за свой завод, за свои семьи, за жизнь. Их поддержали шахтёры юга Кузбасса, у которых тоже не оказалось иного способа заставить Москву обратить внимание на их проблемы, чтобы начать всерьёз решать их.

– Во времена «рельсовой войны» мы, журналисты, находились на рельсах день и ночь, – рассказывает Раиса Никаноровна. – Пикеты заводчан были под пристальным вниманием десятков вооружённых представителей силовых структур. В городе за своих забастовщиков боялись семьи. Мы решили найти способ, чтобы в любое время суток ставить репортажи в эфир. О прямых эфирах мы тогда не только не мечтали, но даже и не слышали. И тут нам помогла компания «Юргателеком». Благодаря ей начали транслировать наши репортажи с «рельсов» в любое время вечера или ночи. Мы снимали с Виктором Зориным пикетчиков ночью, потом сразу же мчались в студию, чтобы выдать в эфир: семьи должны знать, как там их кормильцы.

А на Транссибе всю ночь горели костры, кое-где пекли картошку. Кстати, журналистов также кормили той картошкой, чтобы они не уезжали, продолжали работать. Эфир в Юрге был и в час, и в два часа ночи. Потом их сюжеты показывало и областное телевидение в новостной программе «Пuls».

Рабочие вообще возлагали на ЮТВ большие надежды, надеялись, что с помощью телевидения власть узнает об их нуждах, услышит их требования. Доверие тысяч людей обязывало журналистов работать с полной отдачей, на пределе профессиональных возможностей. Информационная телепрограмма «Факт» всегда была наполнена максимально честными сюжетами.

– У меня не было никаких сомнений, – подчёркивает Раиса Данилова, – напротив, складывалось ощущение, убеждённости в том, что журналист – помощник общества. Была уверенность, что я всё делаю правильно. Было особая гордость: мы, журналисты, необходимы людям...»

Кто их только не вызывал на «ковёр»! Кто только не приезжал в студию «кровь журналистам сворачивать»! Они не отступали ни на йоту от «выбранной генеральной линии». И люди были им благодарны за это. Бывало, и защищали «свою» прессу.

Однажды на Транссиб к пикетчикам приехал очередной генерал. Началась перепалка, заводчане хмурые и никому не верящие, отстаивали свои требования – генерал гнул свою линию. Данилова с оператором металась внутри этого круга, успевая «схватывать на камеру и микрофон» всё, что говорили обе стороны. Тут пикетчики заметили пристальное внимание к съёмочной группе ЮТВ человека в штатском и тоже с видеокамерой. Рабочие решительно оттёрли его, встав стеной между ним и местными телевизионщиками: «Они нас защищали! Разве можно было обмануть такое доверие?!»

***

Работа на ЮТВ, считает Раиса, стала для неё «золотым временем». Когда она вспоминает и рассказывает об этом, её глаза загораются особым светом. Поэтому ей веришь. А историй всяких, мыслимых и немыслимых, об этом периоде у неё набирается немало. Когда не только должностью рисковала, и здоровьем – тоже. Вот, например, ещё один эпизод.

Юргу трудно представить без Юргинского военного гарнизона с боевыми бригадами, стрельбищами и учениями. Гарнизон связан с городом сотнями разных видимых и невидимых нитей. Пришлось и тут ЮТВшникам выдерживать нешуточные «войны». Тем более, что военные – люди суровые, при оружии...

1994 год. По городу поползли слухи, что мотострелковая бригада из Юргинского гарнизона уходит в Чечню. Начальство об этом молчало. Почему? Ведь это уже стало «секретом Полишинеля». Журналисты ЮТВ решили всё выяснить, чтобы успокоить горожан, сказав им правду. Снимать сюжет отправились Раиса Данилова с оператором Светланой Лукьяновой. Приехали на место на старенькой редакционной «Волге», скромно припарковались неподалёку от ворот гарнизона. Ждут – должны приехать большие военные чины.

Действительно, через некоторое время кавалькада чёрных «Волг» подлетела к воротам. Две молодые женщины, выскочив из машины, начали съёмку с того момента, как машины стремительно влетали в распахнутые створки ворот. Светлана снимает, а Раиса на их фоне ведёт стендап: наговаривает на камеру то, что происходит у неё за спиной.

– Минуты три прошло, не успела я закончить репортаж, как из ворот выскочили вооружённые солдаты с автоматами, офицер с пистолетом – и к нам! – усмехается наша героиня. – Мы – к машине. Не добежали. Началась «битва»: бойцы получили команду отобрать видеокамеру. Мы готовы были стоять за камеру насмерть. Ведь тогда нельзя было просто так купить профессиональную видеотехнику, её с трудом приобрели аж через Москву. Солдатики тянули камеру к себе, а мы её не выпускали. Так и мотались две девушки вместе с камерой туда-сюда. В кутерьме как-то изловчились, юркнули в машину, водитель Алексей Ашанин, тут же заблокировал все двери.

Но что для военных такая баррикада! Они окружили «вражеских лазутчиков». Офицер стал грозно требовать видеокассету с кадрами. Дула автоматов и пистолета нацелены прямо в окна. Оператор сумела незаметно вытащить кассету из камеры, и Рая спрятала её за пазухой. Офицеру они отдали другую – с записями передачи «Песня в подарок», которую надо было завезти на трансляцию в эфир.

Данилову вынудили выйти из машины и повели под конвоем в отдел контрразведки! Два офицера более двух часов вели перекрёстный допрос, а потом её доставили к генералу, и тот грозно её отчитывал. Часа через три кое-как отпустили. Хорошо, что водитель с оператором не уехали, ждали у ворот гарнизона. Они едва успели вернуться в студию к самому началу выпуска городских новостей:

– Я на одном дыхании, не сводя глаз с телекамеры, рассказала о том, что произошло. Сюжет тут же вышел в эфир! А на меня напала нервная дрожь: отпустило напряжение, в котором провела половину рабочего дня в окружении

вооружённых мужиков в форме. Что ж, каждый из нас делал свою работу... Я это понимала. Сюжет вышел-таки.

А сколько же потом было лиха – от властей, специальных служб и прочих генералов. Но это были девяностые годы, когда в стране многое изменилось. Раиса Никаноровна это проверила на своей шкуре, не в обиду будь сказано. Впрочем, она с удовольствием училась и у коллег, при случае перенимала передовой опыт.

Лично я не припомню ни одного, пожалуй, семинара или крупного собрания журналистов в конце 1990-х – начале 2000-х, чтобы обходилось без её участия. Кроме того, ей помогали и встречи с мэтрами центрального ТВ. Однажды она долго беседовала с телевизионным академиком и ведущим Владимиром Познером. Они встретились в Новосибирске (там проходил финал конкурса ТЭФИ-регион). Интересовалась, как сделать авторскую передачу о политике в масштабах небольшого города. Он много и охотно советовал, рассказывал. Настойчиво убеждал: надо ставить камеру, включать и писать всё подряд. А потом, «порезав» запись и разбавив её ремарками, выдавать в эфир.

Вооружившись его рекомендациями, она стала выпускать на ЮТВ авторскую программу «Власть». Такую острую и интересную, что её зрительский рейтинг был очень высок. Героями экрана в ней стали представители всех ветвей городской власти. Тогда в Юрге был очень колоритный городской Совет: состоял из депутатов с людьми совершенно разными, практически, полярными взглядами. Они постоянно объединялись в разные коалиции – их за глаза называли «хунтами», – и дебатировали, дискутировали... Всё это транслировалось по местному ТВ. В общем, та ещё была передача! Дошло до того, что председатель Юргинского горсовета обвинил Раису ни много ни мало в самороспуске горсовета.

Выходит, рекомендации мастера очень пригодились несмотря на то, что пришёл день, когда она покинула ЮТВ. Кажется, это случилось в 1999 году...

Она так объяснила свой поступок в интервью одному ершистому юргинскому блогеру, назовём его Дмитрий Ш.:

«Мой уход с телевидения был связан с рядом сложившихся воедино обстоятельств – и разочарование, и усталость, и нездоровье... К тому же продолжать носиться по городу за новостями в достаточно зрелом уже возрасте – этот момент тоже немаловажен...»

Вот-вот! Накопившаяся усталость... Но только ли в ней дело? Лихие 90-е завершались, в стране начали появляться первые признаки стабильности. Пусть пока – слабые, но, всё-таки... А вот у свободы для СМИ, по её мнению, начали возникать серьёзные препятствия:

– Не обо всём уже можно было рассказать зрителю, многое нам не удавалось снять. ЮТВ долго не сдавалось. Коллектив стоял сплочённой стеной против системы запретов и угроз. Наступило разочарование не в профессии, а в обстоятельствах, которыми пытались загнать профессию в угол. Изобретались разные способы давления на СМИ, угроза закрытия и прочее. Гражданская активность общества тоже упала, люди становились аполитичнее, пассивнее. И наступило то, что наступило.

Такая журналистика для Раисы Даниловой перестала быть полноценной:

– После того, как нам довелось говорить и писать, что мы хотели и думали, за что нас, бывало, немилосердно ругали, прижимали, на порог не пускали, чувство исполненного долга было стопроцентным. Мне стало жаль новое поколение журналистов...

И она решила сменить свой имидж. Кто-то из местных решил: начала искать тёплое местечко, где можно спокойно встретить пенсию, некоторые забеспокоились: уедет, мол, скоро из Юрги. Так говорили те, кто не знал Данилову. Как же, будет она сидеть спокойно! И ехать никуда не собирается!

Когда ей поступило предложение от главы города Павла Венадьевича Ширшова возглавить пресс-службу горадминистрации, она согласилась:

– Хотя никогда об этом не помышляла. Уже прошёл конкурс на вакансию пресс-секретаря, приходили люди, оставляли свои резюме... Мне один раз предложили, второй... На третий я подумала – а почему бы и не попробовать? Ни о какой теплоте и сытости речи даже не было. Главе я симпатизировала. Интеллигентный, разумный человек, с которым, как показалось, будет интересно поработать.

***

Всё равно, подумала она, «свобода слова» становится эфемерной. А тут, во власти, будет много информации, которую город не слышит, вот и буду доносить её до народа через все городские СМИ. Наверняка, и Ширшов, зная её стиль и страсть к сюжетам социальной проблематики, просто подстраховался. И вряд ли главе города хотелось видеть, как журналистка в авторской передаче «Власть» талантливо критикует деятельность его администрации. Он так и сказал ей: «Тебя лучше иметь в друзьях».

Но это всё – тонкости закулисья. О них можно рассуждать бесконечно. Поэтому, не буду тратить на это время. А вот о профессии пресс-секретаря поразмышляю. Так как знаю её изнутри: много лет сам занимался пресс-секретарским делом: с конца 80-х – в Кемеровском обкоме КПСС, потом – в первом созыве Законодательного Собрания Кемеровской области, в федеральном Министерстве по делам СНГ, в администрации Кемеровской области...

Работа в должности пресс-секретаря – интересная, насыщенная, но, как правило, – на износ. Обычно в этом занятии нет выходных, а часто – и отпусков. Рабочий день – не нормирован. Ты должен постоянно быть на связи с шефом, поэтому, даже когда уединяешься в туалетной комнате, телефон желательно иметь при себе. И на ночь телефонную трубку кладёшь под подушку: мало ли что. Могут поднять в ночь-полночь, потому что случилось ЧП, авария, и надо срочно бежать или ехать и рассказывать прессе, а, значит, населению, есть ли пострадавшие, как устраняются последствия... А ещё – нельзя пропустить ни одного мало-мальски значимого местного события, добиться, чтобы его обязательно осветили в прессе... А ещё – ежедневно надо отсидеть на десятке совещаний, и не просто отсидеть, а написать о каждой информации для СМИ, доходчиво для журналистов изложив самую суть. А ещё постоянно растолковывать гражданам и СМИ принятые властью законы,

решения и меры в интересах населения, которые иногда сами-то чиновники не понимают. Ещё – следить за общественным мнением, за репутацией администрации и её составляющих, за тем, чтобы вовремя дали ответ на критическую публикацию, да чтобы он был толковым и конкретным, не похожим на отписку. А ещё...

И несть числа этим «ещё». Наверное, поэтому у пресс-секретарей часто происходит серьёзное профессиональное выгорание... Так что ничего общего с «тёплым местом» это место не имеет.

Все эти прелести нового занятия Раисе Даниловой предстояло примерить на себя. А пока креативное дело для неё оказалось интересным, масштабным. При этом не все знают, что в трудовую книжку Даниловой новую должность записали: начальник информационно-аналитического отдела (так закомуфлировали её пресс-секретарские обязанности). На деле же никакого отдела не было, она трудилась в нём в единственном, так сказать, лице:

– Я там была одна-одинешенька, – признаёт Раиса Никаноровна.

Поэтому с коллегами – журналистами она продолжала работать тесно, на основе обоюдного уважения. И, бывало, прибегала к их неоценимой помощи. А без этого – как без рук!

Вот лишь один из примеров. Юргинский гарнизон – крупнейший за Уралом. И парни со всех уголков страны проходят здесь службу... Только-только закончился конфликт в Чечне. В Юргинский гарнизон за своими деньгами, заработанными в военной кампании на Кавказе, стали приезжать сотни контрактников. И, как водится, где деньги, там и криминал: появилась группа людей, которая встречала ребят сразу после кассы, и...

Город с этой проблемой не справлялся. Министерство обороны на письма городской власти не реагировало. И тогда Данилова предложила главе города рассказать о происходящем собственному корреспонденту «Первого канала» федерального ТВ Константину Антонову. То есть, как рассудили потом люди в погонах, – вынести «сор из избы». Павел Ширшов согласился на этот шаг.

Приехала съёмочная группа, и Рая повезла её в гарнизон. И опять случился целый телебоевик. Едва вышел оператор с камерой на плече, прибежали автоматчики и стали отнимать камеру. Данилову волоком вытащили из машины, Константина Антонова и его оператора взяли в клещи и трепали из стороны в сторону. Шла настоящая борьба за камеру. Недалеко стояла машина городской милиции. Но ни на крики о помощи, ни на вооружённое нападение на журналистов наряд милиции не реагировал.

Это сражение увидели ветераны Чечни, они в это время осаждали ворота гарнизона, прибежали и отбили съёмочную группу у нападавших. Под их защитой пресса добралась до гарнизона. Тут уж проигнорировать журналистов высшие чины не могли. Материал вышел в эфире «Первого канала» на всю страну. Репортаж вынудил Минобороны всё-таки найти решение проблемы: деньги стали переводить через банки по месту жительства контрактников.

Но это – всего лишь эпизод, безусловно, яркий, из той текучки, в которой пришлось десять лет «вариться» пресс-секретарю Даниловой. Коллеги до сих пор вспоминают, как одна-единственная Раиса поставляла во все городские СМИ «тонны готовой к публикации информации обо всех сферах жизни». Причём, это был сплошной поток позитивных сообщений.

Тот же Дмитрий Ш. иронизировал: «Забегая к ней в кабинет, я постоянно заставлял её тонувшей в бумажной работе. Ладно бы только пресс-релизы, а то и – сочинительство поздравлений и некрологов, сюжеты о выставках и спектаклях...».

Добавлю сюда: а сколько просителей тянулись в её кабинет, зная, здесь можно найти помощь и поддержку. Приходили поэты, писатели неведомым образом притягивались к её кабинету: помоги выпустить книжку. И ведь помогала! Если не изыскивались средства в бюджете, попрошайничала у сильных мира сего. Для примера назову очень хороший сборник стихотворений местных авторов «Семиветрие», увидевший свет с её помощью.

В содружестве с талантливыми фотографами Евгением Юрьевичем Тамбовцевым и Петром Владимировичем Ласточкиным Раисе Даниловой удалось написать и издать две книги к юбилеям Юрги: «Портрет города» и «Юрга». Книгой «Юрга» – к 60-летию города – она гордится особо. Подготовить её ей помогли те же фотохудожники, а смакетировал издание Олег Владимирович Скворцов.

Пресс-секретарь Раиса Данилова убедила главу города Павла Ширшова в том, что Юрге нужна ещё одна телерадиокомпания – муниципальная, чтобы полнее освещать деятельность органов местной власти. Она рассуждала: своё – есть своё, здесь эфир ни от чьих посторонних капризов и желаний не будет зависеть.

Так появилась Юргинская телерадиокомпания – ЮТРК. И команда там подобралась замечательная. Коллектив работал результативно и талантливо, освещал работу обеих ветвей муниципальной власти. Без славословия, спокойно и сдержанно, показывая все аспекты жизни города:

– Опыт создания и эффективной работы муниципальной ЮТРК предложили выдвинуть на региональный, а затем на всероссийский конкурс муниципальных проектов, – делится Раиса Никаноровна. – В номинации «Пресс-служба» я стала победителем Всероссийского конкурса «Лучший муниципальный служащий» в 2007 году. Награду вручили в Москве.

Хочу особо подчеркнуть: я точно знал и видел, как при пресс-секретаре Раисе Даниловой в Юрге кипела творческая жизнь. За время, что руководил управлением по работе со СМИ администрации Кемеровской области, не раз побывал в этом славном городе. Вместе с Даниловой мы там и областные семинары устраивали, чтобы пресс-секретари, работающие во властных органах, шли в ногу со временем, специалисты учили их здесь многому и полезному для применения в деле.

– Пресс-секретари со всего Кузбасса были хорошо знакомы между собой, с некоторыми дружу до сих пор, – вспоминает и сама Раиса Никаноровна. – И ведь что интересно, мы тогда охотно делились друг с другом эффективными находками, проектами. Бескорыстно, по-дружески.

В Юрге тех лет можно было гарантированно на высоком уровне провести любое областное мероприятие. Так, в 2005 году мы провели в Юрге финал областного конкурса для телевизионных СМИ Кузбасса «ТВ-Престиж». Многие участники конкурса, побывавшие здесь, писали и звонили юргинским организаторам, благодарили за незабываемый праздник тележурналистики.

– Приятным событием лично для меня тогда стало, – признаётся Раиса, – что мне вручили специальную премию жюри «За вклад в развитие телевидения Кузбасса». До сих пор она остаётся для меня значимой. У нас также прошёл и финал областного конкурса радиожурналистов «Радио-Престиж» в 2006 году. И его подготовка для нас была почётна и нелегка, но мы выстояли...

***

Так уж получилось, что она была начальником пресс-службы городской администрации при трёх главах города Юрги. Десять лет «между молотом и наковальней» – это, поверьте, очень много. Тем более, все градоначальники – разные по темпераменту, опыту, отношению к делу и к людям. Впрочем, всякое бывало, но она всех их вспоминает добрым словом.

– Павел Венадьевич Ширшов пришёл в администрацию как раз на волне очередных экономических изменений, старался сохранить предприятия города, доказывал собственникам важность участия в городской жизни, вникал во всё, происходящее в Юрге. Критику уважал – как высказанную в глаза, так и звучавшую в прессе.

При Хромове многое поменялось. Виктор Дмитриевич – эстет, тяготел к культуре, к искусству. И даже несмотря на «громкий» уход, многое сделал: облагородил главную площадь, достроил спорткомплекс, мост. Многие сегодняшние городские проекты начинались именно при нём. И проектов – украсить город – у него было много...

А Анатолий Тихонович Танков – человек равнодушный и остро переживающий все те моменты, когда из-за нехватки бюджетных средств многое сделать в городе было невозможно. Его это крайне трогало. Он для города старался...

Менялись в администрации руководители, менялось и их окружение, а Данилова пахала, как вол... К концу своего пресс-секретарского срока она, конечно, очень устала. Устала ежедневно писать горы пресс-релизов, сидеть на бесконечных совещаниях, поддерживать имидж власти, бесконечно объясняя населению в комментариях чьи-то чиновничьи провалы, освещать волнующие людей события, чтобы они видели, что городская власть принимает активное участие в их жизни.

Причём, она всегда старалась делать свою работу искренне, но всё чаще сталкивалась с чиновничьим равнодушием, нежеланием и даже с сопротивлением её предложениям говорить людям правду. Были моменты, когда она едва ли не силком понуждала какого-нибудь начальника отреагировать на проблему, объяснить жителям ту или иную ситуацию. Далекое не все муниципальные служащие нового времени были готовы к тому, чтобы вести, пусть даже через пресс-секретаря, диалог с горожанами.

Ещё одной тяжёлой «каплей» повисла на её душе потеря муниципалитетом её любимого детища – компании ЮТРК, которую она, можно сказать, «родила» от идеи до покупки техники и организации вещания. Она очень болезненно переживала переход этого телевидения в частные руки: «Ну, как ты думаешь, легко ли было мне это видеть?! Как такое вообще возможно?..»

Момент выгорания обрушился на Раису внезапно и сокрушительно. Сказались напряжение, постоянное присутствие «на передовой» почти без выходных: «Я устала... Устала от этой профессии, от недостатка творческой работы...».

– Наверное, я была излишне активной, – объясняется наша героиня. – Это, скорее, репортёрская привычка. Административная работа сама по себе мало интересна для журналиста – а первичен во мне всё-таки журналист. Чиновником за всю свою жизнь я себя так и не почувствовала...

Вот как? Это за десять-то лет! Всё же отмечает:

– Для меня опыт работы в пресс-службе стал очень ценным. Теперь знаю, как «делается» политика, какими способами, методами, приёмами. Знаю, как в неё порой не допускают умных, интересных людей, и, наоборот, как туда попадают те, кому там быть строго заказано.

Ну и, посмотрел человек, сколько народу свободно «пасётся» на творческих просторах, пишут себе люди что-то ради удовольствия, сочиняют, фотографируют, рисуют, и прекрасно себя при этом чувствуют. Задал себе вопрос: почему обычная жизнь проходит мимо меня? А тут: работа – дом, дом – работа... И возникла у человека, наконец, потребность подумать о душе.

«Да, – решила Рая Данилова. – Журналисту всегда найдётся работа. Он может быть простым свободным художником, и именно это меня подкупает». И ушла из администрации. Сначала – в никуда...

Ей, безусловно, что-то предлагали. Ещё бы: специалист с таким опытом! Она обещала подумать. Снова звали на телевидение: «Это захватывающая для меня область. Радовало, что есть люди, которые хотят меня где-то видеть, чего-то ждут от меня... Но, в одну реку, говорят, дважды не входят...». Отговаривалась: «Может быть, когда-нибудь...»

Посидела дома, семьёй занялась, садом-огородом. Отдохнула и заскучала по прежней круговерти. Даже, может быть, приуныла, ведь и телефон вдруг стал подолгу молчать, и друзей поубавилось... Впрочем, настоящие-то друзья и коллеги никуда не делись. Не дали пропасть.

В 2012 году Раису Никаноровну единогласно избрали председателем Юргинского городского отделения Союза журналистов России. А следом – выдвинули в состав правления областной журналистской организации Кузбасса. С тех пор – это её работа.

– Городская политическая жизнь отныне меня интересует только как человека, – смеётся она. – А как журналиста – никоим образом... Сейчас для меня важны люди, их мировоззрение, дела, поступки. Наш город на удивительных людей очень богат...

Она продолжает много писать: о своих коллегах, о замечательных юргинцах. Городское отделение СЖ проводит общественно значимые акции, в которых участвуют практически все члены Союза. Одна из них – со всеми общественными организациями три года неустанно боролись за присвоение Юрге звания города трудовой и воинской славы. Результат положительный, в нём есть толика заслуги журналистов Юрги.

– Возглавлять Юргинское отделение Союза журналистов России для меня – это большое доверие моих коллег, – разоткровенничалась она. – Очень ценю, признательна им. А ещё – постоянное общение со всеми журналистами города, с редакциями СМИ, с ветеранами нашего цеха. Благодаря этому не отрываюсь от общественной жизни города, области. Слежу за творческой деятельностью молодёжи. Поскольку у меня есть реальная возможность помочь кому-то из них реализовать твёрдое решение о вступлении в профессиональные ряды журналистов, я это делаю. Ведь для молодых коллег стать членом нашего Союза – это и профессиональный рост, и статус, и престиж. И, если они выбирали профессию на всю жизнь, это просто здорово!

Есть у неё и предложения, которые, на её взгляд, способны улучшить ряды творческой организации журналистов. Считает, что надо бы ужесточить требования к приёму в СЖ. Уж слишком много людей, нечаянно ставших внештатными авторами или вообще пишущих Бог знает что, пытаются доказать, что вправе иметь статус профессионального журналиста. Раиса Никаноровна не согласна. Элементарным графоманам не стоит мечтать о вступлении в Союз журналистов: «Мы и сейчас отказываем таким, но Устав нашего профессионального Союза иной раз одёргивает...»

На взгляд Даниловой, надо менять и федеральный Закон о СМИ, чтобы за нарушение его норм наступала реальная ответственность. И, в первую очередь, нельзя оставлять народ без правдивой информации, чтобы не обрекать общество на слухи и домыслы:

– Искренне верю, что в наше информационное время средства массовой информации – четвёртая власть. Если в классической схеме общественного устройства: ВЛАСТЬ-СМИ-ОБЩЕСТВО, – среднее звено выпадает, тогда устойчивость власти ослабевает. И в обществе сразу возрастает сумятица, дезориентация. Ничем хорошим это не заканчивается...

***

Раиса Никаноровна Данилова – член СЖ России (СССР) с 1987 года. Отмечена наградами Кемеровской области: медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За служение Кузбассу», «65 лет Кемеровской области»; именными золотыми часами. Среди профессиональных наград – почётный знак Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом», диплом Союза журналистов России «За вклад в развитие журналистики страны».

Александр Карин: от Прокопьевска до Парижа

«Итак, кино! Волшебный мир и интернациональный табор. Оставлю сразу всякую попытку описать этот феномен из четырёх букв и уверен, что кто-нибудь из великих режиссёров или всезнающих киноведов когда-нибудь объяснит явление «кино» как нечто разумное, базирующееся на технических знаниях, плюс художественная позиция, плюс... и так далее, и тому подобное...»

Я же как человек, занимавшийся предметом неразумным и алогичным для нормальных людей, то есть кинотрюками, позволю себе воспоминания и эмоции. Дай Бог, если за этим дымом вдруг всё же проявится абрис Кинематографа, если же нет, то меня вполне устроят составные части оногo, как-то: руки – люди, душа – фантазия...»

Эти строки написал актёр, каскадёр, писатель, сценарист Александр Александрович Карин в своей книге «Господа каскадёры». Для меня же ближе всего и милей тот факт, что родом он из Прокопьевска – места и моего рождения, детства, отрочества и юности, где я познал первую любовь и азы журналистики в городской газете «Шахтёрская правда». И не беда, что я теперь проживаю в иных весях, а он – в Париже, Прокопу из сердца не вырвешь.

«...Фантазия! Конечно же, это главное, – рассуждает автор далее. – Её не убили разочарования, рабочие конфликты, тяжкий труд или безработица. Она выживала всегда! Обижаясь на Кино, как на близкого человека, я в итоге всё ему прощал, и

вновь сказка и любовь к эфемерному заполняли моё сердце. Люди!.. Ставлю тире – друзья. Трюковые мои братья, что обняли за плечи и горели, и убивались за «спасибо» десять с лишним лет!.. Сто фильмов посчастливилось отработать вместе с ними по всем регионам СССР...»

1.

Итак, Александр Карин родился в Прокопьевске 28 апреля 1952 года. Не случайно его книга «Господа каскадёры» начинается именно с автобиографического повествования «Страна Трюкания», рассказывающего о жизненном пути автора.

«На мой взгляд, – подчеркнул однажды секретарь Союза писателей России Николай Переяслов, – эта повесть является лучшей вещью сборника – необычайно сочная, правдивая, полная живых и беззлобных воспоминаний о вернувшемся из многолетнего тюремного заключения отце, рисующая картины жизни автора в глухой шахтёрской провинции, какой был в пятидесятые годы кузбасский город Прокопьевск, а позже – среди режиссёров, актёров, каскадёров и других людей искусства Москвы и Парижа...».

«Городок», «глухая провинция»... Мне, родившемуся в Прокопьевске в тех же 1950-х, правда, на четыре года позднее, такие сравнения не совсем по душе. Мои родители – коренные прокопчане, шахтёры с дважды ордена Ленина шахты «Коксовая» – называли родной город «Угольной жемчужиной Кузбасса».

Да, в городе было полтора десятка шахт. Да, каждая вторая семья почти трёхсоттысячного в те времена Прокопьевска имела отношение к угольной промышленности. Да, провинция. Но называть её «глухой» язык не поворачивается. Город с кино- и театрами, дворцами культуры, спорткомплексами, стадионами, трамваями, аэропортом Спиченково, откуда ежедневно в те годы вылетал в Москву самолёт ИЛ-18, в каждом рейсе на борту которого, как минимум, половина пассажиров – были шахтёры, летавшие на выходные в столицу «за тряпками» или возвращающиеся из отпусков с морей и из лучших санаториев страны.

И даже резонные сравнения с Парижем у Прокопьевска были. Малая родина, сплошь состоящая из рабочих посёлков, сгруппировавшихся вокруг шахт и заводов, и широко разбросанных друг от друга, по площади, слышал об этом не раз, равна прекрасной французской столице... Хотя, чего греха таить, где шахты, там и угольная чернота.

Александр Карин рассказывает о своём детстве и отрочестве в таких своих произведениях, как «Прогулка с папой», «Пока ручьи звенят», «Будня», «Псы».

«Мой путь в Трюканию начался в небольшом сибирском городе Прокопьевске, – повествует в книге «Страна Трюкания» Александр. – Снег там тёмен от пыли, небо серо от терриконов шахт, тротуары деревянные и асфальтовые, сугробы до крыш. Среди шахтёров много репрессированного люда... Горняки – сердечный, добрый народ, любят песни, домино и отдых на природе. ...В самом конце XX века Прокопьевск активно опровергал взгляды правящего класса и слыл самым революционным городом Кузбасса».

Хотя... в одном из видеоинтервью он говорит, что с детства мечтал вырваться в другой мир.

Как известно, родителей не выбирают. Тут уж, как говорится, кому как повезёт. Мама нашего героя Елена – урождённая сибирячка. Отец Александр Васильевич – кубанский казак. Дед Александра Карина – высоченный бородач Василий, «огромный, будто медведь» – приехал с сыном с Кубани в глубинку Сибири, в Прокопьевск. Видно, 1930-е годы для казаков были безрадостны, если не сказать трагичны, считает внук. Дед служил сотником в белой гвардии, вспоминает Александр, поэтому после «дед так «зашифровался», что до конца дней своих служил только сторожем на разных предприятиях города».

В рассказе «Игра в ножички, казаче...» (2013) Александр Карин напишет: «Корни их рода уходили аж к казакам атамана Ермака, искупавшим свои грехи пред батюшкой царём покорением Сибири. Однако, пойдя попробуй сказать чирским или донским (казакам), что ты свой, – забудут гордецы!»

Александр уверяет, что его любимую бабушку Акулину за рождение четырнадцати ребятишек наградили орденом «Мать-героиня». Бабушка жила «в бревенчатом бараке по улице Революции». Насколько помню, – этот посёлок в районе шахты имени Ворошилова называется Берёзовой рощей.

Любимой песней детства Александр называет песню «Бродяга» из одноименного индийского фильма с популярным актёром Ранбиром Радж Капуром. Карин-актёр, который из-за многочисленных киносъёмок вёл кочевой образ жизни, уверен, что «в ряду фатальных совпадений и обстоятельств моей жизни она (песня) занимает далеко не последнее место».

Первым кинофильмом, оставшимся в памяти Карина-мальчишки, была франко-итальянская лента 1961 года «Три мушкетёра». Он смотрел её много раз и мечтал «о волшебной Франции, куда непременно уеду, вступлю в полк де Тревиля и уйду на пенсию маршалом, как д'Артаньян. Меня совсем не удивляет, что ныне я живу в Париже, пенсионер, правда, до маршала не дотянул – «сломался» на Фестивале каскадёров Мира в Тулузе...»

Отец мальчишки дважды отбывал срок по уголовной статье. Когда он вернулся домой из мест заключения, оказалось, что стал инвалидом – потерял ногу на рудниках Магадана, «впитал своей лирической душой всю романтику уголовщины, ...знал «феню», придерживался «кодекса чести» и был татуирован от плеч до пят».

При этом у отца были золотые руки. Он работал по дереву, шил валенки, имел права водителя 1-го класса и массу других профессий. Александр на всю жизнь запомнил «картинку» строительства родительского дома под руководством отца. «Сруб казался мне огромным, а родитель грозным, так как громко командовал строителями на пока непонятном матершинном наречии и топал деревянной ногой, за которую я, собственно, и держался». Ещё отец обожал читать книги, его любимым произведением был исторический роман итальянского писателя Рафаэлло Джованьоли «Спартак».

Отец Александра любил и выпить. В нетрезвом виде заставлял сына выполнять различные «чудеса»: мог налить ему спиртного или в непогоду выставить на улицу,

– для закалки мальчишеского характера. Впервые на лошадь Александра посадил тоже отец. Вот как сын вспоминает об этом:

«...Отец сыскал как-то у магазина возчика, напоминающего внешне Щукаря, напоил его «городскими напитками» и прикатил к дому. ...Новая установка предполагала путешествие с сыном в ночь, проскоки по близлежащим оврагам и, возможно, возвращение с рассветом верхом! Надо сказать, всё так и было: где-то мы галопировали в полной темноте, где-то опрокинулись и потеряли дедушку, а затем с третьей попытки взгромоздились на уставшую клячу и гордым шагом (король всех аллюров) прибыли в родовое имение».

Как многих прокопьевских детей тех лет, Сашу отправили в детский сад, правда, ненадолго – был там всего полдня. Когда его привели в садик, «дети собирали кремль из деревянных колец, а девочка необычайной красоты собиралась завершить строение красной деревянной звездой, но тут первое чувство любви толкнуло меня к ней, я поцеловал её, получил удар в лоб деревяшкой и через окно комнаты нянечки убежал навсегда домой». И больше всего полюбил вольницу прокопьевских улиц: «Улица навсегда открыла мне свои объятия. Кто позволит разжечь костёр и прыгать сквозь пламя? Кто разрешит взять трёх собак сразу и охотиться за воронами? Улица, больше никому!»

Не обходилось и без смелых мальчишеских схваток. Бывало, там же на улице он покрывался боевыми синяками от колен до локтей. Наш герой даже участвовал в детской, но самой настоящей дуэли, в ходе которой стрелялся с обидчиком из самодельной «поджиги». Поджиги делали из прочных металлических трубок, закреплённых на деревянном или карболитовом контуре пистолета. Ствол начинали серой от спичек и даже кое-чем пострашнее. Та дуэль едва не закончилась трагедией...

Наверняка, уличная вольница тоже стала одним из определяющих факторов в выборе профессии каскадёра. Александр признаётся, что нередкие уличные бои без правил, в которых закалялся мужской характер, «вполне органично перешли в сценическое движение актёрского вуза, а затем и на экран... На сцене или в Кино надо было сочинять не правдивый, но красочный бой».

Отец Александра часто впадал в запой, и мама, не выдержав, ушла от него, уехала вместе с сыном сначала на Дон к сестре, потом в Волгоград.

Рассказы Александра Карина во многом автобиографичны. В одном из них он повествует как мать увезла двенадцатилетнего мальчишку в казацкую станицу Чирскую, к сестре. Хорошо там показалось сибиряку – тепло, хотя и хлопотно, – уж очень задиристы были его сверстники... «Казаковать станичные ребята начинали сызмальства. Слушали бравые рассказы дедов, залихватские песни в цветущих яблоневых садах, за хлебосольными столами, и рано, ох как рано просыпалась в них любовь к оружию. Уж и пороты бывали в кровь за игры с настоящими, припрятанными по чуланам шашками. На учёт в милицию поставлены поголовно – за постоянное ношение ножичков в карманах, но победить казацкую генетику, видно, не дано было никакой власти!»

Что ж, мы тоже помним о казацкой крови в организме нашего героя. Никакая Сибирь не смогла её извести. Забегая вперёд, скажу, что о смерти отца Александр узнал в 1974-м через Мосгорсправку...

Школьные годы и комсомольскую юность Александр Карин не очень любит вспоминать. В своей повести он отвёл им всего несколько строк, охарактеризовав, «как нечто бесформенное, серое, недостойное воспоминаний и попыток письменного изложения». Между тем, в тот период он выучился играть на гитаре и с удовольствием пел в компаниях.

В 1970 году его призвали на срочную службу в Советскую Армию. Сержантскую «учебку» проходил на востоке Демократической Республики Германии – в Котбусе – городе на реке Шпре, втором по величине в земле Бранденбург. Если сравнить его с Прокопьевском, то по населению – около 100 тысяч человек – город был втрое меньше. Впрочем, на этом сравнения заканчиваются.

Учебная часть размещалась в тех же казармах, где в 40-е годы располагались подразделения гитлеровских дивизий СС, и это накладывало особый отпечаток на службу, вспоминает Александр. Кто служил в учебной части в советское время, знает, как воспитывалась там солдатская воля, тренировалась выдержка, закалялась физическая крепость: «Сержанты гоняли нас каждое утро на трёхкилометровую пробежку вдоль автобанов. Было забавно наблюдать за лицами пассажиров в пролетающих мимо «мерседесах» и «фольксвагенах» – они скукоживались при виде бегущей советской роты в чёрных трусах и сапогах под белым весенним снегом. Немцы, очевидно, вновь задумывались о непобедимости русских...»

Готовили советских воинов серьёзно. Будущего сержанта-штурмовика учили всему: бегать, прыгать, стрелять в падении, прыгать ночью с вышки, выбивать противника из окопов всеми имеющимися подручными средствами.

Строптивый солдат Александр Карин часто получал наряды вне очереди: «Я очистил не одну тонну картошки, – рассказывает он, – мыл ночами посуду, коридоры, туалеты и т. п.». Но и армейскому делу обучался: ездил на стрельбище, овладевал разными видами оружия, чтобы поражать врага ночью и днём, научился водить бронетранспортёр.

После «учебки» Александру присвоили звание сержанта и направили для прохождения дальнейшей службы в одну из действующих частей группировки советских войск, дислоцировавшейся в ГДР (ГСВГ). Между прочим, ГСВГ считалась одной из наиболее боеспособных в Советской Армии, была оснащена самой совершенной и современной боевой техникой и оружием. При этом ГСВГ имела собственные заводы, объекты инфраструктуры, подсобные хозяйства, школы для офицерских детей, пионерские лагеря, санатории, торговую сеть, дома офицеров, телевизионные центры, комбинаты бытового обслуживания – в каждом гарнизоне, клубы с военными ансамблями песни и пляски – в каждой воинской части.

Карина назначили командиром отделения: «Мне пришлось ходить в караул разводящим, помощником, затем, где-то через месяц, начальником караула».

У рядовых Александр Карин пользовался уважением. Не допускал в своём отделении дедовщины. Справлялся с «дедами», например, принародным вызовом

побоксировать с кем-нибудь из них вечерком. Проиграть не боялся, ведь «с отличием» прошёл школу прокопьевских улиц: «Через пару ударов они, обычно, «молодели» лежа в нокауте – спасибо боксу».

Впрочем, в целом воспоминания Карина об армейской службе печальны: два этих года (в запас он был уволен в 1972-м) Александр считает потерянным временем жизни...

2.

Чем можно заняться на «гражданке»? Выбор был широким, а впереди – целая жизнь. Но к нему давно пришло понимание, что должен связать свою жизнь с профессией артиста. «Никогда не думал я стать милиционером, космонавтом или пожарником, – уверяет он во второй части «Господ каскадёров». – Класса с четвёртого, а может, чуть раньше решил я быть актёром, и задуманному не изменял вплоть до годичного пребывания в Московском театре комедии Росконцерта».

Сразу после демобилизации он поехал поступать в Театральное училище имени М. С. Щепкина – на отделение актёрского искусства, где обучали актёров и режиссёров театра.

Поступить сюда было очень сложно: конкурс составлял 150 человек на место! «Готовился я довольно тщательно, – вспоминает Александр, – но в первый же заход мне объяснили, что я имею зубы вруна (редкие) и шепелявлю на все согласные сразу. «Приговор» ...как говорится, «обжалованию не подлежит». Пришлось вернуться в Волгоград. В первую же неделю я сточил четыре передних зуба и поставил пластмассовый частокор. Мама пришла в ужас! Успокоил её лишь тем, что дикция стала лучше. Несколько месяцев занятий у логопеда явно увеличили мои шансы, к тому же я решил познать театр изнутри и устроился осветителем в местной драме...»

Проработал он здесь недолго – уволили. Также немного потрудился постановщиком декораций в местном театре кукол. Потом в Волгограде наступила весна, в течение которой Александр не только гулял с друзьями, но учил стихи и басни, монологи и сцены из различных произведений. Словом, готовился к повторному поступлению в театральное.

Летом 1973-го он вернулся в Москву и прошёлся по всем театральным вузам... «Должен пояснить, что бороться можно было всюду, но до третьего тура. Затем необходимо решиться, выбрать училище и сдать в учебную часть документы. Пишу об этом необычайно легко, хотя на деле исстрадался напрочь! Дважды менял программу, много репетировал с братом Геннадием, дрожал после каждой читки, – месяц провёл в абсолютно горячечном состоянии! Итак, приоритет принадлежит Щепкинскому. Написаны: диктант, заявление, биография и пройдены все проверки «на голос», на танец и прочее... Я – студент!»

Щепкинское училище – старейшее престижнейшее высшее театральное учебное заведение (институт) было создано ещё в 1809 году в Москве как Московская театральная школа при Государственном академическом Малом театре. Обучение здесь, конечно же, намного интереснее армейской «учебки». Педагоги «Щепки» (так

училище называют в театральных кругах) в своём большинстве – маститые актёры и режиссёры Малого театра.

Кафедрой мастерства актёра руководил народный артист СССР, профессор, член худсовета Малого театра и учёного совета Училища Н. А. Анненков, сыгравший сотни ролей на театральной сцене и десятки образов в кино. Николай Александрович считал, что учить актёров можно только на первоклассном литературном материале. Важным разделом профессиональной подготовки студентов кафедра полагала практику на сцене Малого театра. Среди учеников Н. А. Анненкова были такие выдающиеся артисты, как Никита Подгорный, Олег Даль, Виктор Павлов, Виталий Соломин и многие другие.

Начался первый семестр. Студенческая жизнь в «Щепке»: пары по три часа, актёрское мастерство, уроки танцев, этюды, песни под аккомпанемент, штудирование родной культуры, – малая толика того, чем занимаются здесь. Начинающие актёры, включая Александра Карина, выкладывались по полной программе, обучаясь каждый день с утра до вечера.

Предметы Александр делил на любимые и «не очень». Первые касались специализации: мастерство актёра, сценическая речь, сценическое движение, танец, музыкальные занятия. А те, что «не очень» – общеобразовательные предметы – всеобщая история, история зарубежного театра, история советского театра и так далее. Но куда же без них?! Добавьте к дисциплинам, которые преподаются на кафедре мастерства актёра, ещё и грим, а также факультативы: фортепиано, гитара, баян, – и получится практически полная картина занятий.

«Необычайно радостное и восторженное состояние не покидало меня полгода, – делится Карин. – Шли каждодневные упражнения на внимание, реакцию, чувство сценического времени и многие другие, присущие актёрскому ремеслу. Особенно полюбил я этюды. Вся моя нереализованная прежде фантазия пошла в дело: гонки на автомобилях, жуткие средневековые трагедии, любовь с первого взгляда, мушкетерские дуэли! Думалось и игралось необыкновенно...»

Но вскоре у него возник конфликт с художественным руководителем курса В. Б. Монаховым. По словам Александра, преподаватель его невзлюбил: «Будучи прекрасным пародистом, он так передразнивал неудачи и промахи студентов, что они надолго утрачивали способность быть органичными и приобретали чудовищный «сценический зажим». Такой «зажим» произошёл и с Каринным. И в студенте поселился страх отчисления, «страх изгнания из школы, ужас потери искусства!»

Однако, когда закончился первый курс, страх отступил – не выгнали! А во время летних каникул случилась беда: он получил в Волгограде удар ножом в живот. Горячий, порой, запальчивый, остро переживающий несправедливость, парень не мог пройти мимо хулиганов, которые ударили в ресторане девушку. Он потребовал выйти и разобраться по-мужски, по законам прокопьевских улиц. Обидчиками девушки оказались отсидевшие «блатари», которые отмечали чей-то «выход» с зоны»...

25 дней жизнь Карина была под вопросом. Позднее он напишет: «Я выжил благодаря Богу, хирургу, маме, следователю, проникшейся ко мне симпатией –

очень уж оказался похожим на её сына!» Карин даже вовремя – к началу сентября – успел приступить к новому учебному году.

На втором курсе программа обучения стала гораздо интересней: «Столь любимые мною этюды закончились, на смену пришли драматические сцены, то есть роль, работа над ней и работа над собой».

В экзаменационном спектакле Александр должен был играть роль злодея – донна Саллюстия де Базана из «Рюи Блаза» – романтической драмы, написанной двенадцатисложным александрийским стихом французским писателем, поэтом и драматургом Виктором Гюго. («Это произведение я читал в театре Волгограда, когда был застигнут начальником цеха осветителей и изгнан»).

В костюмерной училища Карин нашёл для образа чёрный бархатный колет и панталоны. Присовокупил к этому огромную шпагу, массивный кинжал и «вечно тяжёлый «злодейский взгляд» на всех окружающих». На репетициях всё было хорошо. И вот экзамен. Педагоги и актёры Малого театра заполнили аудиторию. С середины сцены Александр «обнаружил себя в паузе... Дальнейший текст выпал из памяти! Мой партнер от ужаса замер с гуммозной улыбкой на лице. Так и сидели: он – чему-то улыбаясь, я – от чего-то в свирепом молчании...»

Спас сцену посторонний звук: кто-то громко чихнул. Все зашевелились, неодобрительно глянули на нарушившего очарование паузы, а Карин очнулся, отошёл к окну и озвучил-таки коварную интригу. Его партнер убрал с лица улыбку и рассвирепел. Сидевший в зале народный артист Михаил Иванович Царев одобрительно хмыкнул – ему нравилось...

Им аплодировали! Актёры хоть чудом, но сыграли вполне достойно. Но после спектакля Александр подвергся потрясающей пародии руководителя курса и хохотал больше всех: «Мне со скрипом натянули «четвёрку», и из сердца навсегда пропал страх перед сценой... и перспективой быть выгнанным из института».

Через пару недель был экзамен по сценической речи. И тут он заспорил с педагогами, так как посчитал, что ему предлагают серые или избитые монологи, никак не соответствующие ни его индивидуальности, ни душевному состоянию: «Я вспылил и заявил, что сам выберу и подготовлю достойную прозу, сняв с них всю ответственность...» И с ним согласились: выбирай себе монологи сам.

Стало быть, второкурснику Карину предстояло, быть может, самый главный бой. Впереди уже маячил третий курс, а это – работа над пьесами и шанс получить хорошую роль на четвертом курсе, где без пяти минут выпускники «Щепки» будут играть спектакли на настоящей театральной сцене не просто для публики, но также – для режиссёров московских театров.

К экзамену по сценической речи Александр выбрал финальную сцену из любимого романа «Идиот» Ф. М. Достоевского и замечательный рассказ Василия Шукшина «Миль пардон, мадам»! То есть ему предстояло вначале исполнить сложнейшую трагичную сцену из «Идиота», где и Мышкин и Рогожин впадают в безумие, а после быстро перевоплотиться и читать комедийный рассказ!

«Спасло замечательное подспорье, – признаётся он, – мы уже давно работали с другом Игорем Арсеньевым над некой композицией по сцене из «Идиота»... А

рассказ Шукшина я видел в фильме, где охотника и вруна Пупкова играл всеми любимый и народный актёр Лебедев. Ну чем не пособие и помощь?!»

В результате экзамен сдал на пятёрку, рыдая и хохоча вместе со своими героями и, наконец, «содрал с себя ярлык жигана, хулигана и т. п.»

Потом завершился и третий курс. На четвёртом начали репетировать пьесу «Верные друзья» для подмостков филиала Малого театра. Пьесу студенты готовили с замечательным педагогом, заслуженным деятелем искусств РФ, профессором кафедры актёрского мастерства Риммой Гавриловной Солнцева.

«О чудо! – восклицает Александр. – Она даёт мне роль и полную творческую свободу в пьесе «Верные друзья»! Пусть это вполне рядовое советское «творение», но с темой войны, а это меняет всё».

Через полгода репетиций четверокурсники начинают играть спектакль в филиале Малого театра. Постановка имела тёплый зрительский приём и всегда аншлаги: «Работа над ролью с таким режиссёром как Римма Гавриловна оказала на меня положительное, почти медицинское воздействие – я поуспокоился сердцем и душой».

Дальше – больше! Художественный руководитель курса Владимир Багратович Монахов репетирует со своими студентами «Тартюфа». Карину здесь достаётся роль Клеанта. Он так профессионально и задорно отплясывал в финале общий танец в масках Тартюфа, что педагог по танцу исправил ему тройку за танцы на четвёрку: «Вот радость-то! Ведь я был таким увальнем, что и «удовлетворительно» звучало подарком, а тут... Благодарил милейшего Виктора Тэйдера, запинаясь и краснея. Он же без тени улыбки объявил: «Заслужил...»

Студенту А. Карину начали предлагать роли и в других спектаклях, которые ставили силами вуза. Например, педагог С. В. Харченко включил его в актёрский состав для постановки «Егора Булычёва». И вскоре Александр с воодушевлением играл роль лесника Доната: «В вязаных носках и с бородой имею успех у студентов вуза, а главное, у приехавшей на сдачу спектакля мамы. А что ещё надо?!»

Вскоре другой педагог курса Н. А. Верещенко предлагает Карину роль в американской пьесе «12 рассерженных мужчин». Жизнь на сцене его персонажа вроде бы коротка, но очень важна для фабулы постановки: его персонаж через полтора часа заседания присяжных должен эффектно спасти подсудимого от высшей меры. Как сыграть эту роль, чтобы зритель поверил? У Александра Карина множество вопросов к режиссёру. А тот отмахивается:

– Не до тебя, Карин!

Однокурсники сами растеряны... Карин запаниковал. Что делать? И начинающий актёр Александр Карин начал сам искать пути к образу своего героя. Вооружился авторучкой, записной книжкой, делал пометки, внимательно выслушивал всех и, особенно, главных героев пьесы, размышлял, прикидывал: «О, чудо! ...Я пробился сквозь «джунгли» пьесы, мою «тончайшую игру» оценили. Я победил! Но кого?.. Себя, конечно, и, как мне кажется, стал, наконец, актёром».

Учёба в «Щепке» подошла к концу. Остаётся добавить, что Александр также успешно завершил курс фехтования и сценического движения профессора А. Б.

Немировского. Кроме того, освоил французский язык. И – получил диплом о высшем актёрском образовании.

Прибавим к этому, что вместе с Александром на курсе учились те, кто впоследствии тоже сделал хорошую артистическую карьеру. Среди них народная артистка России Наталья Кутасова, окончившая Театральное училище, как и Карин, в 1977 году. Затем прошла хорошую школу в Челябинском театре драмы, в Санкт-Петербургском Академическом театре имени Ленсовета. Сейчас работает в Театре на Васильевском (Санкт-Петербург). Известна также по фильмам и сериалам «Агентство НЛС», «Тайны следствия», «Секретные поручения», «Лиговка», «Время Синдбада», «Поиски улики», «С небес на землю». Этот список можно продолжать.

Вместе с Каринным диплом «Щепки» получал Валерий Хромушкин, к сожалению, рано ушедший из жизни. Был актёром Московского Театра юного зрителя. Сыграл более 30 ролей в кино: в фильмах «Вечный зов», «Овраги», «Анна Петровна», «Вот такая история», «Без вины виноватые», «В круге первом»...

«...С удовольствием «убегаю» на профессиональную сцену Театра Комедии, ибо сразу за ним начинается любимый табор кино с бесчисленными приятелями и трюковыми братьями в новой и самой любимой профессии – каскадёр», – так заканчивается ещё одна из глав книги «Господа каскадёры».

3.

В 1977 году выпускника «Щепки» Александра Карина приняли в Театр Комедии (Московский гастрольный театр комедии), который работал по договорам «Росконцерта». Главным режиссёром театра в те времена был Я. М. Кракопольский.

Яков Миронович предложил выпускнику главную роль Бродяги в малоизвестной пьесе румынского драматурга: «Главреж... тихо спал на репетициях, а я семнадцать дней бродил по сцене, направляемый актёрами, так как спектакль шёл давно, и они прекрасно знали и мизансцены, и выгодные моменты роли, не раз проверенные на зрителе. Должен сказать, что такая доброжелательная и свободная режиссура меня вполне устраивала. ...Я с удовольствием и азартом ввёлся в спектакль».

Подкрепил успех начинающего Бродяги и педагог курса Владимир Багратович Монахов – принёс за кулисы Карину букет гвоздик и комплимент: «Не ожидал!»

Труппа театра мало чем отличалась от других «богемных» коллективов конца 70-х годов. Многие актёры часто отдавали должное «зелёному змию». Почти не было интриг из-за ролей. Процветала неудержимая страсть к импровизациям. За кулисами часто возникали непредвиденные конфликты: «Пожилые забывали слова, а молодёжь выдумывала столько новых, что подчас мы не знали, как закончить спектакль!»

Работа в этом театре была интересна тем, что он постоянно гастролировал по разным городам СССР, всегда находился в движении. Александр вспоминает, что благодаря гастролям он с Театром Комедии попал в родной Прокопьевск:

«Нет слов! – Порадовал всех родственников. Особенно памятным был торжественный приход на спектакль моего дядюшки Ивана, он же «Король» и вдохновитель всех моих фантазий детства. ...Одет он был строго, в чёрный костюм и белую рубашку без галстука. Высоко поднятая голова, побелевшие кудри и, явно нафабранные усики над губой, должны были, очевидно, прояснить окружающим, что приглашён он был не просто племянником, а лучшим артистом всей Москвы, к чему лично он приложил невероятные усилия! ...Играл я в этот вечер необычайно легко, часто срывал аплодисменты, хохот, так как это была комедия».

После нескольких сыгранных спектаклей Александр повидал всю прокопьевскую родню, прошёлся по улочкам и улицам родного города. «Больше уж мне не удалось вернуться в сказочную Сибирь никогда, а жаль до слёз!»

В Театре Комедии Александр Карин отработал два года. В этом коллективе у него состоялась ещё одна главная роль – в пьесе «Дикарь». Но каких-либо подробностей об этом образе не удалось отыскать. В 1979 году он ушёл из театра. Одна из причин заключалась в том, что его позвали сниматься в настоящем кино, которое стало несомненной удачей всей его последующей жизни.

Режиссёры Станислав Ростоцкий и Никита Хубов набирали артистов для съёмок военно-приключенческого, историко-биографического художественного фильма «Эскадрон гусар летучих» – о событиях Отечественной войны 1812 года, её влиянии на мировоззрение, жизнь и творчество знаменитого гусара и поэта, генерал-лейтенанта Дениса Давыдова. Лента рассказывала о партизанском отряде гусар, ставшем образцом мужества и храбрости в боях с коварным захватчиком.

Александр предложили сыграть роль Михаила Григорьевича Бедряги – героя той войны, командовавшего эскадроном гусар. Он просто горел этой работой. Съёмки происходили в окрестностях города Истра – в селе Пионерское, доме отдыха имени А. П. Чехова, Ново-Иерусалимском монастыре, на берегах реки Малая Истра. Были захватывающие скачки на лошадях, серьёзные и весёлые эпизоды, неподражаемая игра партнёров по площадке. А имена коллег – как на подбор. Дениса Давыдова играл Андрей Ростоцкий, Евгений Лебедев – Кутузова, Николай Ерёмченко – князя Болховского. В ролях также были заняты Иван Краско, Виктор Шульгин, Борис Клюев...

Критики назвали фильм «темпераментным, зрелищным, озорным». После выхода на экран лента стала одним из лидеров проката: её посмотрело больше 23 миллионов зрителей. А у Карина состоялся первый настоящий контакт с профессией каскадёра.

В следующем же году Александр стал участником съёмочной группы художественного фильма «Ярослав Мудрый» – картины режиссёра Григория Кохана о жизни русского князя Ярослава, ставшего великим князем Киевской Руси Ярославом Мудрым. Ленту совместно делали Киевская киностудия имени Александра Довженко и «Мосфильм».

Карин сыграл роль Рубача. В других ролях были: Юрий Муравицкий – Ярослав Мудрый, Пётр Вельяминов – великий князь Киевский, отец Ярослава, Людмила Смородина – Ингигерда, жена Ярослава, Леонид Филатов – Твердислав, воевода...

И эта картина стала успешной. «Ярослав» вышел на большие экраны в 1981-м и был очень хорошо принят зрителями. А в 1982-м на XV Всесоюзном кинофестивале в Таллине фильм удостоился приза и диплома жюри.

Однако окончательный выбор: театр или кино, – Александр тогда вновь не сделал. Поэтому ещё одним театром в актёрской судьбе Карина стал «Сатирикон».

Прародителем «Сатирикона» является основанный в 1939 году Ленинградский театр эстрады и миниатюр, получивший известность как театр Райкина. В 1982 году театр переехал в Москву, став Государственным театром миниатюр. В его коллектив влилась большая группа молодежи. Рядом с Аркадием Райкиным в нём появился другой лидер – Константин Райкин.

«Несмотря на то, что я уже отработал в кино два огромных фильма, ...1981 год был самым безденежным, если не сказать, голодным... – поясняет Карин. – На этом фоне, коли этот оборот речи здесь уместен, мне передал друг Александр Ожигин, что обо мне спрашивает Константин Райкин. Ранее я показывался ему в студии О. Табакова на роль Шерхана в столь нашумевшем и талантливым спектакле «Маугли», ...но меня тогда не взяли».

Александр с радостью пошёл побеседовать. Кстати, они с Константином были знакомы ещё и по общежитию «Современника», где жил тот самый Ожигин, то справляя Новый год, то вечеринку.

Константин Райкин встретил его очень приветливо, расспросил о занятости и предложил «показаться» снова: «Я с радостью согласился. Если пройду, думалось мне, то вполне смогу выживать на актёрские 130 рублей в месяц и продолжать работать в Кино».

На показе в зале оказались и актёры театра Аркадия Райкина, и он сам. Это необычайно воодушевило Карина, ведь эту фамилию впервые в жизни он услышал в далёком детстве:

«Мне было около шести. Мама пришла с работы и, смеясь, стала рассказывать отцу, что Райкин так опять насмешил, такую сатиру выдал!.. Тут я вмешался, вставив:

– Опять дядя Федя напился?! – это вызвало дружный смех родителей.

Мама пояснила, что есть такой человек, который помогает людям жить веселей и это, якобы, его работа и призвание. Так и услышал я первую артистическую фамилию в моей жизни».

Показ прошёл очень удачно. За кулисами Александра и его партнёра поздравили актёры и сказали, что даже шеф смеялся. Его приняли в труппу, и он стал участвовать в рабочем репертуаре театра. «К сожалению, мне не пришлось и минуты партнерствовать с первым в моей жизни актёром, – сетует Александр. – Но быть на сцене соучастником его действия случалось не раз».

Ставили спектакль «Лица» по нескольким чеховским пьесам, где хорошо раскрыты судьбы и характеры людей из провинции. Режиссёром-постановщиком был Валерий Фокин. Ранее Александр видел на малой сцене «Современника» его композицию по произведениям Ф. М. Достоевского и был в восторге: «Именно такого подхода к профессии, такой работы с актёром мне не хватало в вузе имени

Щепкина! Недаром моим «Первым Учителем» был Марлон Брандо: только у него я брал уроки полной веры в обстоятельства, скупость и точность оценки фраз, событий, невидимой подготовки к эмоциональному взрыву – всему».

Наступил день, когда спектакль «Лица» был завершён, сдан комиссии, и труппа поехала гастролировать с ним по стране. Месяцы изнурительных репетиций прошли для артистов недаром. Кроме всего, они ежедневно занимались и танцами. Все актёры «сильно схуднули и окрепли». Для Карина же это была дополнительная нагрузка к утренним пробежкам и необходимым для каскадёра упражнениям.

Гастроли получились очень интересными: Ленинград, Ялта, снова Ленинград – всюду полные залы и радушный приём публики. Константин Райкин работал с необычайной отдачей и, конечно же, требовал максимума от актёров. Многие со временем не выдержали темпа, нагрузок и покинули спектакль. Некоторые ушли из театра. Александр во время гастролей в Волгограде тоже уволился и – уже насовсем – вернулся в Кино.

«От души благодарю Константина Райкина – он регулярно отпускал меня на съёмки в 1982 году, хотя это была пора невезений: перелом кистей, травма плеча, колена, обгоревшие руки, лицо, голова. Представьте – еду в Питер и в поезде прошу заглянуть его в моё купе... Он, удивлённый просьбой, входит, видит мой бритый череп, ахает, затем, помолчав, с восторгом произносит:

– Саша, это очень хорошо для роли!

Редкий режиссёр прощал актёрам подобную экстравагантность в купе с гипсовыми накладками... Прощай мой второй и последний театр. Было весело, обрёл друзей и новый подход к профессии», – откровенничает Карин.

4.

Всё-таки он выбрал кино.

В своей книге «Господа каскадёры» он старается писать обо всём этом подробно и серьёзно. Уверен, что база окончательного решения была заложена на первом фильме «Эскадрон гусар летучих» благодаря большому профессионализму «тренера» и, конечно же, высокому индивидуальному уровню многих участников съёмок.

Думаю, надо ещё раз вернуться к этой первой его работе на большом экране. Напомню, в картину его пригласил преподаватель сценического движения и сценического боя в ГИТИСе, постановщик и участник «боев» в кинофильмах Николай Васильевич Карпов: позвал фехтовать в батальных сценах и эпизодах. И Карин был «безмерно счастлив».

Он вспоминает, как режиссёр Никита Хубов подтрунивал над мужской доблестью исполнителей и вынуждал биться в кадре почти по-настоящему, язвительно улыбался, когда кто-либо выпадал нечаянно из седла или неточно выполнял поставленную задачу!

«Я ему очень благодарен! ...Ибо он – первый режиссёр, кто научил думать о работе, забывая в этот момент о безопасности собственной жизни. Актёры фильма были подобраны Хубовым необычайно тщательно и удачно. ...Что же касается меня,

приход на фильм Станислава Ростоцкого тоже был везением, так как этот человек многое прояснил в лабиринтах Кинематографа и даже преподавал урок личного мужества. Однажды Станислав неожиданно предложил мне прогулку по заснеженному лесу. Он галопировал на коне, имея вместо ноги протез! А когда мы вернулись, – водитель, нечаянно газанувший за рулем грузовика, отнял у всадника ещё и почку. Лошадь встала «на свечку», Ростоцкий выпал наземь и травмировал орган».

Ростоцкого удачно прооперировали, он быстро восстановился и продолжил съёмки. «Кстати, думаю, – продолжает Александр, – что его предложение прогуляться верхом было, скорей всего, неким пардоном за пару замечаний в мегафон:

– Карин, будешь скакать впереди моего сына, когда тебя будут снимать героем картины!

Или:

– Саша, не маши так шустро саблей – Андрей не успевает.

Не скажу, что меня это очень обижало – он прав! Увлечённость и лихость не повод забывать о субординации...»

Помимо Хубова и Станислава Ростоцкого, был ещё один человек, который повлиял на отношение Александра к кино и подарил ему встречу с самым любимым существом на Земле – лошадью! Звали его Валерий Сергеевич Филатов. Сын чемпиона мира по выездке и сам прекрасный специалист конного дела, он был постановщиком трюков и тренером актёров, занятых в батальных сценах картины. Филатов запомнился ему как очень принципиальный, резкий, внимательный тренер, не позволяющий шутить с четвероногими братьями. А тем – делать что-либо против воли всадника. Соответственно, всадник нёс серьёзнейшую ответственность как за здоровье коня, так и за становление его характера.

Карин говорит, что «Валерий был добрейшим человеком и скоро стал для большинства из нас другом. На занятиях Филатова мы репетировали, помимо всего прочего, сцены баталий, приучали лошадей к сабельному бою и сами овладевали этим интересным и очень специфическим делом. Подобный бой подразумевал почти автоматическое управление конём».

Позже добавился ещё один элемент – учились выбирать талантливых и пригодных для подобных упражнений лошадей. Они должны быть и храбрыми, и гибкими телом.

Что же, Карин активно осваивает профессию каскадёра кино. Хочу особо подчеркнуть – это одна из самых сложных и рискованных профессий в кинематографе. Каскадёр – исполнитель сложных и опасных трюков. Наименование профессии определилось от заимствования из французского языка «cascadeur», что означает: «каскадный актёр, актриса; трюковый артист, трюкач»; любитель риска».

Зачастую каскадёры дублируют, то есть, подменяют актёров в кадре на время выполнения трюков, если актёры не могут сами выполнить сложную задачу режиссёра. В случае «подмены» или дублирования актёра каскадёром для съёмок

подбирается каскадёр (дублёр), похожий по телосложению на актёра. Каскадёра гримируют под актёра и во время выполнения трюка его не снимают крупно анфас – так для зрителя подмена актёра каскадёром остаётся незаметной.

В СССР дублёры актёров впервые были использованы в 1934-м при съёмках комедии «Весёлые ребята», чтобы максимально реалистично снять сцену драки оркестрантов... А в фильме «Смелые люди» (в 1948 году) впервые в советском кино известный наездник Алибек Кантемиров разработал и выполнил технику подсечки – падения с лошады. Подсечка станет, впоследствии, классическим конным трюком, а правила Кантемирова – основой техники нескольких поколений конных каскадёров.

Однако многие годы в советском кинематографе профессия каскадёра не была узаконена. У советских каскадёров не было единой тренировочной базы с залами для репетиций, им приходилось самим изобретать сёдла, упряжь, сложные приспособления для рискованных трюков. Нет и постоянной зарплаты, следовательно, не идёт непрерывный стаж работы. В общем, многое держалось на сплошном энтузиазме и любви к своему ремеслу. На неких временных частных школах или группах по обучению трюкачей под конкретные кинофильмы.

Лишь к середине 1980-х каскадёры сами стали создавать различные профессиональные объединения. Возросла и роль каскадёра-постановщика. Однако, в трудовых книжках представители каскадёрского цеха по-прежнему значились дворниками, малярами, сторожами или, в лучшем случае, спортивными тренерами.

В целом в советской киноиндустрии «трюкачей» было немного. Наверное, поэтому они ощущали себя настоящей кастой, войти в которую людям со стороны было крайне сложно. Как пишет на сайте «Энциклопедия кино» известный российский киновед и архивист Пётр Багров, всю работу делили между собой примерно 120 человек (на «Мосфильме» трудилось около 80): «Максимальная стоимость трюка не превышала 56 рублей. Чтобы получить больше, нужно было договариваться с оператором: он «браковал» первый, а то и второй дубль (по распоряжению Госкино их должно было быть не более двух), а за повторное исполнение трюка каскадеру полагалась надбавка в 50 процентов от утверждённой ставки...»

Особое поколение «трюканцев» на пути Александра Карина в каскадёры – конники-спортсмены, работавшие в кинематографе и не имевшие постоянного коллектива. «Не скрою, – отмечает Александр, – контингент слыл сильно пьющим, что не мешало делать хороший каскад с минимальным для дела снаряжением. Обычно оно ограничивалось кожаной лонжей (арканом, верёвкой) для подсечки лошадей и парой эластичных бинтов. Не много...»

Трюковая бригада кинофильма «Эскадрон гусар летучих» состояла из двух казаков с Дона – Богородского и Стагнеева, и троих москвичей из спорткомплекса «Спартак». Позднее к ним присоединились прибалты...

Рабочее расписание бригады вызывало у киногруппы удивление и постоянное раздражение. Оставалось тайной, когда каскадёры ели, спали, где брали деньги, почему они до утра шумели по коридорам, а потом режиссёр, актёры и другие работники ждали их по полчаса в автобусах. Утро трюкачам «давалось» с трудом.

Выходили парни с мятыми лицами, прибаутками и уверенностью, что без них «кина не будет». Фильм-то «конный», каскад необходим каждый день, и кинематографисты с кислой улыбкой терпели их буйства и капризы.

«Первый, кто повстречался на моём «трюковом пути», – делится Карин, – и остался впоследствии членом нашей самой конфликтной и опальной группы, был Евгений Богородский. ...Казак по рождению и конник по призванию, он многое не принял в столице и кинематографе. ...Никогда не проходила его тоска по вольному Дону. Постоянно мечтал он вернуться на коне домой, кликнуть батьку и порадовать старика успехами в делах и боевой казачьей славой».

По колориту и по немислимым «коленцам», которые выплясывал в кино Евгений, он в группе был первым. Неубиваемая цивилизацией индивидуальность, богатая поговорками речь, странные обиды на всё и вся после лишнего стаканчика, безумная любовь к лошадям делали его фигуру всегда заметной в работе и компаниях: «Закрою глаза и тут же вижу Богородского, вылетающего на киноплощадку эдаким Пугачёвым: глаза горят, конёк в сборе, посадка атаманская, усы закручены! Кто в советском кино не знает Женьку? Нет таких».

Ещё одним верным другом Карина по ремеслу стал каскадёр Александр Андреев: «Закрою глаза и вижу подаренную матерью покойного друга фотографию: ему лет семь, он стоит на тротуаре и его маленькая фигурка отражается в послегрозовой луже, причём, смотрит он в небо, и вода ясно дублирует его позу... Есть у меня кадры с его падением на горящем автомобиле в воду с высоты восемнадцати метров, есть и другие, но именно эта нечаянная композиция «детства и неба» – первое, что возникает в воображении...».

Встреча Карина с Андреевым состоялась также на съёмках «Эскадрона». Потом были годы совместной работы – трюки, падения, травмы. Напомню, после фильма «Эскадрон гусар летучих» у Александра почти год не было рабочих предложений. В этот период жилось очень нелегко, приходилось даже занимать деньги у друзей.

В ту пору он «мелькнул» в нескольких небольших телефильмах, в постановке фехтования в бенефисе Татьяны Дорониной, и только к осени 1980-го пришло интересное предложение от организаторов кинокартины «Ярослав Мудрый». На этом историческом материале он вновь встретился с Андреевым и Богородским, и в дальнейшем они трудились «вместе, объединившись к тому же с тремя выходцами из Киргизии: Усеном Кудайбергеновым и братьями Саттаром и Султаном Дикамбаевыми...».

Но прежде – несколько слов о бенефисе Татьяны Дорониной, мастерство которой «зацепило» Карина за душу.

Режиссёром-постановщиком кинодействия стал Евгений Гинзбург, задачей которого было раскрыть все грани актёрского таланта Татьяны Васильевны. Она играла в классике и современной драме, танцевала и пела в мюзикле, представляла в образах королевы Елизаветы и Марии Стюарт, Аркадины, Альдонсы, Прекрасной Елены, Шахерезады, Снежной королевы и Герды, Золушки.

В работе над лентой участвовали звёздные актёры Н. Караченцов, А. Джигарханян, Э. Виторган, А. Балтер, Н. Крачковская, Е. Стеблов. А также – артисты балета

Московского театра оперетты, Московского ансамбля пантомимы и Московского театра пантомимы, инструментальный ансамбль «Мелодия» Всесоюзного радио и Центрального телевидения.

В такой престижной компании очень даже здорово показала себя группа каскадёров под управлением Александра Карина, которого Е. Гинзбург пригласил «на постановку сцен фехтования и небольшой трючок». Пролетая на канате над альковым, где нежились персонажи Т. Дорониной и Э. Виторгана, он должен был разрушить его ногами и упасть на пол. Выполнить это получилось «очень натурально, но больно». Александр с удовольствием рассказывает:

«Описываю этот трючок в противовес оригинальной работе Татьяны Васильевны. Она должна была пройти через коридор шпажистов, отразив их атаку тройкой ответных защит и молниеносным выпадом. Но! Вместо этого Доронина смела моих партнеров градом ударов, после чего подошла ко мне и шепнула:

– Саш-ша, кто-то задел мне лезвием причёску!

Я успокоил:

– Накажу, бывает...

А про себя подумал: о, женщина, вам нельзя давать оружие, это может кончиться гибелью нас, усатых слабых существ... Однако пришлось сделать ещё пару дублей и на все мои вежливые советы обходиться лишь тройкой предложенных ударов шпагой, она вновь разметала напавших и пришлось похвалить:

– Татьяна Васильевна, великолепно исполнено!

Режиссёру тоже понравилось, хотя он понял, что это была лихая импровизация, а не точное исполнение постановки боя. Н-да... Ну и темперамент, прелестная Татьяна! На этом возгласе, с величайшим сожалением закончу описание краткой встречи с любимой актрисой. С Евгением Гинзбургом мне ещё посчастливится потрудиться на весёлом фильме «Золотое руно или Путешествие будет опасным». А вот с Татьяной Дорониной больше свидеться не удалось...».

Большой красочный фильм «Ярослав Мудрый» предоставил Карину не только возможность частично вернуть долги, но и по-настоящему раскрыть свой талант. Позволил ему поставить несколько отличных эпизодов драк на холодном оружии, сыграть небольшую роль и, главное, – начать делать вполне серьёзные трюки.

Ему многое удалось в этой ленте, прежде всего, потому что в съёмках участвовали лучшие друзья – трюкачи Андреев и Богородский. Правда, они уехали через неделю, на другой фильм, но это уже другая история...

Не обходилось на съёмочной площадке и без травм: «Сашка (Андреев) всё это время страдал. При подсечке лошадь чуть не размозжила ему грудь седлом, и по ночам он пил то таблетки, то водку. Легкая травма сердечного клапана дала о себе знать только два года спустя».

Без мнимых трюкачей тоже не обходилось. На «Ярославе Мудром» объявился «постановщик каскада» некто Потокин. Александр видел его ещё на съёмках «Эскадрона», но «там он зажёл пороховую дорожку против ветра, обгорел лицом и исчез». Очевидно позже, лёгкие шрамы на коже позволили убедить режиссёра Григория Кохана, что он «крутой» и может сделать всё.

И вот он начал...

Дождь. Молодой князь прощается с простолюдинкой Любавой во дворе дома её отца, охрана на конях у ворот, режиссёр, оператор, гримёры хлопчут вокруг героев сцены, а Потокин, ломая кусты, влетает эдаким «гонцом из Пизы» и поздно вато тормознув, заваливается перед всей трудовой кампанией вместе с лошадей – люди и камера заляпаны грязью. Второй дубль отложили на завтра.

Отличился парень и в другом эпизоде – свадьбе Ярослава с половецкой княгиней. В разгар веселья вспыхивала драка, каскадёры слаженно отработали общий план, а Потокину достался сольный номер. Он должен был получить удар мечом в живот и, «раскусив презерватив с «кровью» и пустив жуткую струйку, упасть вниз с высоты трёх метров. Однако «вояка» не смог прокусить изделие советской медицины и, шлепнувшись о спецмат, почти проглотил презерватив! Понадобилось немало усилий киногоруппы, чтобы спасти незадачливого каскадёра.

«Я мог бы ещё долго рассказывать подобные случаи, – поясняет Александр, – но лучше продолжу о лучших представителях профессии...».

5.

Актёр, каскадёр и постановщик трюков Александр Александрович Карин был очень востребован при создании многих советских кинофильмов. С 1978-го по 1989 годы он принял участие в производстве более 100 кинолент. Среди них, кроме уже названных, он сам выделяет такие, как «Русь изначальная», «Россия молодая», «Пётр Великий» (исторический сериал советско-американского производства), «Объездчик», «Отряд», «Кармелюк», «Война». Можно ещё добавить «Вам и не снилось...» «Предчувствие любви», «ТАСС уполномочен заявить...» и многие другие.

Однажды он признался, кто стал для него образцом актёрской вершины, на чей талант, опыт и знания он ориентировался и старался быть похожим:

«Простите за нескромность, но будучи и физически схожим, я отождествлял с Брандо не себя, а себя-актёра. (Марлон Брандо американский актёр; родился 3 апреля 1924 года, умер 1 июля 2004 года). Пожалуй, только в фильме режиссёра Александра Бибарцева «Объездчик» и в возрасте 34-х лет я лишь чуть-чуть приблизился к школе моего Учителя и то со слов других. ...С величайшим удовольствием добавлю и о воздействии русских актёров на моё понимание профессии. Конечно же, в ряду первых стояли Сергей Бондарчук (фильмы «Судьба человека», «Война и Мир»), Евгений Матвеев (Макар Нагульнов в фильме «Поднятая целина»), Олег Стриженов («Сорок первый», «Путешествие за три моря»), уникальный Ролан Быков, забытый всеми Владимир Дорофеев (гениальный дед Щукарь в «Поднятой целине»), Николай Симонов («Пётр Великий»), а далее... Далее список явно гениальных актёров пополнился бы ещё десятком фамилий – дар XX века!»

Карин не мог стоять на месте – постоянно работал над собой, развивая и углубляя свой талант, свои профессиональные навыки и умения. Именно с этой целью он в 1987 году поступил на двухгодичные Высшие курсы режиссёров и сценаристов

Госкино СССР, в мастерскую известного актёра, режиссёра, сценариста, педагога, народного артиста СССР Ролана Быкова.

Эти курсы были созданы в начале 1970-х как творческие мастерские, тяготевшие к индивидуальным формам обучения, тесному контакту мастеров с учениками. Набирали маленькие учебные группы – от 4 до 8 человек, а в дальнейшем даже по 2-3 человека. Мастер помогал учащимся на всех этапах работы над учебными заданиями и на съёмках фильмов. А те, в свою очередь, помогали ему: как правило, во время обучения мастер сам снимал фильмы, – учились у него прямо на съёмочной площадке. Каждая мастерская занималась по собственному плану, составленному её руководителем.

Курсы долго не имели своего помещения. До 1979 года располагались в двух небольших комнатах в здании московского Театра киноактёра на улице Воровского. В 1979-м получили часть первого и цокольного этажей в жилом доме по Большому Тишинскому переулку, 12.

Во все времена существования курсы славились своими просмотрами в рамках учебных программ, в которые входили лучшие фильмы мирового кино из коллекции Госфильмофонда СССР. На курсах Ролан Быков руководил производственной практикой, читал лекции по кинорежиссуре, был шефом мастерской режиссёров игрового кино.

Об этом отрезке жизни Александра Карина так же известно не много. Сам он в своих мемуарах уделил учёбе на курсах совсем мало внимания. Можно лишь догадываться о конечной цели его обучения: Карин всерьёз намеревался попробовать себя в ипостаси режиссёра кино... И, между прочим, в 1989-м, как режиссёр-постановщик, снял фильм «Страна Трюкландия», преисполненный сатиры и юмора, о жизни и работе каскадёров.

Удалось найти небольшую заметку, из которой вытекает, что Александр Александрович на курсах Ролана Быкова работал над фильмом с названием «Война».

Он пишет, что однажды в Киеве познакомился с уникальным человеком Женей Очертяным. Тот оказался заведующим авиапарком киностудии имени А. Довженко: «Меня это очень заинтересовало:

– Ты можешь пригнать ко мне на съёмку курсовой работы (мастерская Ролана Быкова) «Мессершмитт»?

– Конечно! Но надо купить запчасти к мотору, и я из двух соберу один.

Я удивился:

– Серьёзно?

Он, в тон, ответил:

– Я ж казак, Саня!

Мы сговорились на том, что пришлю из Москвы 450 рублей, столько же найдёт он, и как только двигатель будет готов, позвонит. Казак сдержал слово. Мне было всё равно, где снимать эпизод, и Женя предложил недалеко от Винницы... Теперь пару слов об эпизоде, а, конкретнее, трюке. Дело в том, что будущий голливудский актёр Витька Иванов напрочь отказался сниматься в «Стране Трюкландии». Тогда я, в

присутствии каскадёров, предложил ему такую ерунду – прыгнуть с колес «Мессера» в подушку из коробок. Он ужаснулся, но отказаться не смог – трюковой закон суров! Я же был абсолютно спокоен – самолёт пойдет на бреющем, подушка 3 метра высотой и 25 метров длиной – промахнуться сложно.

Итак, я позвонил Жене и уточнил дату съёмки. Он сказал, что вылетит на «Мессере» из Киева ночью и тут-же сообщит, куда нам приезжать. Фантастика, не правда ли?! – Но было. Однако за Киевом в хвост «Мессеру» пристроились два военных истребителя и под угрозой уничтожения заставили его сесть на каком-то аэродроме.

Тут же на киностудию Довженко пришла такая «телега», что дирекция, с трудом вытащила и самолёт, и казака обратно. Храбрец потерял на время работу, я устал объясняться с военными и студией, но в итоге, дело «замяли». Почти погибший Иванов воспрял духом, но я предложил ему исполнить падение с вертолётки – первый дубль за мной, а второй сделает он. Мы подгадали под праздник авиации на аэродроме Планерный и исполнили. Маленькая деталь – вертолётчик был с такого перепою, что мы только чудом остались в живых».

Чего тут было больше: бесшабашности или авантюризма, – сказать трудно. Но совершенно очевидно, что каскадёры – смелые парни, которые делают для кино опасные трюки: спады, волочения, подсечки, горения, падения, невероятные прыжки. А главное, Карин обожал своё опасное ремесло. «Моя любимая профессия позволила объездить СССР вдоль и поперёк, – подчёркивал он. – А города Вильнюс, Киев, Тбилиси, Ташкент стали близкими и любимыми».

Так, вероятно, и есть. Потому что без любви заниматься этим делом непросто: реальные доходы людей этой рискованной профессии всегда оставляли желать большего. Сам Александр вместе с друзьями – этими «рыцарями без страха и упрека» – не раз предпринимали самые разнообразные попытки, чтобы «добиться, наконец, материального уровня достойного советского каскадёра». Увы...

Зато травмы постоянно преследуют каскадёров. Хорошего в этом мало, однако спустя время Александр вспоминает об этом с иронией:

«Новый фильм назывался «Юность гения, или Авиценна». (Съёмки шли в 1981 году). Снимал его талантливый и интеллигентный режиссёр Ильёр Ишмухамедов. Картина нуждалась во многих конных трюках и небольших баталиях. Сами понимаете, нас это очень радовало! Голодная зима миновала, мы подписали контракты и вновь обрели некий официалитет.

...Хороши восточные лошадки! Обученные хозяином бить и кусать любого, кто приближался на опасное расстояние, они доставили каскадёрам массу хлопот. Чтобы въехать в кадр, каждый из нас просил владельца предварительно накинуть на голову коня халат, прыгал в седло и затем на виду у смеющейся киногруппы демонстрировал эпизоды родео. Надо сказать, занятие интересное, но не тогда, когда стоит камера, одеты актёры и т. п.

...Изготовились камеры, люди, лошади, и по команде: «Мотор!», – пошёл заезд. «...Авиценна спасался от погони. Его конь вылетел на обрыв, замер на мгновение и ринулся вниз!» (Почти цитирую сценарий). Всё так примерно и вышло. Конечно, «слуги эмира», то есть, мы, долго загоняли коня гения медицины короткими

арапниками на обрыв и очень переживали, что он не хотел прыгать, но трюк в итоге получился! Как мы и предполагали, каскадёр Усен сидел в седле до конца. Причём, сначала вынырнул жеребец, а уж потом он.

– Коня спасите! – завопил директор фильма.

– Меня, – выдохнул отбитыми лёгкими Усен.

Каскадёры попрыгали в реку. Горная, мутная от дождей и необычайно сильная, она с радостью подхватила всех и понесла к далёкому бетонному мосту. В такое половодье выжить между его опор было сложно... Как нас ни вертело, ситуация просчиталась сразу. Султан отбуксировал Усена, а Андреев, Саттар, Богородский и я пустились в догонялки с лошадыю...

Вопрос:

– А почему не предусмотрена страховка?

Ответ:

– На это нужны средства, а жизнь советского каскадёра дешевле!»

Или вот ещё откровения:

«Травмы заживали в моём изрядно побитом теле феноменально быстро. Очевидно, тело понимало, что надо снова много падать, чтоб зарабатывать и хоть как-то поддерживать трюковую легенду об обеспеченных и беспечных каскадёрах. Неожиданно позвонили с таджикской студии и предложили... явиться в Душанбе и форсировать горную реку. Услышав согласие, ассистент удивился: «А как плечо?» Что я мог ответить? – «Новое выросло!» Может, без особого юмора (прямо скажем), но впечатление складывалось именно такое: то руки поднять не мог, а то плавать начал, как перед соревнованиями!

...Вода в реке была такая, что хотелось кричать, как в бане от веника! «Плюс пять градусов» обжигали тело огнём. По кинотрадиции рвались верёвки переправы, не срабатывала камера и т. п., – накупались до хрипоты и лёгкой температуры. Трое суток в горной водичке высоко над уровнем моря – это на любителя! Андреев нашёл потрясающее (древнее, разумеется) средство: немножко киргизского мумиё плюс очень много русской водки, – и пьющие вылечились!

...Пришла телеграмма из Одессы. Предлагалось быть через день, постановщик трюков – Николай Карпов (первый, кто пригласил меня в кино). Назавтра, по прихоти «Аэрофлота» или ввиду нашей настойчивости и обязательности, Сашка и я позавтракали в Душанбе, пообедали в Москве и вкусно поужинали в уютном ресторанчике на знаменитой Дерибасовской.

Карпов поставил несложные задачи: стрельба по бандитам, затем по чекистам, драки, пробеги по крышам. Потом Андреев выдавил спиной огромное окно дворца графа Румянцева, а я, дублируя другого героя, прыгнул в яму депо под идущий трамвай и сломал обе кисти. Сердобольная старушка-вагоновожатая никак не могла «переехать» каскадёра в установленном месте, а посему пришлось рухнуть в ремонтную яму чуть раньше. Соответственно, там меня не ждали, – пол был залит маслом и ноги разъехали моментально, обрушив на руки всю инерцию падения. Пошла, как говорится, «невезуха!» Старушка плакала от жалости, а я от ярости – снова простой и безденежье!»

Да уж... Как говорится, знал бы, где упасть – соломки бы подстелил. Но в жизни возможно ли прожить без ошибок? Или не может быть всё гладко и хорошо? А если бы так было, наверное, жизнь каскадёра была бы слишком пресной и скучной...

К сожалению, трагедии среди каскадёров – не редкость. Близкий друг Александра Карина – Александр Андреев не прожил и тридцати лет. В мир кино Андреев попал на 21-м году жизни, когда позади были школа-десятилетка, завод, занятия спортом, служба в десантных войсках. Любил читать Пушкина, Марка Аврелия, Бальзака, Омара Хайяма, Ахматову, Хемингуэя, Сирано де Бержерака.

Он не хотел быть простым трюкачом, случайным дублёром в кино – он становится опытным постановщиком трюков, актёром-каскадёром. В киноиндустрии его хорошо знают, в его работе нуждаются. Учитывая его опыт и авторитет, американская кинокомпания «ПТГ Продакшнз ЛТД» приглашает его на съёмки фильма «Пётр Великий». И на десятки других лент (общим числом 76 за годы его работы каскадёром) режиссёры тоже приглашали его с удовольствием.

За уникальный трюк в зрелищном фильме «Капкан для шакалов» Андреев получил специальный диплом «За мастерство исполнения трюков» Всесоюзного кинофестиваля в Алма-Ате. Этот трюк считается самым опасным автомобильным трюком в истории советского кино, и его хочется выделить особо. Выполнил его Александр Андреев. В одной из сцен он летит на горящей «Волге» с обрыва в реку, на ходу выпрыгивая из автомобиля. И – никакой вам компьютерной графики и спецэффектов, только – безграничное мастерство бесстрашного мастера.

Андреев в «киношном» кругу считался Профессионалом с большой буквы. Но так было не всегда.

В 1985 году приказом № 220 (от 27.06.1985) Госкино определило организацию трюковых съёмок в кинематографе. Ввели удостоверение «Исполнителя трюковых съёмок» (слово «каскадёр» Госкино не приняло) и Положение об оплате труда.

К сожалению, по оценкам экспертов, данный документ имел скорее негативные последствия. Согласно его положениям, к исполнению трюков допускались лишь имеющие звание мастера спорта... Это поощряло дилетантский подход к делу: получалось, что профессиональное обучение каскадёру не нужно, достаточно быть спортсменом со званием.

По мнению многих профессиональных каскадёров, именно этот приказ дал «зелёный свет» кустарному способу производства трюков. А проводниками этой линии стали новоиспечённые «организаторы трюковых съёмок», введённые в штатные расписания «Мосфильма», «Ленфильма», студии имени А. Довженко, Рижской киностудии. В аттестационных комиссиях по отбору исполнителей трюков практически не стало известных и опытных мастеров. При этом статус каскадёров по-прежнему оставался неопределённым. О защите профессиональных и социальных прав речь не шла.

У Александра Андреева звания мастера спорта не было. По этой причине аттестационная комиссия, составленная, как считают многие представители каскадёрского сообщества, из ловкачей и бюрократов, отказала ему в выдаче официального удостоверения. Весь смысл жизни опытного, сильного духом и телом каскадёра от Бога рухнул, произошёл трагический слом. Он пишет отчаянные

письма на V съезд кинематографистов СССР, на «Мосфильм». Тщетно... «Без этого мне не жить!» – повторяет он своим друзьям, которые ещё не подозревают о приближающейся трагедии.

21 октября 1986 года Александр Андреев ушёл из жизни... Это случилось в Ленинграде. Карина потрясла гибель друга. Вместе с другими друзьями-каскадёрами он участвовал в его погребении: «На крышку гроба я прибил длинный двуручный меч. Мы сказали последние слова, и наш Сашка исчез под землёй...».

Сам же Александр Карин сумел добиться официального каскадёрского статуса. Снимался и как трюкач, и как актёр в целом ряде фильмов, среди которых уже отмеченный «Эскадрон гусар летучих» (роль Бедряги), «После войны – мир» (1988 год, А. Карин в роли Ивана Платонова), «Хлеб – имя существительное» (1988, роль Митьки Кручинина), «Мать» (1989, роль Андрея Находки)...

В 1989 году у Александра, только что окончившего двухгодичные Высшие курсы режиссёров и сценаристов, большие амбиции и обширные планы. Если бы человек умел заглянуть в Книгу Судеб, которую на Востоке именуют Книгой Мактуб...

6.

Многим каскадёрам, кто удержался в профессии, далеко не всегда удаётся надолго сохранить здоровье, а то и саму жизнь. Примеров этому – не счесть. Не удалось избежать этой участи и Александру Карину.

Летом 1989 года он получил приглашение принять участие в Первом международном фестивале каскадёров мира, который организовали во французском городе Тулузе. Александр Карин и его коллеги: Антон Смекалкин, Влад Барковский, Костя Кищук, Александр Андреев-Второй в составе команды под руководством Виктора Иванова представляли там Россию.

По сценарию праздника им предстояло на глазах у публики совершить парный прыжок с многометровой вышки. Приземлиться смельчакам предстояло на «приход» – специальную подушку высотой 2,5 метра, сложенную из пустых картонных коробок и поролоновых матов. Надо было, прыгнув вперёд головой, перевернуться в воздухе и опуститься на спину. Карин на мгновение не успел «довернуть»...

В десятках различных публикаций нашлось немало описаний этой трагедии, круто изменившей жизнь нашего героя. «Александр Карин начал падать лицом вперёд, не успел перевернуться при приземлении на спину», – говорит один автор. «Надо было падать с высоты... На видеоматериале отчетливо видно: Александр летел вниз не спиной, а головой – буквально пронзил страховку...», – рассуждает другой.

Или вот ещё: «Рассказывают, когда он поднимался на вышку, к нему подбежал директор фестиваля и заставил подписать страховку. За рубежом без страховки нельзя выполнять трюки. В итоге Саша стал инвалидом и получил эту страховку», – сообщается в одной из заметок о том несчастном дне, который, чем дальше – тем больше, обрастает легендами и суевериями.

Сам Александр сказал об этой трагедии так: «...При неудачном падении с тридцати метров сломал позвоночник, живу теперь в красивом, радушно принявшем нас с

женой Париже...». Это написано им спустя время после злосчастного случая, когда многое уже пережито и осталось позади, в воспоминаниях и навязчивых снах.

Травма оказалась тяжёлой. За ней последовали долгие месяцы лечения в лучших клиниках. Александр боролся за себя сам, ему помогали выжить и выстоять врачи, близкие, друзья и просто знакомые – почитатели его таланта.

Ему писали письма со всех уголков страны – желали здоровья, веры в свои силы. Вот одно из писем: «Александр, восхищаюсь Вами! Мой друг Андрей лежал с Вами в Институте нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко... Я видела всех великолепных актёров, которые приходили к Вам – Терехову, Скоробогатова и прочих. Видела Вашу очаровательную юную подругу, которой Вы обещали венчаться в Соборе Парижской Богоматери...».

Виталий Тарасенко, режиссёр документальных телефильмов творческого объединения «ЭКРАН» Гостелерадио СССР вспоминает:

«Есть мой документальный фильм с Александром Кариним, где он пребывал на самых первых этапах (можно сказать смело, спасения) лечения в московской клинике спинно-мозговых травм (Всесоюзного центра спинномозговой нейрохирургии и электростимуляции органов), которой руководил профессор А. В. Лифшиц. Там его буквально вытаскивали из небытия. Рядом были мама, друзья, коллеги-каскадеры и ...Ангел Хранитель! Саня оживал на глазах и соседям по палатам своим оптимизмом внушал веру в жизнь. Таков сильный дух у этого красивого, талантливого человека!

Александр, дорогой, очень часто вспоминаю тебя, наши съёмки в больнице у Лифшица. Какие с тобой происходили метаморфозы преображения, твой мощный дух, вера, сила воли поднимали тебя из небытия! И мама, великая твоя мама! Её любовь и доброта окрыляли тебя, заставляли заниматься, поднимать штангу, улыбаться, смешить друзей! И невеста, и Рита Терехова, и Любочка Соколова, и врачи с медсестрами, и мы – съёмочная группа, все, кто любили тебя и любят, помнят – знали, что ты вернёшься в Париж и ещё многое сделаешь интересного в искусстве!»

Фильм Виталия Тарасенко, кстати, называется «Сотвори добро ближнему». Есть и ещё одно, более известное документальное кино про Александра Карина «Очень вредное производство на фабрике грёз» (режиссёр Центральной студии документальных фильмов Татьяна Юрина). В нём я узрел последний полёт Александра. Здесь это отчётливо видно. Из фильма же я узнал про его друзей, про сложности и метаморфозы жизни и профессии трюкачей.

Французская сторона сразу же выплатила травмированному Александру Карину 500 тысяч франков страховки. Этих денег хватило на месяц в реанимационной палате, на спецборт до Москвы, чтобы попасть в московскую клинику 17, где он лечился и упорно пытался снова начать ходить, на возвращение в Париж, где его тоже ждала больничная палата...

В 1990 году он окончательно стал парижанином. Там ему назначили пенсию, выделили квартиру в Париже, недалеко от Булонского леса. Вернуться в профессию уже, к сожалению, было невозможно.

Между тем, и в нашей стране в начале 1990-х начали «поворачиваться лицом» к решению профессиональных проблем российских каскадёров. Так, профессия «каскадёр» впервые получила официальную регистрацию в Министерстве труда России. Появилась Ассоциация «Каскадёры России» (АКР), объединившая около 150 исполнителей трюков в кино из стран бывшего СССР. АКР начала добиваться достойной оплаты труда каскадёров, обеспечивать их юридическую и материальную поддержку.

АКР взяла на себя социальную защиту ушедших на пенсию каскадёров и отчасти – функции кадрового агентства. Ассоциацией, в частности, были утверждены пенсии двум каскадёрам: Александру Карину и его коллеге и инвалиду Олегу Савосину, работавшему на производстве картин «Неуловимые мстители», «Место встречи изменить нельзя» и в других фильмах...

Но вернёмся в Париж, к семье Кариных. О своей личной жизни они почти ничего не рассказывают. Александр Александрович какое-то время пытается найти себя, придумать себе занятие, чтобы не впасть в хандру, известно, чем она заканчивается у многих русских...

Да, передвигаться теперь приходится на коляске либо на машине, но в конце концов Александр Карин – актёр, каскадёр и постановщик трюков – выбирает писательскую стезю. Человеку с его биографией и жизненным опытом, действительно, есть о чём поведать людям. К его удостоверению члена Союза кинематографистов прибавилось членство в Союзе писателей России.

Александр написал и издал автобиографический роман «Страна Трюкания», книгу «Господа каскадёры», которые стоят в особом ряду его творчества. В последующем они прошли через переиздания. Есть у него сборник рассказов «С атомом в сердце» (2011), книга фантастики «Путешествие Синдбада на Русь» (2018), «Ма Бэль» (2018), «Сага о разведчиках» (2018) и многие другие произведения.

Книги Александра Карина воспевают настоящую дружбу, мужское братство, героическую работу, честь. Кстати, многие его аудио- и электронные книги доступны желающим познакомиться с его творчеством.

«Его проза насколько поэтична, настолько же и реалистична, и читая её, веришь автору так же, как его падающим с десятого этажа или выпрыгивающим из горящей машины героям. А вера – это одна из главных составляющих в искусстве», – отмечали выступающие на состоявшейся в Центральном доме литераторов в Москве презентации книги Александра Карина «Господа каскадёры», вышедшей в московском издательстве «Наш дом» с предисловием французского актёра и драматурга Жерара Баррэ.

В короткой рецензии (статья «Песня о соколе», «Независимая газета», 24.05.2007) отмечается, что «главная часть книги «Страна Трюкания» – это воспоминания Карина о друзьях-каскадёрах, о многочисленных съёмках, о том, как некоторые дорогие ему люди погибли.

Но у автора этот текст не похож на некролог, посвящённый прошлому: Карин в разных местах намекает, что если вдруг случится чудо и он выздоровеет, то

неприменно вернётся на съёмочную площадку. «О, если б в небо хоть раз подняться!..» – Карин грезит о трюках, о профессии, которой посвятил жизнь...

А короткое вступление к «Господам каскадёрам» знаменитого французского актёра Жерара Барре, того самого, который играл д'Артаньяна во франко-итальянском двухсерийном фильме «Три мушкетёра» (1961), которое начинается словами: «Представляю вам друга!», – заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«...Где ты берёшь эти сюжеты? Кто тебя вдохновляет? Гении сюрреализма Бунюэль и Дали с их «Андалузским псом»? Бретон, Шагал, Магритт? Саша смеётся: «Возможно, Жерар, но не исключаю, что и многочисленные падения на голову за мою краткую трюковую биографию определили мой взгляд на жизнь».

Он таков, мой русский друг Александр Карин, чувство юмора всегда при нём. Я перебираю страницы его новелл: «Абсолютно новая жизнь», «Плач дрели», «New Look», «Смерть ножниц», «Золотая лошадь Мара» – цыганская сказка, вошедшая в «Антологию европейской поэзии и прозы», и, конечно же, поразительный сценарий «Сын Кремля, или Челюсти Гитлера».

Забавна и трагична судьба их автора...

Впервые он позвонил мне в апреле 2002 года. Голос в трубке негромок, глубок... Как мне кажется, мы говорили обо всём сразу: и о кино (первый фильм, потрясший его не меньше, чем полёт Гагарина: «Три мушкетёра», в котором я исполнял роль д'Артаньяна), и о моём влиянии на выбор его профессий (актёр, каскадёр, режиссёр), о наших детях и моих внуках, о лошадях... В общем, беседа, его характеризующая – казалось бы просто, бытово, в то же время хаотично, но с точно расставленными акцентами.

С тех пор мы дружим. Не помню, кто позвонил вторым, – какая разница? Если пару недель он молчит – звоню я. Он же находит меня и в Тулузе, где мы часто бываем с женой Терезой у моего друга юности. В моём родном городе, где он разбился. «Рядовой прыжок, – говорит Саша. – Очевидно о чём-то задумался».

Однажды я послал ему свою пьесу «Герой любви» (воспоминания сына о сбежавшем в далёком детстве папе, неверной возлюбленной, оперной певице маме, которую тот, обезумев, душит в объятиях). Это, скорее, моноспектакль, который я сыграл пару раз, опубликовал тысячным тиражом, раздарил, оставив десяток книг на полке. Моя проба пера впечатлила Александра: «Как трагично, как неожиданно! Ты необыкновенно талантливый драматург». Он никогда не скупится на комплименты, но я чувствую – они от души.

Десятки раз друг может вспоминать мои фильмы «Три мушкетёра», «Капитан Фракасс», «Скарамуш» – и всегда с восторгом. О своей популярности в СССР до встречи с Сашей я и не догадывался... Не знал, что мои фильмы и теперь показывают в России. Саша познакомил меня с русским кино, прислав мне фильмы Тарковского, Панфилова, Михалкова... Я ему – свои, те, что не были в российском прокате. Недавно получил от него факс – фото любимой автомарки «Бугатти». Господин Каскадёр посетил автомобильный салон. Каскадёр духа. Каскадёр мысли. Знакомьтесь!

Жерар Барре»

Верить или не верить рецензентам – дело читателя. Как говорится, откройте книги современного русского писателя А. Карина, прочтите и оцените сами. Одно бесспорно: «Актёр должен играть, а каскадёр – прыгать и драться, потому что это люди, которые и в огне не тонут, и в воде не горят. Ну разве что изредка» – вот формула того, что хочет донести до нас автор, и ему веришь, уже прочитав первую страницу.

Пишет Александр сказки и новеллы, повести и рассказы, киносценарии и пьесы. Есть даже сны. В его сказках, например, исследователи замечают подражание Г. Х. Андерсену: та же форма, похожие персонажи и грусть:

«В старой парижской коробке доживали свой последний час ножницы. Это был превосходный экземпляр уходящего железного поколения: на стенах в простых, но прекрасно подобранных рамах висели вещи, перекусанные и, несомненно, мастерски порезанные на протяжении долгой жизни г-на Пика. ...Ранее, в начале карьеры, некто определил возможности резцов ножниц так: «И пикнуть не успел!» – в смысле скорости и мастерства раскройки материала...».

Его печатают в журналах и альманахах «Киносценарии», «Литературная учёба», «Октябрь», «Почтальон» (Чехия), «Парижский курьер» (Франция), в «Антологии европейской поэзии и литературы», издательствах ГИТИСа, «Молодая гвардия».

Во многих произведениях писатель Александр Карин пишет о Париже – месте, где теперь постоянно живёт. Но я уверен, что он вспоминает – хоть иногда – своё детство. А, значит, и Прокопьевск, который давно перестал быть большим и знаменитым угольным городом – сегодня там нет ни одной действующей шахты – и, действительно, превратился в обычную российскую провинцию, сибирскую глубинку, которая нет-нет да и рождает замечательные яркие таланты.

Страницы многих его произведений трогают душу, задевают самые сокровенные струны восприятия окружающей действительности. Он сумел снова обрести смысл жизни, снова стать настоящим мастером. На этот раз – в литературе. Но его каскадёрское прошлое неудержимо, а порой и неуловимо присутствует в его произведениях, отчего они становятся подлинными документами, свидетельствующими о минувшем, без которого не состоялся бы настоящий человек.

Не поленитесь, прочтите и прочувствуйте хотя бы этот небольшой отрывок:

«...У старого двадцатидвухлетнего жеребца отказали в воздухе ноги. Мы захлёбывались глиняными струями, тащили его к берегу и негодовали, что он совсем не сопротивлялся течению и не хотел жить! Возле самого моста нам удалось вырвать лентя из потока и вытащить на берег. Казак ярился, бил его под живот, заставляя встать, а конь не мог...

Чуть позже пришёл ветеринар, констатировал паралич и всадил жеребцу длинный штык в сердце – чтоб не мучался.

Достойный конец – прыгать всю жизнь через препятствия, а потом – головой вниз...

Штык в сердце! Я видел подобное несколько раз. В принципе с каскадёрами всё ясно: «Сам умри, а кадр доделай!», а вот с лошадьми...

Однажды я ехал по Подмосковию и увидел на обочине грузовик. В кузове понуро стоял серый конёк, и что-то заставило меня остановиться... Господи! Это же мой первый четвероногий партнёр из школы Филатова.

– Грифель!

Жеребец вяло повернул голову.

– Куда его везёте, парень?

Водитель отшвырнул сигарету:

– На мясо...

Слёзы хлынули из глаз! Я полез в кузов. Кино выбило из Грифеля всё: кожа провисла, хребет в шрамах, ноги опухли, ухо отрезано...

Водитель поразился реакции постороннего и даже помог мне, так как одна нога у меня было загипсована по колено, а на щеке пузырился ожёг. Парень не задавал вопросов. Он завис на подножке и молча наблюдал, как крупный усатый человек обнимал «мясо» за шею, рылся в карманах и просил прощения за кинематограф, за отсутствие сахара, за невозможность выкупить его жизнь...

Сколько же раз я видел свою собственную судьбу как в зеркале! Лошадь Усена с парализованными конечностями, Грифель с отбитым, будто бифштекс, телом, мёртвый друг Сашка с затоптанным советским паспортом в углу ванной – ничто не надоумило бросить романтическое, преступное занятие и начать жизнь сначала... А как?!

Грузовик уехал. Я дал таксисту десятку, и он сигналил пару минут, будто на похоронах».

Однажды кто-то заметил: хочешь понять истинную сущность человека, узнай его отношение к животным, особенно к лошадям. Мы хорошо относимся к другим людям нередко из-за того, что нам это выгодно, ждём взаимную отдачу от тех, с кем дружим. К животным же человек всегда относится искренне. Именно по взаимосвязи людей и животных можно узнать человеческую сущность. Древние мудрецы считали даже эти отношения зеркалом души....

Лошади всегда преданны своим хозяевам. Уверен, каскадёрам известны случаи, когда верный конь спасал своего владельца от неминуемой гибели. Таких случаев история знает немало. Именно поэтому, например, полководец Александр Македонский воздвиг город на месте смерти своего любимого коня Буцефала! У Александра Карина эту тему можно найти в киноповести «Македонский. Охота на львов».

Меня же «зацепил» вот этот фрагмент из очерка А. Карина, посвящённого съёмкам фильма «Объездчик» (режиссёр А. Бибарцев, 1983):

«...Ещё при прочтении сценария я порадовался всей душой, что весь фильм одиночество Игната скрашивала любовь к лошадям, в частности, к серому в яблоках жеребцу, на котором он охранял степь.

Конечно же, когда наступил момент выбора коня на курском ипподроме, мною овладел настоящий цыганский азарт. Но! Тренер выводил лошадей, и мы осмотрели голов двадцать – подходящего не было... Что делать? И тут ветеринар посоветовал взглянуть на племенного Карагёза, который вроде бы походил по

описанию на персонажную лошадь. Как в сказке! Из дальней конюшни привели грязного, нечесаного и беспокойного рысака.

– Орловский?

– Орловский!

Тренер гордо выпрямился, а я отчаялся. Где же искать... По колхозам?

Ветеринар заметил мою расстроенность и распорядился привести жеребца в порядок – помыть, убраться годичный «маникюр» с копыт, оседлать.

Через час во двор влетел серый в яблоках красавец, следом – хохочущий кузнец: «Ей-богу, он хочет у вас сниматься!»

Я залюбовался. Карагёз галопировал вокруг нас, и действительно создавалось впечатление, что конёк понял, зачем мы явились, и старался показать себя повыгоднее. Но ведь рысак, ведь полгода не ходил под седлом, а до этого бегал несколько лет в коляске! Как быть? Попробовать?

– Попробуй! — попросил Бибарцев.

Перебинтовав туго ногу, я сел в седло. Конники замерли – они ждали родео и заранее веселились, предвидя падение артиста!

Честно говоря, я тоже опасался «весёлой езды», к тому же нога едва держалась в стремях, и любое движение Карагёза вызывало боль. Мы все ошиблись! Жеребец, конечно же, поносил меня по двору, но был управляем. Легко поднимался в галоп, и было ясно, что ранее он находился в хороших руках и прекрасно выезжен. Ура!

Несколько дней (до и после съёмок) мы с ним плодотворно трудились, конёк всё вспомнил и даже удивил готовностью прыгать через небольшие барьеры. Мне не удалось только научить его «завалу» (это, как и прыжок через изгородь, предполагалось сюжетом). Возможно, Карагёз неудачно падал во время своей спортивной карьеры, быть может, испытал шок, но при любой попытке дрессуры оказывал сопротивление, граничащее с паникой. Я отказался от затеи. Не помогли ни купания с приготовленным песочком (обычно лошади с удовольствием валяются), ни сахарок, ни, тем более, попытки завалить коня силой при помощи сыромятной петли на ногу.

К счастью, «завал» органично выпал из сценария, и моё трюковое самолюбие не пострадало...».

Кстати, читать сочинения Карина можно на сайтах Проза.ру (<https://proza.ru/avtor/vnu4ok&s=150>) и Стихи.ру (<https://stihi.ru/avtor/akarin>).

Отношение каскадёров – настоящих мастеров, не кустарей – к лошадям впечатляет особо. Однако по-настоящему понять это мне помог Александр Карин.

Сегодня Александр Александрович бодр духом, ведёт активный образ жизни. Уже 30 лет сам водит автомобиль. Где только не побывал за эти годы: дважды – в Италии, три раза – в Бельгии. За рулём проехал Испанию – от Мадрида и обратно. Всех маршрутов и не упомнишь. «Может, ещё напишу что-нибудь», – скромно говорит он о своих ближайших планах. И верится, что он полон творческих задумок...

Ирина Тин (Иващенко): «За свою журналистскую карьеру какие только профессии на себя не «примерила»

В 1991 году в новокузнецкой средней школе № 91 по инициативе директора Бориса Михайловича Берковича и редакции городской газеты «Кузнецкий рабочий» была создана студия-лицей (первый профильный журналистский класс в Новокузнецке, а, может быть, и во всём Кузбассе). Выдержав конкурс, который проводили профессиональные журналисты газеты, Ирина Иващенко успешно туда поступила. Руководил студией известный репортёр Валерий Анатольевич Немиров.

«Валерия Анатольевича я считаю своим первым наставником в профессии, – признаётся Ирина Сергеевна. – Удивительное чутьё на острые и интересные темы, красивый грамотный русский язык, потрясающее чувство юмора и, что немаловажно было для нас, подростков, уважительное и деликатное отношение без малейшего намёка на взрослую снисходительность и превосходство – вот что вспоминаю и ценю. Каждый текст, каждая заметка, каждый репортаж всегда анализировался, разбирался «по косточкам» и по слову».

Она до сих пор помнит ни с чем не сравнимую радость и гордость, когда увидела свою первую публикацию на страницах газеты. А ещё навсегда запомнила одну из самых, пожалуй, важных заповедей журналиста, сказанную именно Валерием Анатольевичем: «Пишите так, чтобы, прежде всего, вам самим было интересно. И тогда вас будет интересно читать и другим».

Ирина родилась 26 августа 1976 года в Новокузнецке. Её отец Сергей Васильевич Иващенко получил инженерное образование и работал металлургом-энергетиком, мама Наталья Никаноровна была библиотекарем-библиографом.

В семье много читали. В доме была прекрасная библиотека из произведений отечественных и зарубежных писателей, родители выписывали большое количество периодических изданий, в том числе детских. Первые предпосылки к выбору профессии у девочки появились в школьные годы. Она писала заметки в школьную стенгазету, участвовала в литературных конкурсах и викторинах. Ну и, конечно же, сочиняла стихи и рассказы, но уже для себя, как говорится, «в стол».

– Стать журналистом решила, когда ещё училась в школе, – вспоминала она в одном из интервью. – Хотя вначале никак не могла определиться с будущей профессией – хотелось быть и врачом, и актрисой, и дрессировщицей в цирке, и учителем, и водолазом. В какой-то момент осенило, что журналистика может дать прекрасную возможность поближе узнать любую профессию и даже попробовать себя в ней! Сразу скажу, что не ошиблась: за свою журналистскую карьеру какие только профессии на себя не «примерила»!

Так совпало или, как говорят, «небеса услышали»: как раз в то время, когда она окончила 9-й класс и окончательно решила стать журналистом, в газете «Кузнецкий рабочий» наткнулась на объявление о первом наборе в журналистский лицей.

Она до сих пор с теплотой вспоминает те годы учебы. Кроме Валерия Немирова мастер-классы в студии-лицее при 91-й школе проводили и другие известные журналисты города: Вадим Речицкий, Александр Белокуров, Татьяна Тюрина, Михаил Зеленчуков.

Школьное обучение шло с углублённым изучением гуманитарных дисциплин. К преподаванию таких дисциплин, как история мирового кинематографа, история музыки, мировая художественная культура, мифология и античная литература директор школы Б. М. Беркович привлекал лучших специалистов Новокузнецка – Л. К. Самошкину,

Г. С. Иванову, И. В. Сивкова.

Большинство занятий было интересным погружением с головой в удивительный мир журналистики и волшебную атмосферу газетной редакции. В течение двух лет учёбы в лицее юнкор Ирина регулярно публиковалась в «Кузнецком рабочем».

Во время обучения в выпускном классе она прошла творческий конкурс на филологический факультет Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева. Но поступать туда не стала, так как ещё с дошкольного возраста, после первой поездки в столицу, мечтала учиться в Москве, в МГУ.

И мечта сбылась! В 1993 году, окончив школу и получив рекомендацию от редакции, девушка поступила в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова – на газетное отделение факультета журналистики. Училась добросовестно. При этом связь с родным городом и газетой не теряла – каждое лето проходила учебную практику в главной городской газете Новокузнецка, а также в еженедельнике «Кругозор».

На факультете, отмечает Ирина, имела честь учиться у лучших преподавателей, настоящих легенд российской журналистики: Я. Н. Засурского (он вёл курс зарубежной журналистики XX века), Л. Е. Татариновой (курс древнерусской литературы и русской литературы XVIII века), Б. И. Есина (курс истории русской

журналистики), С. М. Гуревича (курс теории и экономики СМИ), Н. И. Ванниковой (курс зарубежной литературы).

Кроме того, Ирина регулярно посещала лекции и мастер-классы ведущих журналистов страны. Слушала советы и секреты от Леонида Парфёнова, Татьяны Митковой, Александра Любимова, Юрия Щекочихина, Владимира Яковлева и других профессионалов высокого уровня.

На третьем курсе она перевелась в группу церковной журналистики – впервые в стране такая группа была открыта в 1996 году именно на журфаке МГУ. В рамках этого курса изучала историю мировых религий, историю православия, философию.

На четвёртом курсе Ирину Иващенко приняли на работу в газету «Московский комсомолец», в отдел религии и нравственности. Она специализировалась на расследованиях церковной тематики. Во многом благодаря главному редактору Павлу Гусеву в 1990-е годы «Комсомолка» была одной из самых влиятельных и популярных общественно-политических газет в России. Особую славу изданию принесли громкие политические и криминальные расследования. Именно в этой редакции Ирина приобрела хороший опыт расследовательской журналистики, умение задавать острые и «неудобные» вопросы, профессионально работать с письменными и устными источниками информации.

Уже тогда коллеги стали говорить, что Ирина – личность многогранная, неординарная, ироничная, имеет свою точку зрения на многие вещи и события, иногда оригинальную, порой парадоксальную.

А она решила сменить печатную журналистику на электронную: после окончания вуза в 1999 году Ирина Сергеевна выбрала для себя телевизионную стезю.

В 2000 году пришла на телеканал «Россия» – в информационную программу «Семейные новости», которую производил медиахолдинг Валерия Комиссарова «Моя семья». В программе обсуждались различные типы семейных проблем. Участвовали как профессиональные психологи, так и актёры, музыканты. Беседы обычно проходили в студии, на импровизированной большой кухне. У программы были просто сумасшедшие рейтинги. Что только подтверждает, что обыкновенная человеческая жизнь у людей всегда находится в центре внимания.

Здесь Ирина впервые отличилась: в 2003 году за новостной сюжет о работе Федеральной фельдъегерской службы России её наградили именными часами ГФС.

Затем с 2004-го по 2008 годы она работала автором на «Первом канале» – делала серию репортажей в научно-популярной телепрограмме «Сканер» и в документальном цикле «Звёзды эфира», посвящённом звёздам советского и российского телевидения. Именно тогда она создала свои первые документальные видеофильмы «Анна Шатилова», «Леонид Филатов» и другие, получившие известность у зрителей и признание коллег.

С 2008-го по 2014-й Ирина – продюсер и автор документальных фильмов для «Первого канала», телеканалов «Россия» и «ТВЦ». К этому времени в её творческом багаже – сотрудничество со многими известными журналистами, политиками, спортсменами, космонавтами и звёздами отечественной культуры: В.

В. Жириновским, Н. И. Рыжковым, И. Д. Кобзоном, Л. К. Дуровым, А. Н. Шатиловой, И. Л. Кирилловым, М. А. Захаровым, А. А. Ширвиндтом, Л. И. Хитяевой, Б. В. Волыновым, Г. В. Хазановым.

– Трудно сказать про кого-то одного! – делится Ирина Сергеевна. – Каждая встреча по-своему интересна. Вот, не так давно ушёл из жизни Иосиф Давыдович Кобзон. Я снимала его однажды – для документального фильма о Марке Бернесе. В офис певца на верхних этажах гостиницы «Пекин» наша съёмочная группа приехала за полчаса до интервью – выбрать место, выставить свет, настроить камеру. Думали, в запасе минимум час. Ведь наверняка такая знаменитость и такой занятой человек хоть ненадолго, но опоздает. Но нет! Ровно в назначенное время Иосиф Давыдович вошёл в свой кабинет. Его пунктуальность подтвердит любой журналист! Он уважал и ценил не только своё время, но и время других.

Интервью длилось максимум 30-40 минут. Но вот что удивило и запомнилось больше всего – абсолютное отсутствие звёздности, пафоса, высокомерия. Ни намёка! И второе, ни об одном артисте (а их имён в интервью прозвучало много) певец не сказал ни одного даже не то что дурного – равнодушного слова! А когда мы после интервью вышли вместе в большой холл, на Кобзона накинудись с «обнимашками» несколько подростков. И он с ними только успевал здороваться, обниматься и расцеловываться. Было видно, что искренне рад их видеть. Нашей удивленной съёмочной группе его помощница шепнула: «Это те, из Норд-Оста». А прошло тогда уже лет пять-шесть. Он с ними со всеми дружил, с их семьями, знал всех. Про то, сколько Кобзон помогал артистам – с квартирами, званиями, больницами, выездами за рубеж – не слышал, наверное, только глухой. А вот как помогал детским домам, приютам – тихо и без огласки – знают немногие. После смерти про Кобзона вспоминали (и припоминали!) многое. Я вот запомнила таким.

Псевдоним, которым Ирина подписывала свои творческие работы, – Нина Новикова.

Её личная фильмография, составленная специалистами, насчитывает уже около 50 документальных лент. В этот список входят запомнившиеся телезрителям «Православные чудеса» (2004), «Кавказский пленник. Сергей Бодров-мл.» и «Алексей Стаханов», (2006), «Болезнь гениев» (2007), «Тюремный роман» (2008), «Белка, Стрелка и другие» (2009), «Лев Дуров. Я всегда напеваю, когда хочется выть» (2010), «Две пули для Горбачёва. История одного покушения» (2011), «Драма на Памире. Приказано покорить» (2012), документальный цикл «Остров Крым» (2014), «Ким Филби. Тайная война» (2017). И другие. В своих фильмах Ирина выступает как режиссёр или как сценарист, продюсер.

Немало её фильмов отмечены большими и малыми наградами творческих конкурсов страны. Так, среди фильмов Ирины Сергеевны, ставших лауреатами и дипломантами престижных телевизионных фестивалей, назовём «Болезнь гениев». Он шёл на «Первом канале» и стал дипломантом телевизионного фестиваля «Золотой бубен» в номинации «Лучший научно-популярный фильм» (2008, Ханты-Мансийск).

Документальная лента «Без вины виноватые», показанная на телеканале ТВЦ, удостоена дипломов фестивалей «ДетективFEST» и «Сталкер» (2012). «Драма на

Памире. Приказано покорить», прошедшая на телеканале «Россия», – победитель национальной премии «Страна» (2012).

Фильм «Вячеслав Бутусов. Когда умолкнут все песни», демонстрировавшийся на «Первом канале», взял приз телевизионного фестиваля «Герой нашего времени» (2012). А «Ким Филби. Тайная война» стал лауреатом премии СВР России «За лучшее произведение в области литературы и искусства о российской внешней разведке за 2017 год», а также – лауреатом премии Ассоциации продюсеров кино и телевидения в номинации «Лучшая документальная драма» (2018).

Думается, список наград будет продолжен. Например, вышедший в марте 2022 года на федеральном телеканале «Звезда» новый документальный фильм нашей землячки тоже смотрится с большим интересом. Называется он «Первый искусственный спутник Земли. Главный день».

Фильм рассказывает о важной странице истории российской космонавтики: о запуске первого искусственного спутника Земли, с которого началась новая эра в истории человечества и космическое противостояние СССР и США. Началась небывалая схватка научных умов двух мировых держав.

Соперничество легендарных конструкторов закончилось победой нашего Сергея Королёва. Но почему же сегодня его заслуги ставят под сомнение? Почему Королёва лишили Нобелевской премии? И как спутник Королёва подарил миру Интернет? Все ответы на эти вопросы есть в интересном авторском фильме Ирины Тин.

– Профессия журналиста – фантастическая! – уверена Ирина Сергеевна. – Как уже говорила, прежде всего, из-за возможности знакомства с разными профессиями, с самыми разными сферами и областями жизни. Ну, как и когда ещё я могла бы увидеть, например, операцию на открытом сердце, которую проводил выдающийся хирург Лео Антонович Бокерия? Или увидеть вблизи (а главное – услышать!), как запускает праздничные салюты единственный в России специальный салютный дивизион? А спуститься в атомную подводную лодку? А самой попробовать себя на тренажёрах, на которых тренируются космонавты? Я люблю свою профессию ещё за возможность путешествовать и открывать для себя новые места. За годы работы на телевидении я исколесила если не всю Россию, то уж половину страны точно! Ну и, конечно же, – за возможность общаться с самыми разными интересными людьми.

Несомненно, её волнуют тенденции, которым подвержено современное российское телевидение:

– Когда я училась на журфаке МГУ, нам рассказывали, что у телевидения есть три основных функции – информационная, просветительская и развлекательная. Сейчас, к сожалению, осталась только одна – развлекательная, – с грустью отмечает она. – Какие-то умные, научные, серьёзные вещи в документальном кино на федеральных каналах сейчас практически не делают. Многие люди, которые работают на телевидении, сами его не смотрят. Считается, что если показывать картины, которые заставляют думать, то основной зритель уйдёт. Поэтому руководство придерживается соответствующего направления при формировании эфира.

Сама Ирина занимается документальным кино с начала 2000-х. В 2011 году с коллегой открыла продюсерскую компанию, чтобы заниматься документальным кино в качестве продюсеров.

Сами кинодокументалисты по-разному формулируют определение документального кино. Одни режиссёры считают, что документальный фильм – это, прежде всего, искусство. Другие уверены, что такое кино – форма социальной деятельности, с помощью которой складывается представление о нашей жизни, о проблемах людей. Что главная задача документальной ленты – поднимать социальные проблемы, и в этом его ценность. Ирина Сергеевна относит себя ко вторым. Но от этого, говорит, не становится легче.

– В последние годы в отношении документального кино складывается грустная ситуация, – делится тревогой Ирина. – Можно сказать, что оно практически никому не нужно. Было время, когда на «Первом канале» документальное кино транслировалось ежедневно по будням, потом его перенесли на выходные дни на плавающую сетку. За те годы, что мои коллеги и я занимались документальным кино, оно ощутимо деградировало. Сегодня это такое кино, где главными героями являются исключительно звёзды, независимо от темы фильма. А сами фильмы имеют одну цель – развлекать.

Она переживает за то, что современное телевидение отучает людей думать, развиваться, сопереживать: «Мне кажется, телевидение изжило себя в погоне за рейтингами...»

На сегодняшний день Ирина Сергеевна проживает в Москве. Она уже в той поре, когда накоплен большой профессиональный и жизненный опыт, которым хочется делиться с теми, кто мечтает о профессии журналиста. И она не жалеет на это времени. В 2016 году Ирина заступила на должность специалиста по медиа коммуникациям и начала руководить школьным пресс-центром и выпускать школьную газету «Портфель #1434» в московской школе № 1434.

На вопрос: как часто бываете в Новокузнецке? – отвечает:

– К большому сожалению, в родном городе последний раз была давно. Удивительно, но вот даже все мои командировки как-то обходили стороной Новокузнецк. Хотя в Мариинске была. Но «виртуальные» связи, конечно, поддерживаю. Во-первых, в городе живёт и работает моя мама. Её профессия связана со сферой культуры, поэтому всегда знаю, что происходит в культурной жизни Новокузнецка. Регулярно читаю электронную версию «Кузнецкого рабочего». Просматриваю городские новостные сайты. Ну, и потом, великая сила общения с друзьями из Новокузнецка в социальных сетях! Так что, стараюсь быть в курсе того, чем живёт мой родной город.

Олег Чернов: в поисках самого себя

1.

На этого героя-земляка меня «натолкнул» писатель Гарий Немченко – учитель и товарищ, с которым мы общаемся часто, но всё по телефону. Нередко в этих беседах перебираем разных знакомцев, земляков-кузбассовцев, которых у меня – много, а у Гария Леонтьевича – хоть пруд пруди.

– Вот ты, Серёжа, родился и вырос в Прокопьевске? – утвердительно переспрашивает он, хотя давно знает ответ. – А всех ли известных прокопчан знаешь?

Начинаем считать вместе. Мой счёт заканчивается довольно быстро, а Гарий извлекает из памяти всё новые, неожиданные для меня имена и фамилии. Например, называет писателя Олега Губенко:

– Как же ты не знаешь его?! Он же был заместителем командира казачьего батальона имени генерала Ермолова, в 1996-м участвовал в боевых действиях в Чечне, – выдаёт подробности Гарий Леонтьевич. – Лет с десятков был атаманом Минераловодского отдела Терского казачьего войска. Памятник герою Бородинской битвы, военному и государственному деятелю Алексею Ермолову он поставил в Минеральных Водах. Православный храм воздвиг. Написал несколько

книг о русском казачестве. Когда меня в Минводах завезли к нему в гости, он стол накрыл. Мы посидели, расслабились, разговорились. Я его спрашиваю: «Олег, а сам-то ты родом откуда?» «Из маленького шахтёрского городка, – отвечает, – в Сибири. Да ты и не слышал. Прокопьевском называется...» Тут я вскочил и кричу: «Прокопа! Как не знаю?! Знаю! Я же весь Кузбасс прошёл!» И мы с ним обнялись, как родные...

– Но не он один оттуда родом, – посмеявшись, продолжил Немченко. – Вот ты многосерийный фильм «Морские дьяволы» смотрел?

Кто же хоть раз хоть одну серию из этого нескончаемого сериала не видел?! Конечно, смотрел, – отвечаю.

– Помнишь, там одного из главных героев называют Батей?

– Помню. Высокий такой, фактурный. И что? Он тоже...

– Ну, да! – поражается Гарий моему плохому знанию земляков. – Из вашей Прокопы!

– А ты-то откуда его знаешь?! Неужто и с ним лично знаком? – удивляюсь я.

– Нет, – отвечает Гарий Леонтьевич, и я чувствую, как в трубке звучит это его сожаление. – Я его высмотрел в телепередаче Андрея Малахова «Песни от всей души». Смотрю, парень такой фактурный, лицо угловатое, мужественное. А голос! Он песню хорошую спел «На горе стоял казак – он Богу молился. За свободу, за народ низко поклонился». Про бабушку свою рассказал, оказывается, она родом с Кубани, из станицы Камышеватской Ейского района... А сам-то он, оказывается, из Прокопьевска! Этим запомнился. Вас, прокопьевских, разбросано по свету! Ты к нему присмотришь, актёр он хороший.

Вот я и решил присмотреться к артисту Олегу Чернову, малой родиной которого, как и моей тоже, стал Прокопьевск или Прокопа, как называют город местные...

2.

Родился Олег 23 июня 1965 года в Прокопьевске, в те годы – сплошь угольным. Ведь именно здесь тогда действовали почти два десятка шахт, где горняки добывали лучшие в мире марки коксующихся углей.

Сам актёр признавался, что у него было самое обычное детство: бегал с друзьями по дворам, лазил по крышам гаражей и сараев, играл в «войнушку» с самодельным оружием из веток или деревянных палок. В те годы маленький Олег и предположить не мог, что через много лет он с настоящим боевым пистолетом в руках «объявит» преступности настоящую войну, пусть даже всего лишь на экране.

В век информационных технологий в интернете при желании можно «откопать» всё что угодно. Нашлась на бескрайних просторах «всемирной паутины» и та телепередача, о которой говорил Гарий Немченко. Она вышла в эфир 5 июня 2022 года. В ней актёр уверяет, что об актёрской профессии в детстве, если и мечтал, то не вслух.

Родители Олега работали на шахте: его отец Николай спускался в забой угольной шахты, мама была работником администрации этого предприятия. Ранее отец проживал в Горьковской (ныне Нижегородской) области и приехал в Кузбасс на

заработки. А мама – из семьи казаков, родилась и выросла на Кубани. После войны её родителей, по словам Олега, репрессировали, и всю семью вместе с детьми сослали в Сибирь. У Олега есть ещё младшая сестра Наталья, которая тоже связала свою рабочую биографию с прокопьевской шахтой.

В 1972-м Олег пошёл в школу № 1 имени космонавта Бориса Волынова. Эта школа и сейчас считается одной из лучших в городе. Именно здесь когда-то учился будущий покоритель космоса. Помнится, в одном из классов стояла парта с табличкой об этом факте.

– Сложная была жизнь, – вспоминает детство Олег, – но я не могу сказать, что грустная. Было много интересного...

А я-то точно знаю, как настойчиво и умело в городе, в Кузбассе, да и во всей стране в советские годы героизировали шахтёрский труд! Сам занимался этим в редакции прокопьевской городской газеты «Шахтёрская правда», которую в тот период в городе выписывала буквально каждая семья. Даже глядя на моих родителей – шахтёров, я с раннего детства прекрасно понимал, что быть шахтёром – и почётно, и выгодно: уважение в глазах общественности, друзей и соседей, награды за добросовестную работу, хорошая зарплата, привилегии, включая ранний выход на пенсию, размер которой был вполне достойным. Словом, иди по стопам родителей – не ошибёшься...

Шахтёрский городок особого развлечения для молодёжи не имел, хотя власти старались не отставать от времени. Так, в микрорайоне Тырган стоял прекрасный ледовый Дворец спорта, где играла команда профессионалов «Шахтёр», выступавшая в первой лиге страны. Тысячи зрительских мест здесь часто заполнялись до отказа. Я тоже не раз бывал на матчах, болел за свою команду. Здесь же работали секции фигурного катания. Был в городе прекрасный, хорошо оборудованный для лёгкой атлетики и других видов спорта, стадион «Шахтёр». А прокопьевский Дворец спорта знали не только в Кемеровской области, но и за её пределами. Отсюда вышло немало чемпионов страны, Европы и мира. В старших классах я занимался здесь в секции тяжёлой атлетики, где уроки нам, пацанам, давал известный тренер, мастер спорта СССР Лев Петрович Сергеев.

Поэтому, если кто-то предпочитал в подростковом или юношеском возрасте хулиганить на улице, обычно имел дело с прокопьевской милицией. А многие всерьёз занимались спортом. Ко вторым относился и Олег, он в разные годы занимался плаванием, лыжами, боксом, баскетболом и даже пулевой стрельбой. Все условия для этого в городе были.

В будущем он не собирался становиться профессиональным спортсменом, хотя все данные для этого у парня были: высокий рост, крепкая фигура, сильные мышцы. Мечтал петь в школьном вокально-инструментальном ансамбле, благо, и голосом, и слухом природа его не обделила. А после школы собирался поступать в медицинский.

– Мне в школе хорошо давалась биология, – утверждает он. – Я её, наверное, как бы «чувствовал»...

Так как учился он неплохо, то сразу после окончания десятилетки решил исполнить свою мечту. Летом 1982-го приехал в Кемерово, жаждающая попасть на

стоматологический факультет Кемеровского мединститута. Только ждала его неудача: сдал все экзамены, но не прошёл по конкурсу – недобрал всего один балл. Однако упрямый парень решил не отступать и через год добиться своего. Сам Олег признаётся: «Я поступил в этот вуз не с первого, а лишь со второго раза. А чтобы не сидеть пропущенный год на шее у родителей, работал на скорой помощи».

Через год он снова повторил попытку, и на этот раз всё сложилось удачно. Правда, его зачислили на санитарно-гигиенический факультет КГМИ. Но проучился Олег в меде всего года три, при этом даже брал годовой академический отпуск. И... понял, что ошибся с выбором жизненного пути. Тут сказала и его вольная студенческая, внеродительская, так сказать, жизнь, и разные соблазны. «Да и химия меня подкосила, – признавался бывший студент меда. – Она, видимо, отомстила мне за то, что я в школе так и не усвоил до конца, как же устроены атомы и как они взаимодействуют между собой...»

Кончилось тем, что он бросил институт и вернулся в Прокопьевск. Какой-либо определённой цели у парня не было. Сам он называет этот период «периодом непонятности», когда не понимаешь, что делать и чем заниматься.

Устроился разнорабочим на шахту, которая находилась за городом. Профессия тяжёлая, но крепкий Чернов с ней справлялся. Работал так называемыми вахтами: пять дней – шахта, пять – выходных. Горняцкий коллектив – сообщество непростое. Кое у кого за плечами были и тюремные сроки. Здесь, рассказывает Олег Чернов, он многое узнал о другой стороне бытия, здесь впервые попробовал, что такое чифир. Да и в свободное время не знал, куда себя деть, встречался с друзьями, вместе курили, выпивали.

Казалось, всё в его жизни могло бы пойти иначе...

В это же время пришедший к власти в СССР Михаил Сергеевич Горбачёв объявил в стране перестройку и ускорение. Вся держава с замиранием сердца слушала замечательные речи генсека, его призывы и обещания. Помнится, я и сам попал под обаяние этого человека. Я как раз в 1985-м стал главным редактором прокопьевской газеты «Шахтёрская правда». И всему нашему коллективу редакции после очередного выступления последнего генсека КПСС думалось, что мы сможем горы свернуть. Только свернуть получилось не горы – свернули шею советской экономике, и она пошла вразнос. Впрочем, сейчас не о том, что даже шахтёрам перестало хватать зарплаты...

На шахте Олег пробыл около года, а после нашёл себе другое занятие – стал ночным сторожем в городском краеведческом музее. И, между прочим, первое время с удовольствием добирался вечерами до прокопьевского городского рынка, именуемого в народе базаром. Здесь, у трамвайной остановки, весь первый этаж пятиэтажного кирпичного дома и занимает музей. Бывало, ночами Олег даже и представить не мог, что пройдёт не так уж и много времени, в музее – рядом с фотографиями выдающихся прокопчан – появится и его фото.

А пока, расставшись с музеем, он поработал санитаром в городской психиатрической лечебнице, поиграл в баскетбольной команде ТПУ. Так пролетел ещё целый год – год колебаний, разочарований и надежд.

Вскоре, отслужив срочную службу, из армии вернулся друг его детства Александр Костин. Они стали часто видеться, вздыхали о прошедших днях, болтали о том и о сём, делились планами на будущее. Александр со школы мечтал стать артистом. Олегу это тоже казалось заманчивым. Ведь однажды кто-то из авторитетных взрослых, посмотрев на него, заметил: фактурная внешность, такому бы на сцену... Засели эти слова парню в голову.

– Так чего же, Олег, гробить своё здоровье на шахте или ещё где? – резонно предполагал друг, – Можно, например, устроиться в городской драмтеатр монтировщиком сцены. Давай-ка, пойдём туда вместе!

И они решительно отправились в Прокопьевский драматический театр имени Ленинского комсомола, твёрдо решив стать работниками «закулисья». Этот шаг и стал поворотным в судьбе Чернова. На дворе стоял 1987 год.

3.

Специалисты утверждают, что, если хочешь досконально узнать театр изнутри, для начала стань рабочим сцены (он же монтировщик или техник-механик). Когда-то эта специальность была весьма популярна в театральных кругах. Рабочими сцены устраивались, например, те, кто провалил экзамены в театральное училище, и те, кто любил театральную жизнь. В советские времена трудно было найти актёра, который не подрабатывал бы в театре на полставки, таская и устанавливая декорации.

Олег Чернов никаких экзаменов в театральное училище не проваливал. Тем не менее, с энтузиазмом взялся за новое дело. Он быстро уяснил, что труд театрального рабочего не так-то прост. И уж точно – в театре незаменим. Бригада в прокопьевском драмтеатре была, что называется, комплексная: приходилось заниматься не только монтажом декораций, но и установкой света, звука, и другими задачами, которые выдвигал режиссёр.

Вместе с товарищем они сразу поняли, что самый сладкий сон монтировщика – спектакль, который проходит в единой планировке. Но это – большая редкость. Нередко к спектаклям прокопьевской труппы создавали сложные декорации, которые устанавливали иногда по восемь часов. И, кстати, оказалось, что монтаж декораций – далеко не безопасное дело.

Не зря же сегодня, чтобы стать профессиональным театральным рабочим, надо учиться в училище на менее четырёх лет. Почти как в институте. Правда, в советские времена было проще. Однако и тогда, и сейчас именно от монтировщиков зависела и зависит безопасность актёра на сцене – плохо установленные и незакреплённые декорации весом иногда в сотни килограммов могут при случае и покалечить...

Нашим монтировщикам приходилось запоминать и тексты пьес, чтобы знать, после какой реплики опустить занавес или, скажем, повернуть круг. Вообще в театральной среде принято считать, что самыми лучшими – преданными и профессиональными – театральными рабочими становятся те, кто в душе всегда мечтал стать актёром. И наоборот...

– За это ещё и хорошо платили, – подчёркивает Олег.

Парни присутствовали на репетициях, тщательно присматривались к игре актёров, слушали наставления режиссёра-постановщика. Словом, можно считать, что, поработав в театре, Олег прошёл своеобразную начальную школу актёрского искусства. И «театральный вирус» окончательно проник парню в кровь: «Я приболел театром», – смеётся он.

4.

В прокопьевской драме друзья отработали год. Перезнакомились со всеми местными знаменитостями, и с теми, кто прибывал сюда на гастроли. И приняли решение – попробовать свои силы в театральном вузе.

Чернов предложил Костину поступать в Новосибирск. Однако Александр переубедил: поедem в Красноярск, где студентам проще найти жильё, там выделяют общежитие.

Вот так Олег, которому к тому времени исполнилось 24 года, отправился в Красноярск. И с первой попытки – успешно пройдя все три творческих тура – стал студентом театрального факультета Красноярского государственного института искусств (сегодня Сибирский институт искусств имени Дмитрия Хворостовского).

К слову сказать, его другу и «искусителю» Александру, с раннего детства мечтавшему стать артистом, не удалось преодолеть творческий отбор...

КГИИ хорошо известен как крупный учебный, творческий, научный и методический центр в сфере музыкального, художественного, хореографического и театрального искусства. Из его стен вышли мировые и российские знаменитости – оперный певец Дмитрий Хворостовский, скульптор, художник-график, ювелир и дизайнер Даши Намдаков, актёр и режиссёр-постановщик Андрей Пашнин, композитор Ирина Белова и многие другие.

Олег выбрал здесь специальность актёра драматического театра и кино. Учился легко, с интересом. На курсе его уважали и любили студенты. Выделявшийся среди них и ростом, и независимым характером, он стал негласным лидером однокурсников, тем более что был старше многих лет на семь. При этом, руководство факультета настоятельно лидерство и самостоятельность Чернова, смелость его суждений и взглядов на многие вещи и явления. Может, к этому прибавлялась и ревность педагогов или какие-то другие причины, но после второго года обучения Чернова отчисляют из вуза.

Впрочем, он сам дал повод: пропустил очень важную репетицию – контрольный прогон спектакля. Ему этого не простили...

Олег признаётся, что такое решение руководства факультета его сильно «тряхнуло». Он был растерян, но не раздавлен. Напомню, он был упрямым. Какое-то время после отчисления ходил по красноярским театрам, пытаясь найти работу. Встретился со своим, теперь уже бывшим, педагогом, чтобы выяснить отношения или, как говорится, расставить точки над «i».

– Мы поговорили с ним по-мужски, – откровенно выкладывает Олег. – Только переменить уже ничего было нельзя. Но он дал мне рекомендательное письмо во

Владивостокский театральный институт. Меня, мол, там гарантированно зачислят переводом...

Чернов начал было собираться к переезду на «край земли». Однако, передумал, потому что в его судьбу снова вмешался Его величество случай...

5.

Как-то вечером он встретился с одним знакомым и довольно авторитетным артистом. Посидели, покумекали о жизни. Старший товарищ предложил Чернову такой вариант: отправиться в противоположную сторону – в небольшой старинный городок Вольск в Саратовской области, где есть свой драмтеатр. Там, уверял знакомый, можно и работать на сцене и одновременно учиться на театральном факультете в Саратовской консерватории имени Л. В. Собинова – на курсе, который вёл режиссёр этого же театра. «Даже подъёмные тебе выплатят за переезд», – этот аргумент, пожалуй, пересилил все остальные.

Олег сдал купленный до Владивостока билет и из Восточной Сибири двинулся в европейскую часть страны. В Вольске его уже поджидали. Ему выплатили подъёмные, предоставили жильё и зачислили в театр. «Вот такая «синица» оказалась в моей руке! – усмехается он. – Зато освоение театральной науки пришлось по разным причинам отложить...»

Места, конечно, там превосходные. Вольск расположен на правом берегу Волги. Красота окружающих меловых холмов, местами поросших лесом, видна практически из любой части города.

При этом добыча известняка, мела, глины, опока, песка для цементной промышленности ведётся прямо в черте города. Да и цемент производят тут же. Ведь Вольск, наряду с Новороссийском, являлся старым центром цементной промышленности России.

Драмтеатр в Вольске был основан ещё во второй половине 1930-х годов как колхозно-совхозный театр. Здесь в своё время работали известные режиссёры и актёры, сложились свои неизменные провинциальные театральные традиции. Например, малочисленность труппы восполнялась за счёт студии, организованной по типу драматических курсов. Студийцев использовали как статистов и рабочих сцены. Вскоре Олег Чернов начал играть здесь свои первые роли.

Между тем, городок был намного меньше не только Красноярска, но и Прокопьевска, который, кстати, по площади равен Парижу. Чтобы по-настоящему полюбить Вольск, наверное, надо было здесь родиться. Чернову очень скоро стало и скучно, и грустно от воспоминаний о бурной студенческой жизни в столице Восточной Сибири. Хотелось чего-нибудь подобного, но развернуться в провинциальном Вольске явно не удавалось. А тут ещё обещанная учёба в вузе всё откладывалась по разным причинам. А без диплома о высшем образовании, как известно, как без рук...

С этим надо что-то делать, иначе заплесневеешь, решил Олег. Он задумал съездить в Саратов, разузнать, что там и как. Выбрал свободное время, сел на речное пассажирское судно с космическим названием «Ракета», доехал по Волге

до Саратова и пришёл в Саратовскую консерваторию. Здесь его поразило буквально всё: архитектура старинных зданий, история учебного заведения, уходящая корнями в 70-е годы XIX века. Его так потянуло учиться в этом месте.

Первой, кого он там встретил, была Валентина Александровна Ермакова, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии. Она вела на театральном факультете мастерство актёра. Она согласилась послушать, как он читает отрывки из произведений, декламирует стихи. Чернов справился с этим уверенно и профессионально.

– Она послушала меня и сказала: «Если сможешь без скандала уволиться из театра, я тебя возьму в консерваторию», – восстанавливает Чернов в памяти подробности саратовского отрезка жизни.

Ему удалось уйти из Вольского театра и его зачислили на второй курс театрального факультета консерватории. Он уверен, что В. А. Ермакова сыграла в его творческой судьбе ключевую роль. Впрочем, и сам по себе театральный факультет Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова славится на всю страну. Его выпускники работают в учреждениях культуры и искусства России и зарубежья, Москвы и Санкт-Петербурга. Своими ролями покоряли зрителей на сценах разных театров народные артисты России Г. Цинман, И. Стецюр-Мова; заслуженные артисты России Э. Данилина, Р. Файзулин, В. Мамонов, В. Назаров и многие другие. Саратовская театральная школа по праву считается одной из самых известных и перспективных театральных школ России.

Именно Валентина Александровна имела к этому самое непосредственное отношение. Ермакова вела мастерство актёра, являлась художественным руководителем факультета. Среди её учеников народный артист России Евгений Миронов, заслуженные артисты России Галина Тюнина, Игорь Баголей, Владимир Калисанов и многие другие актёры театров. Валентина Ермакова на протяжении всей жизни была активным общественным и театральным деятелем, неоднократно избиралась председателем Саратовского отделения Всероссийского театрального общества. (Последний выпуск Валентины Ермаковой состоялся в 2002 году. К сожалению, она уже ушла от нас).

Трёхлетнее пребывание в стенах консерватории интересно тем, что Олег набирался здесь актёрского ума-разума, вникал в профессиональные тонкости и секреты. Благо, было у кого. На курсе он по праву считался лучшим. С удовольствием репетировал роли в студенческих постановках.

Крупнейший по численности жителей город на Волге, Саратов был ему интересен своей древностью и культурой. Здесь, помимо консерватории, было куда сходить: театры оперы и балета, драмы, юного зрителя, цирк, филармония. Много музеев: Саратовский художественный музей имени Александра Радищева, музей Константина Федина, музей-усадьба Николая Чернышевского. В городе на Волге – большое количество памятников архитектуры конца XVII – начала XX веков. А консерваторию называют третьей консерваторией в России.

Иногда вечерами он звонил родителям в родной Прокопьевск, узнавал от них новости с малой родины, рассказывал об учёбе...

Прикидывал, куда направится после получения, наконец-то, вузовского диплома. Потому что в саратовскую драму его не особо звали, да он и сам не хотел. Чувствовал, что в той атмосфере, которая царила в коллективе местного драмтеатра, ему пришлось бы в лучшем случае выступать на вторых ролях. Но Олег уже не был начинающим театральным «мальчиком на побегушках», вполне мог играть и главных героев. Хотелось попробовать свои силы на полную катушку. И после окончания 1994 году театрального отделения он оказался... в Омске.

6.

Как поясняет сам Олег, в столицу Западной Сибири он попал благодаря некоей театральной бирже, которая в то время организовалась в Курске при местном театре. Антрепренёры со всей России съезжались в Курск, чтобы лично пообщаться с желающими пополнить или сформировать свои труппы. Некоторые вузы присылали туда видео выпускных спектаклей, которые могли бы отсматривать работодатели из других театров и выбирать себе актёров, предлагая им работу.

В год выпуска Олега на эту биржу приехали директор с режиссёром Омского академического театра драмы. Они посмотрели спектакль с участием Чернова. Фактурный парень им очень понравился. Они принялись обрабатывать его и напрямую, и через педагога, доказывая, что лучше театра в России нет, что Омскую драму признают одной из самых интересных и ярких провинциальных сцен в России. Здесь смело ставят лучшие пьесы страны и мира. На постановки из других стран сюда приглашают самых интересных режиссёров: И. Цивиньску и Г. Барановского – из Польши, М. Фрида – из Швеции, П. Ланди – из Италии; художника Алехандро Луна – из Мексики.

И Олег согласился поехать туда, где обнаружилось много интересного.

Действительно, в 1990-х Омский драматический постоянно выезжает на престижные международные фестивали, часто гастролирует за рубежом. Проводит акции «Театральные сезоны Сибири». В рамках этого проекта в Омск приглашают мастеров российской сцены – И. Смоктуновского, М. Ростроповича, А. Демидову, А. Филиппенко, О. Басилашвили, О. Остроумову, С. Юрского, Н. Тенякову. Интересные творческие коллективы, в том числе из других стран, бывают на его сцене: «Театр Новы» из Польши, Репертуарный театр из Милуоки (США), «Бледные лица» из Ганновера, театр современного танца «Дженнифер Мюллер Уоркс» (США), чешский «Театр на Забрадли», японский театр «Сэйн роли эндза».

Олег устроился на службу в Омский академический театр драмы и очень скоро стал выходить на сцену в главных ролях.

В Омске публика очень любит театр. Театральные традиции здесь крайне сильны. Город считается одним из наиболее театральных городов в Сибири – здесь работает 14 театров! А Омский театр драмы является старейшим городским театром и одним из старейших в России: он появился в 1870-е годы. За свою историю театр получил семь «Золотых масок» – это тоже о чём-то говорит!

Олега приняли очень хорошо, поскольку одна из давних традиций театрального Омска заключается в том, что здесь стремятся открывать новые имена, не имеющие ещё сценической судьбы.

После переезда Чернову выделили служебную квартиру, что по тем временам было хорошим подспорьем. У него появился свой постоянный угол, куда можно прийти после спектакля, расслабиться, в нормальных условиях выспаться, чтобы завтра снова выйти на сцену в хорошей форме.

Олег Чернов играл практически во всех ведущих спектаклях, в том числе – Иоанна Крестителя в «Саломее», Артемьева в «Живом труп», Моряка в «Человек, животное и добродетель», Горецкого в «Волках и овцах», Пепла в «На дне» и других.

С Омской драмой ему повезло: здесь признали его талант, он оказался востребованным. Это придавало сил. Театр много гастролировал, и Олег вместе с ним ездил по стране, несколько раз побывал за границей.

В одной из телепередач «Мой герой» на Центральном телевидении Олег Чернов вспоминал свои самые первые зарубежные гастроли в небольшом государстве Коста-Рика в Центральной Америке. Там проживает небольшая русская диаспора. Театр давал два спектакля в столице страны Сан-Хосе. Зрители принимали русских артистов очень хорошо, неистово аплодировали.

«Это была фантастика, – рассказывал Олег. – Помню, однажды утром я сидел на балконе номера гостиницы, смотрел на потрясающие виды окрестных гор, рассматривал сверху индейский базар, где продавали всякую всячину, в том числе разного цвета пончо (латиноамериканская традиционная верхняя одежда в форме большого прямоугольного или квадратного куска ткани с отверстием для головы посередине). И понял, что могу сидеть на этом балконе с чашкой кофе всю жизнь! Непрерывно смотреть на этот мир, на великолепные горы и пить замечательный кофе...»

Мне кажется, что тогда это всё-таки был самообман. Пока что Олег не мог ещё усидеть на месте. Ему хотелось двигаться, перемещаться в пространстве и времени в поисках чего-то нового.

Он работал на омской сцене с большим удовольствием, и не заметил, как пролетели четыре театральных сезона. Вот это да! – однажды снова задумался он. – Ты этого хотел в жизни, парень из Прокопьевска?

Ему казалось, что чего-то не хватает. Остроты, жизненного перца что ли?! Однажды его позвали на Омское телевидение – попробоваться в качестве ведущего передачи. Он подумал, и согласился. Из театра уволился, перешёл на новую работу – в телередакцию. Трудился на ТВ, почти год вёл программы. А жить пришлось на студии – прямо в рабочем кабинете. После ухода из театра ведомственную квартиру у него забрали, а снять другую всё не получалось.

Между тем, Олегу шёл 34-й год. И он снова решил переехать, чтобы изменить свою жизнь.

– Омск – странный город, – уверяет Чернов. – Вам об этом скажут и сами омичи. Если его полюбишь, то оттуда трудно физически всё бросить и уехать. Чувствую,

что в Омске корни уже прорастают. И тогда я задумался: если я оттуда сейчас не уеду, то уже не уеду никогда. И я решился...

7.

Бывает, люди меняют место жительства так: ткнут наугад пальцем в карту, – куда попал перст, туда и едут. Наш герой недолго раздумывал, куда поехать на этот раз. Однажды он увидел музыкальный клип с видами Санкт-Петербурга и буквально заболел этим городом. Питер снился ему каждую ночь, поэтому в один прекрасный момент он побросал в дорожную сумку свой нехитрый скарб и взял билет в город своей мечты. Решил покорить ещё одну столицу – Северную Пальмиру. Хотелось пожить в окружении европейской архитектуры, попробовать свои силы на одной из столичных сцен, доказать и себе, и другим, что он может стать первым и здесь...

Были ли у него связи в тамошнем театральном мире? Нет. Ждал ли там кто-нибудь бывшего прокопчанина? Тоже, нет. Думаю, что были амбиции и желание хорошего провинциального актёра достичь нового апогея, доказать себе и другим: я могу!

Всё же, когда Олег приехал в Питер, вышел с вокзала на проспект, то испугался: «По улице серой лентой шла не очень трезвая толпа. Мужики распинавали по сторонам пустые пивные бутылки». Он оторопел: «Куда же я попал?!» На культурную столицу страны это мало походило. Правда, потом его успокоили – оказывается в день его приезда в городе проходил традиционный пивной праздник.

– С другой стороны, город сам по себе мне очень понравился своими улицами, зодчеством, фасадами домов. Я ходил по нему и понял, что готов осесть здесь надолго, может быть, навсегда. Подкатило то же чувство какого-то удовлетворения, что и в Сан-Хосе. Только здесь на душе было намного спокойней, ведь всё же я – на родине, в России...

Почему наш герой первым делом отправился в Театр на Васильевском острове? Наверное, потому, что это – один из самых молодых театров Санкт-Петербурга. Хотя зарождение театрального искусства в этой исторической части города относится к седой старине. Русский государственный публичный театр на Васильевском острове был учрежден ещё в 1756 году. Его первым директором стал великий русский писатель и драматург А. П. Сумароков, который в середине XVIII века создал репертуар для русской сцены. Нынешний Театр на Васильевском и славные традиции продолжает, и заявляет о себе как о современном творческом коллективе. Новый театр родился в 1989-м и получил название «Экспериментальный Театр Сатиры». Говорят, организаторы сыграли на амбициях чиновников: в Москве, мол, есть театр Сатиры, а в Петербурге нет. Как же так?!

В репертуаре театра – отечественная и зарубежная классика, современная драматургия, драма и комедия, фарс и классическая мелодрама. Также детские спектакли – для малышей и для подростков.

Во-вторых, этот храм «музы пламенной сатиры» всегда себя позиционировал как театр приезжих. В общем, в театре на Чернова придирчиво посмотрели, послушали, испытали. И – зачислили на театральную службу. Он считает, что ему повезло работать на Васильевском.

Ведущим артистом он стал не сразу, для начала довелось сыграть несколько ролей второго плана. Но довольно скоро петербургские театралы и режиссёры оценили талант Чернова, сыгравшего в таких значимых спектаклях, как «Дон Жуан» (роль Гусмана), в «Пеппи Длинный чулок» (сыграл Папу), «Любовь втроём» (Ник), «Ариадна» (Юноша), «Небо падших» (Павел Шарманов), «Сила привычки» (Укротитель фортепьяно), «Эзоп» (Агностос)...

Олег полюбил Санкт-Петербург. И город тоже принял его. Хотя взаимность возникла не сразу.

– Питер нужно завоевывать, – делится жизненным опытом актёр. – В отличие от Москвы, этот город более закрытый, консервативный. Тебя здесь просто так не принимают, долго испытывающе смотрят и придирчиво оценивают твой талант, умение, мастерство. Тут, например, кто-нибудь из «знакомых» ещё с детства по телику больших артистов подходит к тебе, будто только что заметив тебя после удачного дубля, и исключительно тогда говорит: «Ну, вот теперь, здравствуй, Олег!» Конечно, это дорогого стоит...».

Оказалось, что у Чернова огромное комедийное обаяние, отмечают теперь его коллеги, любит шутить и смеяться, иногда повеселить партнёров.

8.

Но самое большое везение в его жизни заключалось в том, что, не успев он в Питере выйти на сцену, как его пригласили на кинопробы. Это было участие в съёмках одной из серий третьего сезона нашумевшего сериала «Улицы разбитых фонарей». Точнее, продолжение бесконечного криминального сюжета о рабочих буднях сотрудников 85-го отделения петербургской милиции. Герои кино – обычные оперативники, которым не чуждо ничто человеческое. У каждого, помимо работы, есть и личные дела, проблемы, заботы. Но при этом они – настоящие «менты», у них опасная и тяжелая работа без выходных, праздников и материального поощрения.

Олега «углядел» режиссёр сериала Григорий Жихаревич. Ему для малозначимой роли нужен был высокий, плечистый молодой человек. Чернов со своим ростом 182 сантиметра его вполне устроил. И вот в 2000 году Олег сыграл свою первую эпизодическую кинороль: некоего Лёню, сотрудника службы безопасности банка.

Сам же Олег считает, что с этим эпизодом он вытащил свой счастливый лотерейный билет. Предложения сниматься в кино посыпались, как из рога изобилия.

В 2001 году у него была роль оперативника в одной из серий третьего сезона сериала «Агент национальной безопасности». Дальше – больше! Эпизодов была, как говорится, целая куча – в сериалах и в обычных фильмах: «Агентство НЛС», «Ключи от смерти», «Убойная сила», «Время любить», «Пейзаж с убийством», «Тайны следствия», «Женский роман».

Где-то с 2003-го ему стали предлагать кинороли среднего плана в фильмах «Любовь императора», «Чужое лицо», «Господа офицеры», «Неудержимый

Чижов», «Потерявшие солнце», «Большая прогулка», «Брежнев», «Гибель империи», «Опера-2. Хроники убойного отдела».

В них он – мент, военный, бандит, комсомолец... Олег от предложений поучаствовать в съёмках не отказывается. Работать он любит, а заодно постигает азы киномастерства.

На вопрос: нравится ли ему сниматься в кино? – всегда отвечал:

– Да, нравится. Хотя мне и театр нравится. Это, на мой взгляд, как бы две стороны одной медали. Кино – это очень интересно. Тут важно, как тебя снимают, какой стороной ты стоишь к камере, как «держишь» лицо. И много ещё подобных нюансов...

К 2004 году на него обратили не только кинорежиссёры, но и зрители. Многие отмечали тогда, что внешность этого актёра вполне вписывается в определение «брутальный мачо». В основном он востребован в жанре криминального детектива. Зачастую режиссёры видят его только в образе сотрудника милиции или полиции, или военного. И это амплуа постоянно сопровождает питерского актёра. Он – один из самых востребованных в этом жанре, и за плечами у него уже почти полтора десятка подобных проектов.

Честно говоря, другой на его месте мог бы и загрузить от такого однообразия, но только не Чернов. Он снова и снова соглашается на очередной кинопроект и упрямо идёт на съёмочную площадку. Будто ждёт свою удачу. И не ошибается.

В 2004 году киногруппа с его участием приступает к производству первого сезона военизированного приключенческого сериала «Морские дьяволы».

Героиня сериала Дарья Юргенс, она же – Багира, хорошо запомнила:

– Начали мы снимать самую первую серию «Дьяволов» 3 июня 2004 года. Очень хорошо запомнила эту дату, потому что 28 мая моей дочери исполнился год, и уже через несколько дней я была на съёмках. Это огромный период моей жизни, и он оставил неизгладимый след. На этом проекте все мы стали близкими людьми...

Режиссёр первых серий Алексей Праздников пригласил Чернова на главную роль: он – Иван Булатов с псевдонимом Батя, командир отряда «Тайфун», подводный диверсант-разведчик вымышленного спецподразделения ВМФ России.

Вообще по сценарию их в отряде четверо бойцов спецназа. Их называют «морскими дьяволами». Они действуют на земле, в воде и в воздухе. Понятия «братство», «дружба», «офицерская честь» – для них не просто абстракция, а то, чем они дорожат и ради чего готовы пожертвовать жизнью.

Сюжет самой первой серии таков: на ракетном полигоне обнаружено некое постороннее устройство слежения. Сюда срочно перебрасывают группу «Тайфун». Первая серия под названием «Подлёдный лов» вышла в эфир в 2005 году. И – понеслось!

– Думали, – делился с журналистами режиссёр, – получится проходное кино. И хватит его на один сезон. Но, не тут-то было! Сериал так «зацепил» зрителя, что кинокомпания «Гамма продакшн» решила продолжать производство...

Начались многомесечные командировки на съёмки сериала. Если первые сезоны снимали в четырёх странах: в России, Египте, Эстонии и Дании, то с шестого сезона

сериал снимается только в России: в Геленджике, Санкт-Петербурге, Калининграде, Новороссийске. Также в сериале есть кадры гор Закавказья.

Оказалось, что российские места при определённой фантазии запросто можно выдать за другие страны. Например, Скандинавию, куда герои сериала отправились в одном из сезонов, нашли на окраине Петербурга. Современный малоэтажный Курортный район выглядел как раз так, как многие себе представляют скандинавские городки. Дальний Восток и даже Японию и вовсе нашли под Выборгом, где от пейзажей просто дух захватывает.

С арабскими странами, где также побывали «дьяволы», оказалось сложнее, и съёмочной группе пришлось лететь в Египет. Места, необходимые для съёмок, были найдены довольно быстро, в отличие от марганцовки, которая требовалась пиротехникам для подводных взрывов. Марганцовку в Египте так и не нашли, пришлось доставить из Петербурга.

Теперь уже «Морские дьяволы» насчитывают без малого два десятка сезонов. А зрители всё требуют продолжения.

Олег Чернов: «На встречах со зрителями, как минимум, всегда спрашивают про продолжение, где бы я ни был. Например, вчера в такси спросили, будет ли продолжение? Такая палитра интересная, большая. Редко какой сериал смотрят люди в возрасте от 7 до 70 лет».

Для съёмок «Морских дьяволов» Олег и его коллеги вынуждены были пройти специальное обучение, так как сериал изобилует сценами, где необходимо выполнять сложные трюки. Приходилось учиться дайвингу, погружению под воду на десятки метров. Изучали мастерство рукопашного боя, искусство маскировки.

Конечно, большинство сложных сцен с прыжками из машин, с моста и прочими кульбитами выполняли каскадёры, но актёрам тоже досталось немало непростых кадров. Вот где оченьгодились Чернову его спортивные навыки, полученные в Прокопьевске.

При этом он говорит, что старые серии приводят его в настоящее умиление. Там Олег Чернов сравнивает себя с молодым солдатом, который только проходит курс молодого бойца. Но со временем звезда проекта превратился в настоящего воина-профессионала, в морского контр-адмирала.

Ему приятно читать такие, например, отзывы:

«Мы с ребёнком являемся горячими поклонниками «Морских дьяволов». Ну не снимают сейчас уже фильмы про мушкетеров! Снимают про спецназовцев! И надо заметить качественно снимают, смотреть увлекательно и интересно. Очень харизматичные актёры. Олег Чернов (Батя), Дарья Юргенс (Багира), Владимир Ярош (Физик), Антон Гуляев (Кот), Дарья Циберкина (Мура), Михаил Тарабукин (Риф). Талантливые же все люди. Сериал успешный, народ его оценил».

Или вот ещё мнение:

«Прикольный сериал, весёлый, цепляющий. Да, может не самый профессиональный и документальный по отображению жизни морского, даже подводного спецназа. Но с самой простой задачей: вдохновлять мальчишек, может быть, исключительных девчонок, и побуждать простых среднерусских зрителей

вроде меня болеть за героев, попутно занимаясь бытом, – он справляется на все сто».

Хотя и критики от зрителей идёт навалом. Однако тут ответ один: не нравится – переключи канал! А пацаны, действительно, смотрят с удовольствием и хотят быть похожими на этих бравых героев. Одно это уже можно поставить сериалу в заслугу. Между тем, у Олега Чернова число киноработ уже приближается к 90.

Он периодически снимается в полнометражном кино. Так, из последних работ – у него главные роли: в криминальном фильме «В зоне риска» (2012), в мелодраме «Повороты судьбы» (2013), в биографической ленте «Людмила Гурченко» (2015), в детективе «Теория невероятности» (2015), в приключенческом сериале «Дайвер» (2020), в боевике «Гранит» (2021).

Он даже занимается дубляжом. В 2009 году его голосом говорил герой фильма «12 раундов» Дэни Фишер, которого исполняет Джон Сина (известный американский борец в стиле реслинг). В мировой ленте «007: Координаты «Скайфол» (2012) он дублировал Рауля Силва, которого играет Хавьер Бардем, – противника Джеймса Бонда.

«Хавьер Бардем мне интересен как актёр, – рассказывает наш герой. – Главной моей задачей было не испортить его замечательную игру в этой истории. По-моему, мне это удалось, и я очень рад. Насчёт Бонда даже не думал, его и так замечательно дублирует мой друг и коллега Валерий Соловьёв».

Творческий образ в большинстве этих работ – всё тот же: волевые целеустремленные мужчины, сотрудники правоохранительных органов, военные и герои спецназа. По словам Чернова, это амплуа не тяготит, поскольку отвечает его характеру и личности.

О многочисленных клипах с его участием скажем лишь коротко. Чернов не раз играл в видеороликах звёзд отечественной эстрады – Лолиты, Киркорова, Жасмин, Маликова. Даже эти небольшие роли он считает не менее важными, чем работу в кино и театре, и на съёмочной площадке выкладывается полностью...

9.

Конечно, работа в театре и кино наложила свой отпечаток и на характер нашего героя, и на его личную жизнь.

Он поясняет:

«Совру, если скажу, что популярность мне не нравится. Это – составляющая успеха любого актёра, и слукавит тот актёр, который скажет, что не стремится к этому. Это, в конце концов, плод наших трудов! И – да, моя популярность помогает мне быстрее решать некоторые бытовые вопросы».

В личной жизни Олега Чернова было четыре официальных брака. Сам он считает, что все они были не по расчёту, а только по любви.

Свою первую жену Людмилу он встретил в театре Прокопьевска – актриса входила в театральную труппу. Расписались они в 1988-м, в этом браке родился первый и единственный ребёнок артиста – сын Николай. Когда Олег объявил жене о своем решении поступать в театральный вуз, жена была против. Чернов хотел перевезти

семью и поселиться в студенческом общежитии. Но, Людмиле эта идея не понравилась, она наотрез отказалась ехать в Красноярск. И семья распалась. В то время сыну было всего несколько месяцев. Родителям не удалось сохранить нормальные отношения. Людмила была категорически против встреч сына и отца. Олег пытался наладить нормальные отношения, но не получилось. Поэтому Олег не видел ребёнка лет двадцать. Первая их встреча состоялась, когда парень стал уже совсем взрослым. Найти взаимопонимание оказалось очень сложным делом...

Со второй супругой Анастасией Светловой Чернов познакомился в театральном институте – она училась с ним на одном курсе. Их дружба началась буквально с первого дня, а официально они оформили свои отношения на выпускном курсе: «Наши отношения развивались стремительно. Быстро расписались, выпили по пробке «Метаксы» и побежали на наш дипломный спектакль «Саломея»...

Их брак продолжался четыре года, потом они мирно расстались. Отношения остались дружескими. Поскольку Анастасия – тоже актриса, они иногда пересекаются в общих проектах, к примеру, в сериале «Морские дьяволы».

Третью жену Олега звали Ирина. Брак с ней длился на протяжении десяти лет. Олег всё это время был очень востребованным артистом, буквально перепрыгивал из одного сериала в другой. Постоянные командировки и очень частое отсутствие дома – всё это снова привело к расставанию. Ирина устала быть всё время одна, и подала на развод.

Четвёртой женой Олега Чернова стала Марина Блейк, знакомство с которой состоялось в начале 2010-х на съёмочной площадке сериала «Инспектор Купер». «Мы сидели в одном вагончике, общались, и я обратил на неё внимание, – делится Олег. – Перед очередными съёмками «Купера» возник свободный вечер, я набрал её номер, и мы встретились. С тех пор не расстаёмся по сей день».

Супруги тоже подолгу бывают в разлуке, потому что Марина работает в Москве, а Олег – в Санкт-Петербурге.

Ни в одном из трёх последних браков у артиста нет детей.

10.

Не откажешь в популярности этому человеку из Прокопьевска.

Его давно узнают на улицах и в общественных местах: «В Москве даже больше, чем в Питере узнают, а уж в провинции, где телевизор – единственное развлечение, на улице трудно находиться. Я не жалею, мне приятно, всегда с удовольствием ставлю автограф, фотографируюсь – это же часть моей профессии».

Известно, что успешного человека окружает множество друзей и просто знакомых. Чернов – успешный. Друзей у него немало:

– У меня много друзей-актёров, режиссёров и других собратьев по цеху. И в кино, и в театре. И я ими очень дорожу, хотя, к сожалению, видимся мы нечасто. Но всё-таки есть же телефон и интернет, чтобы общаться. А работы друзей можно увидеть на экране и на сцене. Я чаще радуюсь за них, чем огорчаюсь. И это приятно.

Друзья же ценят в нём не только профессиональные качества. Так, актёр Михаил Тарабукин, говоря о Чернове, подчёркивает:

– Он очень тонкий, душевный человек. Прекрасный артист замечательный партнёр, очень терпеливый, очень интеллигентный.

И таких «очень» набирается немало. Коллегам женского пола Олег очень симпатичен. Он спокойный, подчёркивают они, в нём есть тот магнит, который на экране очень манит любую женщину. А его мужественность – не только на экране, она – и в жизни...

Он пожил в разных местах, городах. Но всегда чувствовал, что вот здесь он – временно. Все думали, наконец-то, Олег нашёл место для постоянного проживания – Санкт-Петербург, что он осядет здесь навсегда. И успокоится. Однако это не так, вернее, не совсем так. Прошло несколько лет и...

– Мы искали домик под Питером, а поступило очень хорошее предложение из Московской области, – улыбается Чернов.

И он перебрался на постоянное место жительства в Подмоскovie. Получается, снова переехал. Хотя, в Санкт-Петербурге бывает часто – по работе:

– Сажусь на электричку и через пять часов я уже в Питере. Живу между двумя городами.

Жизнь актёра расписана по съёмочным проектам, иногда – на год-полтора вперёд. Так что до сих пор нередко приходится ездить, перемещаться в пространстве. Хотя...

Приходит пора, когда хочется остановиться. Молодёжь всё чаще называет его Олегом Николаевичем. А сам он так много мотался по свету, был такой активный, что сейчас полюбил... пусть и нечастое, но – бездельничанье. Говорит: «Хочется побыть дома, ни о чём не думать, ничего не предпринимать».

Это удивительное состояние, когда отдыхает от бесконечных нагрузок на съёмочной площадке своё тело, руки, которым не надо грести под водой или цепляться за уступы скал, отключается от проблем голова, ведь не нужно заучивать очередной текст сценария или прикидывать, как лучше выполнить задачу, поставленную режиссёром.

– Не могу насытиться бездельем, – будто сам себя уверяет лёгкий на подъём Олег.
– Полюбил засыпать, когда хочу. Иногда это бывает в 3-4 утра. И просыпаюсь тоже, когда хочу, часов в 11 утра. Мне это кажется нормальным рабочим графиком бездельника. Потом гуляю с собаками, стригу газон или занимаюсь делами во дворе.

Посёлок, где он живёт, находится в лесу. И у него теперь есть ощущение, что там, за городом, настоящая жизнь только и начинается.

– Раньше у меня всё было наоборот. Мне казалось, что настоящая жизнь – это вечная круговерть, кипение съёмочного дня, беготня. Казалось, если я не бегу куда-то, то напрасно теряю время. А теперь я будто замедляюсь, прислушиваясь к природе, к звукам за окном и чувствую какую-то непрерывность бытия...

Он вдруг почувствовал иную сторону существования. Из городского асфальта и каменных джунглей приблизился к живой природе, лучше которой ничего выдумать нельзя. И она поражает его своим неисчерпаемым смыслом, создаёт несуетный философский настрой:

– Теперь я наблюдаю воочию существование леса и поля, птиц и облаков. Вижу смену времён года, как происходят перемены в природе и то, как это быстро на самом деле всё совершается. Не успеешь насладиться майскими птичьими голосами, им на смену приходит лето – июнь, потом июль. И вдруг уже – август! И природа «выдохнула», разродилась урожаем, развалилась, такая довольная. Ей – хорошо и она начала готовиться к зимней спячке. И если за всем этим пристально наблюдать изо дня в день, то приходишь к мысли, что, с одной стороны, – это вечность, с другой – скоротечность всего земного. И так всё быстро пролетает, что не успеваешь оглянуться, задуматься – а оно уже позади! Поэтому надо остановиться, посмотреть назад, взглядеться в перспективу, осмыслить своё место в этом мире.

Задумываешься о вечности. Думаешь: кто же ты здесь? Так, прохожий, который заскочил в эту нескончаемую вечность на какую-то секунду, и – почти мгновенно исчезнешь...

Ойкумена Владимира Берязева

– Я в детстве мечтал стать не поэтом, а великим шахматистом, – разоткровенничался известный новосибирский поэт, эссеист, переводчик Владимир Алексеевич Берязев в интервью к своему 60-летию, которое вышло в газете «Новая Сибирь». – Однажды – лет в 14 – уже будучи перворазрядником, даже сыграл партию в сеансе одновременной игры на одной из сорока двух досок с кем бы вы думали? – с чемпионом мира Михаилом Талем, он приезжал в мой родной Прокопьевск в начале 1970-х. Вообще, я думаю, что между шахматами и стихами много общего, особенно если брать в расчёт любимую мной эпическую поэзию.

– Ну а позже меня увлекли политэкономия, социология и прочие серьёзные вещи, – продолжает он рассказывать о себе. – Хотелось разобраться, как всё в жизни устроено, поэтому я, не набрав баллов на планово-экономический (Бог миловал), поступил на статистику в Новосибирский нархоз. Хотя я с детства считал себя не таким, как все. И не просто беспричинно, как все подростки, а в связи с тем, что у меня были странные отроческие видения-состояния...

– Как бы объяснить... – задумался он. – Ну, например, я обладал способностью к астральным полётам, которые с атеистическим пионерским и комсомольским

мировоззрением никак не стыковались. Может быть, я бы и к поэзии никогда не пришёл, если бы не эти полёты на световых скоростях, видения и ощущение бескрайности Вселенной – бесконечности и конечности всего. Я ведь там действительно путешествовал и видел всё это. И лет в 11 осознал, что смертен. И это было страшным потрясением! Но я к самим полётам тогда относился без тревоги (хотя никому не признавался в таких способностях). Да и к сочинительству, по чести сказать, долго был равнодушен. Хотя стихи легко запоминал уже с двух с половиной лет – и в больших объёмах...

Родители иногда возили маленького сына Володю по знакомым и, как это нередко бывает с молодыми папами и мамами, просили своё чадо что-нибудь продекламировать с табуретки – для изумления взрослой компании. Малыш, читающий наизусть сказки Пушкина и «Конька-Горбунка», конечно, радовал и восхищал зрелых людей.

Позже он стал и сам сочинять. Однако буквально до совершеннолетия не считал это серьёзным занятием: «Мне казалось, что так всякий может. Но однажды меня просто вышибла из колеи ода «Бог» Державина».

– Я тогда подумал: что-то тут не так! – припоминает он. – Что поэзия-то, может быть, штука на самом деле серьёзная. Поскольку и до Державина осознавал, что я песчинка посреди бесконечного пространства, которое с того мгновения я уяснил, как Творение. Как раз тут-то всё и совместилось: Гаврила Романович послужил чем-то вроде спускового крючка...

1.

Владимир Берязев родился 14 апреля 1959 года в шахтёрском городе Прокопьевске в семье рабочих. Жил в рабочем посёлке возле шахты имени Дзержинского.

«Я родился в горняцком городе на юге Сибири. Вырос на шахте – среди грохота металла, криков маневровых паровозов, среди шлака, пыли, угля, на берегу мёртвого ручья и у подножия террикона, подобного чёрной пирамиде, – рассказывает он о себе. – Иногда террикон был схож с вулканом, потому что изрыгал клубы ядовитого газа из похожих на фурункулы огненных жерл.

В нашей избе под терриконом всё было очень просто и по-деревенски, как на Алтае, откуда корни моей родовой. Дед мой из Каменки. Кстати, не случайно так же называется небольшой район в Прокопьевске.

Мы, подростки горняцкой окраины, не боялись ни шахты, ни террикона, ни взрывчатки, которая иногда попадалась в отвалах пустой породы. Мы купались в заполненных глинистой водой обвалах на месте обрушенных выработок. Мы устраивали взрывы на пустырях, иногда лишаясь конечностей или глаз. Мы плавил свинец и алюминий в багровых кратерах самовозгоревшихся угольных барханов и отливали кастеты, рукояти ножей, биты для игры в чику и зоску, а также грузила для рыбалки и дробь для самодельных пугачей-поджиг. Коробка спичек нам хватало для того, чтобы выстрелом картечи пробить миллиметровый стальной лист...».

Я, тоже родившийся и выросший в Прокопьевске, могу всецело подтвердить истинность этого чуть романтичного описания детства – как и моего, и моих друзей-соседей. Наши родители, в основном, работали на добыче угля. Посёлок между шахтой «Чёрная гора» и городским садом был нам малой Родиной, где росли, изучали премудрости жизни и выживания, осваивали и школьные науки, и уличный политес.

Так что мальчик Володя рос вполне нормальной шахтёрской шпаной. «Лыжи, коньки, футбол, хоккей – всё это было, – уверяет Владимир Берязев. – На велосипедах за 15 километров от города в тайгу ездили, в кедрач шишки бить. И самопалы-поджиги с пацанами делали, и капсюля взрывали. До сих пор на пальцах следы остались... Мы были хорошо вооружены и верили в счастье! А рядом была девственная дикая тайга, где мы, подобно индейцам на поджарых велосипедах, ощущали себя хозяевами.

Я серьёзно отношусь к тому, что сейчас модно стало называть «местами силы». Между местом, где ты родился, и твоей душой и судьбой всегда есть определённая тонко-невидимая связь. Из этого парадокса и возникла поэзия».

Учился наш герой в прокопьевской школе-восьмилетке № 46. Был активным учеником, не стеснялся общественно полезных дел: «Меня там очень активно привлекали ко всем мероприятиям. Как главный персонаж, был представлен на всех концертах и вечерах. Читал стихи, пел, был ведущим...».

В 1976-м Владимир окончил среднюю школу. И поехал в Новосибирск, где поступил в Институт народного хозяйства. Его специальность по диплому о первом высшем образовании, которое Берязев завершил в 1980 году, была более чем прозаической – статистик. При этом, вспоминает он: «будучи студентом, я посещал три самых крупных литературных объединения Новосибирска. Там познакомился, подружился с литературными критиками, настоящими поэтами». После окончания вуза, как принято в советские времена, молодой специалист получил направление на работу и пару лет трудился фининспектором в городе Барабинске Новосибирской области. Познакомились же мы с Берязевым в редакции городской газеты «Шахтёрская правда», куда молодую чету Берязевых – Владимира и его жену Наталью – в 1983 принял на работу редактор Анатолий Иванович Поздеев. «В молодые лета на три года я возвращался (в Прокопьевск) уже с семьёй, с двумя малыми детьми – поработать в редакции газеты «Шахтёрская правда» и получить от родного города жильё (за что по гроб жизни буду Прокопьевскому горкому партии благодарен и признателен)».

Я же в это время только-только перешёл в собкоры областной газеты «Кузбасс». Но в своей родной «Шахтёрке» бывал часто. Здесь мы вели нескончаемые беседы о жизни, журналистике, политике и о многом другом.

К сожалению или к счастью, но прокопчанин Берязев за студенческие годы по-настоящему влюбился в столицу Западной Сибири – Новосибирск. И часто вслух мечтал о возвращении туда. Этот город манил его своей широтой и размахом, глубиной культуры, её сильными традициями. Столичный Новосибирск, по его мнению, чем-то подобен Петербургу: «Новосибирск в советские времена был славен, прежде всего, своим Академгородком, – размышлял он однажды об этой

тяге к перемене мест. – За сто лет с пустого места он вырос до двух миллионов жителей. Всё как в сказке про Емелю: и мост, и город, и заводы, и консерватория с театрами, и наука, и искусство... А значит, он обладает подлинностью и полнотой жизни. Растёт и развивается какими-то чудовищными темпами, я это наблюдаю уже лет тридцать, поскольку родом из Кузбасса, приезжий, как и большая часть новосибирцев. В этом городе заключена огромная энергия, он подобен и трансконтинентальному экспрессу, и стреле Аполлона, он, подобно хищному зверю, – и жесток и прекрасен».

В 1986 году ему нашлось место в многотиражной газете «Рабочая трибуна» Новосибирского приборостроительного завода. Параллельно Владимир освоил специализацию радиожурналиста и около семи лет – с 1993-го по 1999-й годы – был автором и ведущим радиопрограммы «Слуховое окно» на облрадио в Новосибирске.

«Всю свою уже немалую жизнь, за исключением короткого (менее двух лет) эпизода фининспекторства в барабинской степи, я так или иначе был связан со словом – печатным или эфирным (радийным), – пишет Владимир Алексеевич в своём интернет-блоге. – В общей сложности в новосибирском Доме радио я отработал почти 10 лет. Начинал в молодёжной редакции, а потом почти семь лет вёл литературную программу «Слуховое окно» – была такая еженедельная 20-минутка».

Как бы подводя итог своей журналистской деятельности, он – не в обиду коллегам – с определённой колкостью высказался об этой профессии так: «Журналисты – особая порода людей – своеобразный подотряд в биологическом виде «человека разумного». Они обладают крайней степенью внушаемости...». Если учитывать более язвительные высказывания других литераторов о работе СМИ, думаю, Владимиру Берязеву можно простить его иронию. Тем более, что так же самокритично он оценивает и свой десятилетний труд, связанный с этим ремеслом...

Новосибирск – главный центр сибирской культуры. Могу сказать это со всей определённой уверенностью, ведь и мне посчастливилось несколько лет учиться здесь. К достоинствам Новосибирска надо отнести и способность замечать талантливых людей. Несмотря на свои огромные пространства, город умеет ценить тех, кто отмечен каким-либо даром.

В 1990 году Берязев стал директором издательства «Мангазея». Кстати, к этому времени он заочно окончил литературный институт имени А. М. Горького: «Литинститут дал многое, был уникальный преподавательский состав и творческая тусовка со всего Советского Союза. Всё это и сформировало вкус, умение видеть ценное...».

Новое издательство «Мангазея» было образовано в 1990 году в Новосибирске как акционерное общество при поддержке Союза писателей России и Новосибирского отделения издательства «Детская литература». В те годы Новосибирск становится книгоиздательской столицей современной Сибири. Здесь к началу нового тысячелетия функционировало уже более 90 различных издательств. Конкуренция огромная! При этом «Мангазея» считалась самым коммерческим издательством

России и одним из немногих за Уралом, которое пытается работать в сегменте массового спроса, издавая карманные книжки – небольшого формата в мягкой обложке, которые с лёгкостью умещаются в кармане любителя чтения в поездке, на отдыхе. В годы директорства Владимира Алексеевича «Мангазея» превращается в издательство, широко известное не только в своём регионе, но и в центре страны. Ориентированное на выпуск массовой литературы, издательство работало также успешно по совместным проектам с издательством «Детская литература. Сибирское отделение». Наиболее популярные серии «Мангазеи» – детективы, женская проза, сентиментальный роман.

Семь лет директорствовал здесь Владимир Берязев. За время работы в издательстве стал составителем литературного альманаха – одноимённого с издательским названием. Здесь же параллельно занимался и поэтическим творчеством. В 1989 году его приняли в Союз писателей СССР.

За время руководства «Мангазеей» он близко сходитя со многими коллегами – членами СП, занимает активную позицию по вопросам строительства организации и работы творческого писательского сообщества. Не стесняясь, спорит с известными членами СП, отстаивая свою точку зрения. Его авторитет год от года растёт, его часто привлекали в экспертные группы. Его редакторский рейтинг тоже высок.

Учитывая всё это, члены местной организации СП России в 1997 году избрали Берязева председателем правления Новосибирской писательской организации, он стал секретарём Союза писателей России.

Таким образом, он ступил на ещё одну – очень непростую – стезю. Писательский народ, независимо от региона, в общении очень непросто, часто – обидчив, нередко – инертен, требует определённого подхода, лавирования между интересами разных писательских групп... Всё это надо было учесть Владимиру Алексеевичу в председательской деятельности. Была ещё и куча других проблем. Поэтому, и избрание на этот пост, и работа в новом качестве – всё было не так просто, как кажется теперь, спустя годы, со стороны.

Надо обязательно отметить, что до Берязева новосибирскую писательскую организацию возглавлял человек, про которого говорят: человек-легенда, – Александр Иванович Плитченко. Он был старожилом местного правления СП: с конца семидесятых годов входил едва не в каждый его состав. Его литературный, издательский и гражданский авторитет были высоки. Именно Плитченко в своё время открыл для Новосибирска и России много молодых литературных имён. Именно он создавал и выпускал новые литературные издания – журналы, альманахи, поэтические сборники такие, как «Гнездо поэтов», «Горница», «Мечта», «Проза Сибири», «Дарование». Владимир Берязев всегда подчёркивал особое уважительное отношение к этому удивительному новосибирцу, считая его своим учителем и другом.

В начале 90-х, по признанию А. И. Плитченко, «организация писателей в Новосибирске была на грани исчезновения». Более того, у организации отобрали помещение. Старое, на улице Каменской, напротив Центрального рынка, городские власти отдали Дому детского творчества, новое, на углу улиц Орджоникидзе и

Мичурина оттяпал один из новоявленных банков – тоже, говорят, не без участия городских чиновников.

С приходом А. И. Плитченко к руководству областного СП за это помещение развернулась настоящая битва. На кону была тысяча квадратных метров – весь огромный первый этаж, специально для Новосибирской писательской организации спроектированный и Литфондом оплаченный, в самом центре города. Отвоевать удалось всего несколько комнат, которые сейчас и занимает Новосибирское отделение Союза писателей России. На годы работы Берязева в СП пришлось «окончание» этой «войны».

– Если говорить чисто о моей секретарской писательской деятельности, – рассказывает Берязев, – то она была весьма непродолжительной и случилась вскоре после того, как скорострительно умер мой учитель и друг Александр Иванович Плитченко, знаменитый новосибирский поэт и общественный деятель. Это случилось 8 ноября 1997 года. А немного погодя люди из окружения Плитченко предложили мне, 38-летнему молодому и деятельному человеку, заняться делами Союза писателей, который находился тогда в очень сложном положении. Начиная с самого «писательского» помещения, из-за проблем с которым, похоже, у Александра Ивановича и случился инфаркт. В конце концов, 176 квадратных метров в собственность писательская организация получила...

Другой серьёзной проблемой была приостановка издания старейшего сибирского литературного журнала «Сибирские огни» – это случилось из-за нехватки средств. Издание почти на целый год исчезло из поля зрения читателей и писателей. Ценой немалых организаторских усилий Берязеву удалось вернуть «Сибогни» в информационное пространство:

– С помощью коллег со всей Сибири и, в частности, моего товарища Валерия Николаевича Казакова, который тогда был представителем Президента России по Красноярску, в 1999 году мы провели III Съезд писателей Сибири. (Первые два сибирских съезда проводились ещё в середине 1920-х). Именно там мы в условиях «разрухи» и договорились о возрождении «Сибогней», которые не выходили уже год. Повезло, что тогда были ещё такие живые организации, как «Сибирское соглашение», администрация СФО, так что всё нам удалось...

Словом, дел было невпроворот. Организационная работа в областной писательской организации, собрания и совещания, приём новых членов СП, чтение и разбор многочисленных рукописей. Ещё он взял на себя редакторство в «Сибирских огнях». К началу нового тысячелетия всё это навалилось на председателя новосибирской СП так, что он слёг в больницу:

– Зимой 2000-го я, честно сказать, совсем измотался, да и здоровье подвело: отказала почка, и я оказался в больнице, где перенёс тяжёлую операцию и был действительно между жизнью и смертью. Ну, а пока меня откачивали, мои друзья-товарищи провели собрание и освободили меня от должности председателя правления писательского Союза...

2.

И всё же Владимир остался директором и редактором «Сибирских огней» и секретарём правления Союза писателей России. Говорят, что именно это помогло провести в Новосибирске IV Съезд сибирских писателей в ноябре 2002 года. Съезд собрал 58 делегатов из 12 регионов. Для эффективности руководства писателями была создана Ассоциация писателей Сибири (АПС) – как инструмент консолидации и конкретный механизм сотрудничества с властью и обществом. Координаторам АПС стали В. А. Берязев и В. Н. Казаков.

«Сибогнями» Берязев руководил по 2013-й год: был и директором, и главным редактором журнала. Для одного из старейших литературных журналов России это был благотворный период. Во-первых, удалось основательно и серьёзно выстроить авторскую политику издания. Ведь каждому журналу необходимо иметь свое лицо, как-то отличаться от остальных изданий. Исключительной особенностью «Сибирских огней», по мнению Берязева, был уникальный подбор авторов. И, прежде всего, поэтов: «Недаром... мы зачастую пересекаемся на этом поле с «Новым миром», а зачастую – сначала публикуем мы, потом – они. В публицистике это уникальные материалы по истории Сибири. В прозе? Это отдельный большой разговор. Но из последних публикаций это, несомненно, роман Валерия Казакова «Тень гоблина» («Сибирские огни», №№ 2 и 3 за 2008 год).

Во-вторых, решился самый главный вопрос существования журнала. Его содержание включили в ежегодную статью расходов областного бюджета Новосибирской области. «Сибирские огни» стал единственным «толстым» журналом Сибири, который выходил с периодичностью раз в месяц. Интерес авторов к журналу вырос многократно: месяц редакция стала получать порядка 300-400 рукописей...

Кроме традиционного бумажного варианта журнал стал доступен читателю в электронном виде – в интернет-портале «Журнальный зал». («ЖЗ» – это литературный интернет-проект, который начал работать в 1996 году, представляющая деятельность ряда русских «толстых» литературно-художественных и гуманитарных журналов, выходящих в России и за рубежом). Появился у «Сибогней» и свой сайт: www.sibogni.ru, который действует с 2001 года.

– Общее посещение «Сибирских огней» в «ЖЗ» и на сайте нашего журнала ежемесячно переваливает за 40 тысяч читателей, – подводил Владимир Берязев итоги этой работы в одном из интервью. – Если на www.sibogni.ru заходят около 5 тысяч наших постоянных читателей каждый месяц посмотреть наш свежий номер, то в ЖЗ открывают нашу страницу около полутора тысяч ежедневно. Это очень даже неплохой результат. Бумажный тираж у нас всего-навсего 1500 экземпляров. Это – библиотеки и редкие подписчики. А в интернете нас читают. Но надо признать – читают больше за рубежами России, в русском и русскоязычном мире: в Германии, Франции, Америке, Англии, Израиле и ближнем зарубежье. Благодаря онлайн-журнал стал за эти годы любимым и авторитетным во всём русскоязычном мире. К нам стали приходить рукописи из Австралии, Индонезии, Бразилии, а это дорогого стоит... Интернет, онлайн – это современный способ сохранить такое

уникальное культурное явление, как толстый литературный журнал, – уверен издатель Берязев.

– Мы – всероссийский журнал. И всегда «Сибогни» были таковым со дня основания в марте 1922 года. ...И двумя самыми тиражными журналами противоположного направления «Новым миром» и «Молодой гвардией» долгие годы руководили выходцы из «Сибирских огней» – Сергей Залыгин и Анатолий Иванов, – подчёркивает редактор Берязев.

На вопрос о том, как ему, по существу, поэту, удаётся успешно возглавлять столь разнообразно формируемое издание? – он ни много ни мало вспоминает имена таких поэтов-издателей журналов, как Жуковский, Тютчев, Некрасов, Гумилёв, Заболоцкий, Твардовский...

Залогом успешной работы «Сибирских огней» В. А. Берязев считает команду друзей-единомышленников: «Талантливых людей в Новосибирске и в Сибири, уверяю, хватает. Посмотрите нашу редколлегию... Потом, всё это зиждется на традиционном уважении к журналу, ведь такое издание обладает огромной инерцией, мы не вправе поступать вопреки эстетике и художественному мировоззрению П. Васильева, Л. Мартынова, С. Маркова, В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина и многих других, печатавших свои произведения на страницах «Сибирских огней».

По существу, Владимир Берязев отдал журналу около полутора десятков лет своей жизни. Работал бы ещё, но, всё проходит... В декабре 2013 года по решению администрации области главный редактор литературного журнала «Сибирские огни» Владимир Берязев вынужден был уйти в отставку.

Как сообщили в обл администрации, смена руководителя издания, финансировавшегося из бюджета, «связана исключительно с финансово-хозяйственной деятельностью». Министерство региональной политики так прокомментировало своё решение информационному агентству Тайга.инфо: «Увольнение главного редактора журнала «Сибирские огни» Владимира Берязева связано с невыполнением госзадания по объёмам тиража».

Владимир Алексеевич с доводами чиновников не согласился...

Сегодня, когда прошло достаточное количество лет после скандальной истории этого увольнения, можно с уверенностью сказать одно – то, что написано сегодня на сайте «Сибирских огней» в разделе «О журнале»: «Творческая судьба многих деятелей российской литературы была прочно связана с «Сибирскими огнями», – относится и к известному поэту, многолетнему редактору этого журнала Владимиру Берязеву.

И его почитатели, и просто понимающие люди уверены, когда лет этак через «...дцать» будут говорить о «берязевском» периоде в истории журнала (как сегодня говорят о «зазубринском», «кожевниковском», «смердовском», «никульковском» или «карпунинском»), то непременно найдутся как сторонники, так и оппоненты его нынешней идеологии.

Одни скажут, что при руководстве Берязева была заметно приподнята планка издания, и журнал был поставлен вровень с другими российскими «толстыми»

журналами. Другие, напротив, найдут, что, публикуя произведения не только авторов из Сибири, но и писателей со всей России и зарубежья, журнал тем самым ущемлял интересы «своих».

При В. А. Берязеве редакция журнала провозглашала художественность как основное кредо. И при отборе материалов отдавала предпочтение сибирской литературе. При этом «Сибирские огни», – всегда подчёркивал Владимир Алексеевич, – издание всероссийское, поскольку едва мы станем провинциальным, как тут же превратимся в издание для графоманов. Планета сегодня стала очень компактной, коммуникативные и технические средства усовершенствовались до такой степени, что замыкаться даже в сибирском мире – величайший грех. И если есть возможность общаться и делиться тем, что достигнуто в России, на Украине, в Казахстане и дальнем зарубежье, если там есть крупные писатели, которые стремятся публиковаться в «Сибирских огнях», то почему мы должны этому препятствовать? Напротив, надо самые мощные, самые могучие силы сюда привлекать. Для современного журнала, я считаю, это абсолютно нормальная модель, она позволяет сохранять коренную традицию «толстого» русского журнала и в то же время считаться с требованиями времени...».

После увольнения он ещё оставался секретарём правления Союза писателей России. Но, прежде всего, он был и есть известный поэт, автор многочисленных стихов, поэм, книг.

3.

Юрий Михайлович Кублановский российский поэт, эссеист, публицист, критик, искусствовед, около десяти лет проведший в эмиграции и в 1990 году вернувшийся в Россию, так написал о поэзии Владимира Берязева:

«Писать стихи в посттоталитарной России... занятие неблагодарное. Не чувствуешь отклика, ощущение, что все заняты «другими делами», что несмотря на литературный девятый вал, нет в современной литературе (а шире – культуре, жизни) чистоты, прозрачности, искреннего культурного аристократизма. Всё замутнено мировоззренческой невнятицей и словесной необязательностью. Да и спонтанности тоже не хватает – поэзия в целом выглядит как с усилием выжатая из тюбика паста. На это накладывается и общий кризис поэзии в «мировом сообществе»: настоящее искусство вымывается из технотронной цивилизации...

И всё-таки не писать – нельзя: когда есть вдохновение, дуновение, веяние (любимое слово Аполлона Григорьева), дар Божий. Им наделён – и вполне щедро – Владимир Берязев. Стихийность... Берязева выверена поэтическим мастерством, в его поэзии много жизни. Пожалуй, я сравнил бы её с лирическим миром покойного Евгения Блажиевского: пафос и лиризм находятся здесь в непринуждённой стихийной спайке. Это поэзия свежая, незакаменевшая, незабронзовевшая в самолюбовании и самозначительности. Правда, иногда её энергетика переходит в «нахрап», но, слава Богу, намного чаще хороший вкус не изменяет поэту.

Как Россия прирастает Сибирью, так и поэзия её центра прирастает сибирскими литературными самородками, в той или иной степени отшлифованными культурой. Кислород поэтического мира Берязева – ей в помощь.

3 декабря 2007 г.,
Париж».

Писать стихи, по признанию самого героя нашей публикации, он начал в юности: «Ода Гавриила Державина «Бог», которую я считаю отправной точкой для большинства русских поэтов, в том числе и для Пушкина, меня поразила и вдохновила на дерзость поэтическую...».

Впервые стихи Владимира Берязева были опубликованы в журнале «Сибирские огни» № 8 за 1982 год. Первая его поэтическая книга «Окоём» увидела свет в Новосибирске в 1986 году. Как говорит сам поэт, она-то и послужила главной причиной его возвращения из Прокопьевска в столицу Сибири: так как профинансировать издание могли только жителю Новосибирска. И он сменил место жительства.

Я уже отмечал, что Владимир Алексеевич признаётся: большую роль в его судьбе сыграл издатель А. И. Плитченко, который брал на особую заметку и по-учительски опекал и поддерживал молодые новосибирские таланты. Владимир Ярцев в статье «Мой Плитченко» («Сибирские огни» № 11, 2017) подтверждает это:

«Именно равнодушие я бы назвал главной чертой характера Александра Ивановича... Для него было естественным поддержать того, кто находился рядом, или того, кто ранее с ним знаком не был, но в его помощи нуждался. Это, если хотите, было его образом жизни. Может быть, не самой яркой, но весьма показательной иллюстрацией к этому утверждению является история выпущенного в 1989 году коллективного сборника «Гнездо поэтов». Не погружаясь в детали, скажу, что каким-то образом близкий к Плитченко, пользующийся его покровительством молодой поэт Владимир Берязев вышел на участников городского литобъединения конца 60-х – начала 70-х годов. Все они писали стихи (в их числе и автор этих строк), но до того времени отметились лишь единичными публикациями в периодике. Их имена были неизвестны ни читающей аудитории, ни тем более – писательскому сообществу...

Александр Иванович, который был в ту пору главным редактором Новосибирского книжного издательства, ознакомился с творчеством некоторых из нас, возникла идея издания «Гнезда». Другой бы не стал возиться с этой совершенно непонятной публикой, к тому же ещё и в возрасте, однако Плитченко разглядел в каждом что-то неординарное и принял решение объединить безвестных поэтов в общей книжке под одним переплётом. Забегая вперед, замечу, что впоследствии практически у каждого из «птенцов» «Гнезда» вышли персональные сборники стихов, и первые из них – в Сибирском отделении издательства «Детская литература».

Затем новые книги Берязева стали выходить с завидной регулярностью. В Новосибирске вышли: «Золотой Кол» (1989), «Могила Великого Скифа» (1996), «Посланец» (1997). Затем были – книга поэм «Тобук» (2003, Улан-Удэ, издательский дом «Буряад-Унэн»), «Кочевник» (2004, издательство Иркутска).

«Золотоносная мгла» (2008) и «Ангел расстояния» (2009) – обе вышли в Москве. И это далеко не весь перечень книг Владимира Алексеевича.

В издательстве «Сова» (Новосибирск) в 2008 напечатан его трёхтомник под общим названием «Моя ойкумена» – том лирической прозы «Сумасбродные мысли о выборе веры», эссеистики и публицистики; том избранных стихов и том лирических и тюрко-монгольских исторических поэм («Девиш», «Свистульки», «Поле Пелагеи», «Знамя Чингиса», «Тобук», а также роман в стихах «Могота»).

Наряду с историческими поэмами, такими как «Тэмуджин-Чингисхан», «Гуннская легенда», В. Берязев создаёт и поэмы о современности, среди которых «Баллада о молодом генерале», «Псковский десант» и другие.

Поэт публикуется во многих журналах, альманахах и антологиях России: «Новый мир», «Наш современник», «Москва», «Северная Аврора», «Урал», «Сибирские огни», «Алтай», «Огни Кузбасса», «Дальний Восток», «Сибирь», «Рубеж», «День и ночь», «Сибирская горница» и других.

Также его широко печатают за рубежом: «Зарубежные записки», «Крещатик» (Германия); «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 2004); «Немига», (Минск, 2004 и 2005); «Дикое поле» (Украина, 2005). В журнале «Аманат» (Казахстан) он – постоянный автор с 2001 года, здесь опубликовано несколько его поэм и роман в стихах. Стихи Владимира Берязева входят в школьную хрестоматию «Шедевры русской поэзии второй половины XX-го века» (Издательство «Внеклассное чтение», 2011).

Литературный критик Виталий Науменко в рецензии на книгу Владимира Берязева «Ангел расстояния» пишет (в журнале «Интерпоэзия», № 1, 2010): «С засилием поэзии абстрактной мы начали постепенно терять поэзию повествовательную. В этом смысле Берязев, часто рассказывающий истории, любящий в большей степени глагол, чем прилагательное, – скорее исключение. Это попытка поговорить о быте вроде бы просто, непретенциозно, но взятый ракурс таков, что, узнавая реалии, мы видим их уже по-другому, уходит «обыкновенность». Берязев всегда хочет наговориться, выговориться, не боясь наглядности. С первой строфы.

За дощатой, просящей пощады,
За подпёртой с обеих сторон
Древоколем, за старой оградой
Мы сидим на крыльце впятером.

У соседа скулит кобелишко,
На решётке шипит барбекю,
И на пару Саврасов и Шишкин
Опрокинули по коньяку...

Вот эти-то Саврасов и Шишкин, «опрокинувшие по коньяку», сразу дают новое освещение намеренно приземлённой картинке.

Эпика, разумеется, не противоречит лирике. Из размеренного прибоя эпика лирика и родилась. Эпический поэт лишь иначе расставляет акценты. Берязев как будто делает глубокий вдох – и выдох становится периодом стиха, который невозможно остановить, как и я, например, не могу здесь прервать цитату – просто негде.

...Но, погоди, не загадывай,
Не торопи, не шути!
В звёздной дали мириадовой,
Там, далеко впереди –
Где-то за мартовским маревом,
То ль на трамвайном кольце,
То ли на солнце миндалевом,
На воробьином крыльце
Встретимся, ангел полуденный,
Встретимся, милая, мы!..
Флейтою, зябкою лютнею,
Как из бродяжьей сумы...

Красивости – оттого, что вот так поймано настроение и с такой силой хочется его передать. Это своего рода есенинская нота, когда не ощущение подбирается к словам, а слова – к ощущению. Слова могут быть неточными, но если они работают на ощущение, если они органичны, значит, они те самые...».

Берязевскую поэму «Люди льда» называют поразительной. Она повествует об изгнанных из рая Адамовых детях, застывших перед роковыми дверями на границе мира. Ценители отмечают, что в поэме показана непроницаемость некой отвлечённой границы, отделяющей падшего человека от Эдемского сада. Граница – понятие не только культурное, но и пространственное. Приближаясь к окраине времён и к окраине Ойкумены, человек наталкивается на границу человеческого, за которым начинается не хаос, а Бог:

Только Спаситель, только лишь Он один
Ад одолел, возгласивши: «Аллах един!»
Только Спаситель, слышите, только Он
Пасхою сделал обморок похорон.

Вот ещё яркое мнение на не менее яркую книгу «Золотоносная мгла» (издательство «Водолей-Паблицер», Москва, 2008), высказанное Алексеем Ивантером – поэтом, редактором, журналистом, лауреатом национальной литературной премии «Поэт года» и Пушкинской премии:

«Потомок пастухов – я чую кожей этот родной запах зимних овец и пота усталых кобылиц. Мы кочуем под одними звёздами, дышим тем же пряным ветром, и свист одной степной пурги горячит нам кровь. Когда есть название – можно издавать книгу. Золотоносная мгла. Золотоносное название. Но могло бы быть иное. Книга даёт такую возможность.

Каждая десятая строка могла бы быть вынесена на обложку – язык Берязева концентрирован и закручен, как травяная алтайская настойка, как тетива лука кочевника.

Он весь – за Уралом. С цепким глазом хищной птицы, доброй рукой пастуха, это его земля – а мы... мы просто его табунчики. И шутки его – шутки чингизида, кровь проступает на клинке этой улыбки...»

4.

Специалисты отмечают, что его поэзия пронизана кочевым духом и овеяна ветром странствий. Каждая новая выпущенная поэтом книга – новое путешествие. На Восток или на Запад, в века минувшие – к миражам умерших городов и образам ушедших воинов или во времена нынешние. В своих бесконечных странствиях поэт «в восторге неперевожимом» вдыхает запахи алтайских костров, возносит гимны звёздному своду, слушает птичье камлание и ведёт разговоры у очага с «аксакалом нелюдимым»...

И хотя в его стихах есть и парижские улочки, и лондонские сады, и московские кафе, стихия Азии с её стоянками и юртами поэту всё же ближе и роднее. Древней историей северной Азии – от Тибета до Казахстана и Сибири – и исследованием эпосов населяющих её народов поэт увлечён давно. Это пристрастие стало неотъемлемой частью и его жизненной философии, и его поэзии.

Друзья, шутя, обвиняют Берязева в «тюркизации» действительности, а новосибирские художники с удовольствием изображают его то в образе древнего воина, то шамана, то восточного вельможи.

– Когда мне «шьют» пантюркизм и говорят: «Берязев, ты – азиат, татарин, тюрк!» – я не спорю, – откровенничает он в интервью газете «Вечерний Новосибирск» (№ от 5 июля 2009). – Я отвечаю: да, мы полтора тысячелетия, может быть, и больше, кочуем туда-сюда, кочуем по этому пространству, называемому Дешт-и-Кыпчак (исторический регион Евразии, представляющий собой Великую Степь от низовий Дуная до Иртыша и озера Балхаш). Да, мы кочевники, хотя и земледельческого толка. Господи, так получается, что мы зачастую не знаем и не помним, где похоронены наши предки...

Так называемые «евразийские поэмы» занимают в его творчестве особое большое место. Евразийская цивилизация, всегда подчёркивает поэт, это особый культурный феномен. Её возраст насчитывает несколько тысячелетий. Она имеет очень глубокие корни, оказала самое большое влияние на формирование русской культуры, в том числе поэтической. Более того, многообразие языков, культур, традиций евразийских народов вообще обогатило духовную культуру людей всей планеты.

Евразийские поэмы Владимира Берязева написаны на материале многочисленных мифов, поэм, баллад, которые зародились на большом пространстве: от Алтая – Байкала – до Каспия. «Они все невидимо живы в культурном поле, – подчёркивает автор, – их смысл нам близок и понятен. И я рассказываю о них в евразийских поэмах. Например, в поэме «Знамя Чингиза» подробно, на основании исторических источников, рассказываю, как мальчик Темучин стал Чингисханом. Я даже побывал на том месте, где стояла юрта, в которой родился Чингис...».

В «Знамени...» поэт стремится создать идеальный образ собирателя народов, властителя Великой Державы, усмирителя ссор и раздоров, установителя Закона. Текст этого произведения насыщен историческими данными и малознакомыми широкому читателю именами и названиями, поэму движет желание рассказать историю великого завоевателя и, что важнее, – создать поэтический образ, за который не жалко умереть.

Сквозь время Чингисхана явственно прочитывается боль автора за судьбу России «эпохи великой криминальной революции», по выражению Юрия Кублановского, эпохи распада национального самосознания. В глубине веков поэт ищет объединяющую идею...

В поэме «Мать Чингисхана» «Я» поэта отступает на второй план, но сама история наполняется другим, не менее волнующим смыслом. В нём появляется настоящая боль и драма матери, родившей того, кто принесёт в этот мир смерть:

И мать ли виновна в жестоком
Порядке на долгой земле,
Где демоны борются с Богом
И – чья-то печать на челе...

Удивительные легенды стали материалом и для создания поэмы «Ганлин». Так, по легенде 1927 года, бурятский религиозный деятель, один из выдающихся буддийских подвижников Даши-Доржо принял позу лотоса и ушёл в нирвану. Саркофаг, в который было помещено его тело, открыли спустя тридцать лет – он всё так же сидел в той же позе. И это была не мумия, а нетленное тело. Позже его тело перенесли в Иволгинский дацан (село Верхняя Иволга, Республика Бурятия) и поместили в стеклянный саркофаг.

– Я был в тех местах под Улан-Удэ и там, в дацане, узнал и о флейте-ганлин, – рассказывает Владимир Берязев. – Она изготавливается из берцовой кости невинной девушки, погибшей от несчастного случая. Тело должно истлеть, прежде чем мастер возьмёт кость. На этой флейте играют только по особым случаям. Меня легенда поразила до глубины души. На первый взгляд, нам может показаться это дикостью – из кости человека делать музыкальный инструмент. Но в этом есть особый смысл. На Востоке ведь к праху относились именно как к праху. Тело человека просто предавали огню. Эта флейта из кости юной девы продолжает петь для живых. История о Даши-Доржо и обычай изготовления флейты ганлин стали материалом для создания поэмы «Ганлин», в которой перекликаются эти события, истории, в том числе с современностью, с трагедией 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, с давним противостоянием Востока и Запада...

Его роман в стихах «Могота» потрясает своей широтой лирико-эпического пространства, которое охвачено в произведении. Сочинение создавалось автором на протяжении семи лет: в период с 1996-го по 2003-й годы.

В основе повествования Берязева критики усматривают средневековую «Повесть о Петре и Февронии Муромских», точнее, первую её часть, рассказывающую о беде, случившейся в семье князя Павла, к жене которого летает змей и, принимая образ мужа, учиняет над ней насилие. В тексте Берязева нет Февронии, а легенда перенесена в наши дни. Главный герой романа художник Павел своим творчеством, питаемым «морозом страсти», даёт возможность воплотиться в жизнь дьявольскому наваждению, жертвой которого становится жена художника – Анна.

«Художественный центр романа – не рассказ о злоключениях главных героев и изгнании демона, а взволнованное, яркое, страшное лирическое повествование об осквернении души и тела, о блуждании души в кругах «ирреального» ада,

растворении её в мороке сладострастия и стыда», – отмечается в одной из критических публикаций о произведении.

Когда «Сибирские огни» начали печатать крупными кусками новое произведение Владимира Берязева «Могота», заявленное автором как «Роман о любви», скептически настроенные товарищи по цеху, не скрывали своих сомнений относительно того, что далеко задуманная вещь (первые главы появились в 1998 году) будет когда-либо вообще закончена. Слишком редок этот жанр – роман в стихах – в русской, да и во всей мировой литературе. Примеры успешного освоения поэтами столь сложной формы повествования буквально наперечёт.

Вот что пишет о сюжетной линии берязевского произведения кандидат филологических наук Владимир Яранцев («Сибирские огни», № 8, 2004):

«У Владимира Берязева возник замысел романа о любви. Точнее, о той обители духовной истины, где врачуют увечных и заблудших, даруют цельность раздвоенным, и которая станет началом общерусского возрождения и единения России.

Таким образом, с самого начала стихотворное произведение В. Берязева было обречено на метафизику и мистику, чьи герои, полные грехов и скверны, проходят очищение в сфере высшей духовности, в идеальном, Божественном пространстве. Этим местом и стала заповедная Могота в трёх стадиях своего развития: сначала она – Ад («могоча» по-татарски – «яма», «гиблое место») для сосланных в период репрессий, затем, со строительством монастыря во главе с владыкой Иоанном это – Чистилище, место осознания каждым своей греховности, и оно же (так как в Православии нет такого понятия) – Рай, вернее его прообраз для тех, кто готов его узреть.

Так же троичны и триипостасны и герои романа: Павел, его брат Михаил и Анна, жена Павла. Поначалу они тоже ссыльные, правда, собственной совести, как тоже повинные в разгуле бесовщины в стране. Во второй ипостаси – это медленно прозревающие люди, мучительно сбрасывающие прежние оболочки художника-авангардиста, ветерана кровавой войны и романтически настроенной провинциальной девушки. И, наконец, ипостась третья: любовью осенённые и одухотворённые и ею же обращённые в апостолов Любви. Но любви разной: мужской, антично-эротичной, взирающей на небесное сквозь телесное, и любви братской, платонической, переходящей в православно-монашескую и возвеличивающей Анну в Пресвятую Деву».

Роман вызвал неоднозначное к себе отношение. Его публикация вызвала немало споров о смысле и содержании повествования. Автора неоднократно обвиняли и в смысловых, и в фактических ошибках, в незнании жизни и неумении до конца разобраться в сложной фактуристике, мешающей расставить все нужные точки над «і». Вот, например, мнение прозаика В. В. Дворцова («Сибирские огни», там же):

«По прочтении романа практически у всех опрошенных осталось тяжёлое, удручающее состояние, как бы в промежуток между двумя болезненными снами. Словно нужно ещё раз заснуть и досмотреть, допереживать кошмар, иначе он не останется «там», в прошедшей, душащей ночи, а потянется в день. Отравленность.

Эта тяжесть, цинковая кислота послевкусия «Моготы» от невозможности пережить через финал катарсис...».

Вместе с тем, «Моготу» критики называют уникальным для современной поэзии трудом Владимира Берязева, известного русского поэта конца XX и начала XXI века. Так, литературовед В. Н. Яранцев отмечает:

«...Любовь – это Могота... Любовь вездесуща: и на поле боя, и среди бомжей и «рерихнувшихся», и даже у дьявола, завидующего Творцу... Автор немало постарался, чтобы проторить свой путь к читателю: негодовал и восторгался, поучал и грешил, думал вслух и наудачу, не стесняясь наивностей или общих мест, но всегда нараспашку, честно. И всегда слово «любовь» у него выступало не только существительным (что значит, «сущим, насущным»), но и глаголом и прилагательным, то есть активным, сильным, теряющим смысл и ни к чему не годным и неприложимым без живых людей. Ну а сам В. Берязев сказал бы проще: могота и есть любовь, как монастырь среди тайги, повенчавший и примиривший человека и природу, «как знак века, преддверие иного духовного опыта» (из эссе «Хождение в обитель отца Иоанна»). А ещё короче и точнее: любовь – это Сибирь. Сибирь, как, может быть, последний приют любви и надежды, бога и человечества. И конечно, поэта, который сочинил роман, так и не вместившийся в рамки романа: эссе в начале книги и «драматическое произведение» в конце её – знак бесконечности романа-триптиха о Сибири, новой колыбели любви».

Сам же автор так сказал о своём произведении:

– Роман в стихах «Могота», с которым я провозился лет семь с половиной, издал тиражом 44 экземпляра – по числу моих тогдашних годов. Зачем я его сочинял столько времени и для кого – до сих пор не знаю. Но недавно полистал и убедился: чёрт возьми, ведь хорошо написано, оказывается! А главное – передана, запечатлена картина и атмосфера целой эпохи – периода 1990-х. Но могу признаться, что иногда большие объёмы сочинять бывает очень мучительно, особенно когда это связано с трагедией, геополитической катастрофой, случившейся с твоей Родиной.

5.

Поэт выраженного эпического начала и космогонического мироощущения, – снова и снова пишут о нём исследователи его произведений. Мысль о равновеликости мощи природы и человеческого духа стала в творчестве В. Берязева краеугольной. В. Берязев тяготеет к монументальным символам и метафорам, позволяющим ему постичь «тайную смежность почвы с небом» и выразить, как «рождается таинственная связь души с необозримым».

Он мастерски владеет и малыми формами лирического стиха, однако именно в самых объёмных повествовательных полотнах Берязев предстаёт как лирик по преимуществу, автор необыкновенно сгущённого, насыщенного чисто поэтическими смыслами текста.

Восторг мастера перед словесной глиной, могущей превратиться в упругий стих, кочевая энергия путешествия по всему дольному миру, бесконечная тяга к

дразнящей Азии с её легендами и преданиями, искусство дружества и опеки... Подобные живописные обороты вытекают из воображения, когда думаешь о стихах Владимира Берязева.

«Берязев – поэт-реалист, проводник между прошлым и настоящим, поводырь, ведущий читателя по опасным нехоженным тропам инокультурного пространства, – довершает образ поэта кандидат филологических наук, литературовед Е. А. Иванова. – ...Работа поэта – созидание нового художественного образа иной России, лирическое постижение её невообразимого пространства – духовного, исторического, географического. Кажется, что Берязев в своём творчестве ищет пресловутый «третий путь», но находит нечто большее – уверенность в неисчерпанности культурного потенциала России, незаконченности её исторического пути, возможности будущего».

Надо подчеркнуть, что его поэтический дар, как говорится, замечен. Его талант, его стихи, поэмы, книги отмечены многочисленными творческими, профессиональными наградами. Их за десятилетия публичной творческой деятельности собралось уже так много, что есть вероятность пропустить какую-либо. И всё же попытаемся сгруппировать их и выстроить основные из них в хронологическом порядке.

По итогам 2002 года В. Берязев – лауреат первой премии конкурса межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» «Сибирь – территория надежд» в номинации «Публицистика». В 2007 награждён премией журнала «Аманат» и медалью Международного клуба Абая (Казахстан) за роман в стихах «Могота», поэмы «Тобук», «Сухой колодец», «Белый старец», переводы и эссеистику.

В 2008 году в Ханты-Мансийске В. Берязев был признан лучшим поэтом Урала и Сибири по итогам регионального конкурса. В 2009 награждён медалью и премией имени Константина Симонова за поэму «Псковский десант». В 2010 году получил медаль и премию «Белуха» (Алтай), а также специальный приз международной премии Максимилиана Волошина за книгу «Ангел расстояния» (Крым).

В январе 2013 года получил «Серебряного Дельвига» – премию «Литературной газеты» имени Антона Дельвига в номинации «Поэзия» за издание антологии «Поэты «Сибирских огней», век XXI», за верность классической традиции русской поэзии и творческое развитие евразийских идей.

...Однажды, обидевшись чуть ли не на весь белый свет за непонимание, неоправданные «наезды» от недругов да и от некоторых бывших друзей, решив уйти от «мира», уединиться, он в сердцах сказал: «Я лучше буду сидеть у себя в имени Абрашино, выращивать овощи, собирать грибы и воспитывать внучку...».

Но жить полным отшельником не умеет. Владимир Алексеевич и сегодня активно занят творчеством, пишет стихи, публицистические заметки, которые публикует не только в своих аккаунтах соцсетей, но и на интернет-порталах известных журналов, газет.

В 2021 году вышла его обновлённая книга – теперь уже пятитомник «Моя ойкумена», куда вошла лирика, поэмы, эссе, избранная переписка интервью о сути литературной творческой деятельности. И много чего ещё.

Он постоянно откликается на все заметные события, касающиеся не только творческого Новосибирска, но и Союза писателей России, и самой страны в целом. Одна из таких острых критических его статей «Корни плебейства» обнаружилась на интернет-портале «Литературной России» (№ 2022/35, 16.09.2022):

«...В силу того, что мой дом-усада в Абрашино располагается на расстоянии 130 км от Новосибирска, большую часть пути за рулём я могу слушать лишь «Радио России», остальные каналы в ФМ-диапазоне не простираются далее 30 км от мегаполиса. Посему именно из этого всероссийского источника информации я и познакомился с явлением, именуемым «Поэзия русской весны»...

Идея возвращения поэзии в публичное поле сама по себе не вызывает ни сомнения, ни протеста. Однако возникает несколько «но», не придёт ли на место попсы и развлекаловки, на место убожества шоу и юмора ниже пояса, не придёт ли самодеятельность, гопота, самоуверенное и амбициозное невежество? Как минимум, те, кто сегодня пишут на актуальные, горячие, кровавые темы, те, кто в гуще событий и эмоционально переживают исторический слом,.. они должны знать ремесло, быть профессионалами, они обязаны работать в рамках традиции. А традиция эта имеет протяжённость не менее двух веков.

И вот я слушаю главное радио страны... Кого нам представляют в качестве новой поэтической волны, когорты пришедших с передовой, несущих в поэтическом слове боль, надежду, гражданское мужество и дух победный, хранимый в сердцах?..

А нижеприведённый текст, транслировавшийся на 150-миллионную аудиторию всероссийского радио, я не могу, не могу интерпретировать иначе как самодеятельность сельскую, клубную. Скажу мягче: эмоция понятна, ситуация на грани жизни и смерти не может не вызывать сочувствие, но вспоминается классический афоризм: «Не стреляйте в пианиста, он играет как умеет»... Вы поймите, поэзия – не место выяснения отношения с несправедливым миром, поэзия есть попытка примирения с миром через связь с небесами. Поэтому когда я читаю подобное, я вспоминаю Николая Тихонова с его «Мы разучились нищим подавать» и начинаю шарить по карманам, Господи, прости...».

Он делает детальный разбор стихов авторов этой радиопередачи. Это серьёзный, может быть, даже злой, но очень полезный профессиональный анализ стихотворства молодых, во многом только начинающих, но Владимир Берязев искренен в своём желании доказать, что писать плохие стихи лучше не надо, а опубликовать их на всю страну – тем более...

Он многому может научить молодых и начинающих. И для этого – и не только для этого, конечно, – он пытается организовать новую радиопередачу «Сибирская муза». В конце 2017 года на своей интернет-странице в Живом Журнале (livejournal.com) он сообщает:

«Областное радио готово предоставить мне студию и эфир, но оплачивать мою работу, увы, неспособно. Помимо еженедельных радиопередач в FM-диапазоне на всю территорию Новосибирской области, аудио архив «Сибирской Музы» будет выкладываться и на отдельном сайте в свободной доступе. Обсудив эту идею с друзьями,.. мы решили – почему бы не попробовать?! Достаточно набрать стартовый капитал для пилотных выпусков программы, а там – Бог даст...».

О чём он намеревается говорить со слушателями? Вот некоторые из предложенных тем: «Тобольский гений. Пётр Павлович Ершов...»; «Поэзия декабристов-ссылных...»; «Традиция поэзии ссылно-каторжан...»; «Харбинская поэтическая школа. «Чураевка» – одно из значительных явлений литературной жизни русского Харбина»; «Поэты советской эпохи»...

Ведь сам Берязев и сегодня не стесняется учиться секретам поэтического мастерства, обращаясь к текстам самых признанных Учителей: «Я читаю Евангелие. Пушкина, опять-таки да его любимца Гоголя. С огромным интересом перечитываю того же Михаила Юрьевича Лермонтова, чья фигура так до сих пор и не разгадана. Я считаю, что ничего подобного в мировой поэзии не было явлено и уже вряд ли будет. ...Я почти представляю себе живого Пушкина, особенно когда читаю гениальные воспоминания Гоголя. Но вот голоса его не могу себе представить. Это для меня опять остается тайной...»

Владимир Берязев часто размышляет о том, какое будущее ждёт нас, живущих на огромном евразийском пространстве. Он уверен, если мы сможем сохранить нашу духовность, веру, имея в виду «веру в самом широком смысле, думаю, что Господь будет на нашей стороне и мы сохраним нашу землю. Без этой земли не будет того, что называют живой душой. Человек, особенно в России, не может в полной мере жить без связи со своим Отечеством. Будучи до конца преданным своей земле, человек становится её защитником, настоящим воином, а в награду получает способности Творца»...

Когда-то давно он написал стихотворенье «Тоска по призраку». Им и хочу завершить этот неполный рассказ о поэте:

Всё больше нас – надменных и сухих,
Свободных и безапелляционных,
Размерявших на блюдах порционных
Любовь и смысл,
Страдание и стих.

Всё в пользу, всё рассчитано, всё в срок:

Когда войти, о чём распространяться.

Диета – символ веры сыроядца.

Разумность – долголетия залог.

Но не бессмертья...

Боже упаси,

От сытости и самосозерцанья.

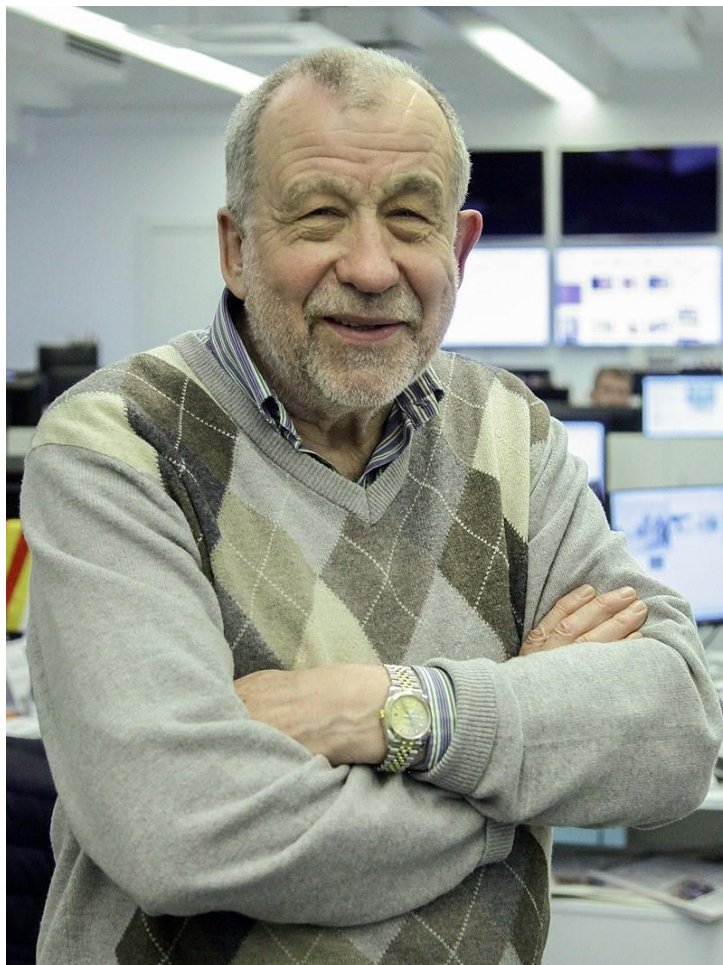
...Рябит в глазах от звёздного мерцанья.

И оглашая космос бубенцами,

Из топота и храпа вырастая,

Косматый призрак мчится по Руси.

Журналист Владимир Снегирёв: «Я всегда поднимаю тост за удачу...»

Известный российский журналист-международник, военкор, писатель, кандидат исторических наук Владимир Снегирёв начинал карьеру в газете «Шахтёрская правда» города Прокопьевска.

Владимир Николаевич родился 3 июня 1947 в городе Колпашево Томской области. Начинал учиться в одной из школ Томска, затем окончил Оренбургское Суворовское военное училище. Однако, чтобы получить аттестат о среднем образовании, ему пришлось доучиваться в школе рабочей молодежи в Прокопьевске.

Параллельно в 1964 году Владимир начал трудовую деятельность: устроился корреспондентом в городскую газету Прокопьевска «Шахтёрская правда». Ему тогда исполнилось всего 17 лет.

Напомню, что в этом же году решением бюро Кемеровского обкома КПСС редактором «Шахтёрки» назначили Владимира Лаврентьевича Баринова. Опытный газетчик, участник Великой Отечественной войны, он многое сделал, чтобы земляки полюбили свою газету, ждали каждого её номера.

Владимир Лаврентьевич воспитал целую плеяду известных журналистов. В ней при Баринове в разные годы начинали работать Юрий Дьяконов и Валерий Гужвенко –

руководившие затем областной газетой «Кузбасс», известный московский фотокорреспондент Дмитрий Коробейников и другие. Не случайно прокопьевскую газету называли настоящей кузницей кадров для средств массовой информации Кузбасса и страны.

В. Л. Баринов сыграл не последнюю роль и в судьбе Володи Снегирёва. Именно у этого редактора Владимир получил первые практические навыки репортёра. Окончив среднюю школу, парень твёрдо решил всерьёз учиться профессии журналиста – поступил на журфак Уральского государственного университета имени А. М. Горького.

Производственную практику студент Снегирёв дважды проходил в центральной газете «Известия». Преддипломную практику бывший прокопчанин тоже прошёл там. И вот когда практика заканчивалась, Борис Дмитриевич Панкин – главный редактор «Комсомолки» – обратился в «Известия»: нет ли у них на примете молодого, хорошего парня? Вот так оканчивающего университет, настойчивого и энергичного сибиряка сразу взяли в штат главной молодёжной газеты страны.

Сам он уверен, что это было невероятное везение.

– Это был 1969 год, – рассказывает он в одном из интервью. – Всё происходило очень быстро. Когда я оказался в «Комсомольской правде», думал, будто что-то умею! Но очень скоро выяснилось, что нет. Я бы сказал, что оказался тогда в очень тяжёлой, просто пограничной ситуации. Ну, представьте себе: человек 22 лет от роду формально поставлен в один строй с корифеями журналистики, столпами словесности.

В одной комнате со мной сидел Юрий Рост, он уже тогда был классик. За стенкой были Ярослав Голованов и Василий Песков. По коридору бродил Геннадий Бочаров. Для меня это был шок, меня заклинило, я не мог ничего писать, потому что считал: как Рост всё равно не напишу, а хуже – стыдно, нельзя.

Тем не менее, он справился с волнением. И с тех пор верит в журналистскую удачу: «Первое, за что я всегда поднимаю тост, – за удачу. Без везения, без «козырной карты», без фарта трудно в нашей профессии».

Но, удача, как правило, помогает тем, кто сильный, профессиональный, кто фанатично относится к своей работе. Если это есть, то и удача есть. А если этого нет, то – и удачи никогда не видать.

С 1969-го по 1983-й годы Снегирёв работал в «Комсомолке» как корреспондент, заведующий отделом. Затем стал членом редколлегии этой газеты, заместителем главного редактора «Комсомолки».

Некоторые известные проекты «молодёжки», можно сказать, целиком лежали на его плечах. Например, Владимир долгое время был организатором и участником полярных экспедиций «Комсомольской правды». В 1979 году экспедиция газеты впервые в истории совершила лыжный переход к Северному полюсу. Через несколько лет редакционная экспедиция впервые соединила лыжнёй Евразию и Северную Америку через Северный полюс. Репортажи В. Снегирёва об этих событиях зачитывались «до дыр».

В 1981-1982 годах он освоил новую специализацию, которой оказался верен долгие годы, – стал военным корреспондентом «Комсомольской правды» в Афганистане. Много километров прошагал по горным тропам и проехал по этой стране с военными ограниченного контингента советских войск. Объективно и правдиво описывал события той сложной войны. Но многое не пропускала в печать военная цензура.

Спустя почти 35 лет он так вспоминал о своей первой афганской командировке на страницах «КП»:

– В 1980 году в «Комсомолке» я возглавлял отдел спорта. Сразу после окончания Московской Олимпиады в газету из ЦК КПСС пришла разнарядка: направить в Афганистан советника по делам печати, поднять там молодёжную прессу. Типа «Комсомольскую правду», афганский вариант. Причём, нужно было направить человека именно в ранге члена редколлегии, не меньше. И Геннадий Селезнёв, тогдашний главный редактор, огласил эту директиву и спросил, есть ли желающие. Желающих не нашлось. Все как-то уткнулись глазами вниз. Проходит день. Опять заседание редколлегии, опять Селезнёв говорит: «Друзья, мы должны дать ответ инстанции, кто поедет из нашего дружного коллектива в Афганистан представлять «Комсомольскую правду» и помогать афганской революции». Моя рука как-то самопроизвольно поднялась. И все с облегчением вздохнули. Началось оформление, через два месяца я уехал. Это было 21 марта 1981 года...

За два месяца подготовки редакция оплатила ему занятия языком дари. Словарный запас поднакопил, какие-то фразы выучил. И книжки почитал, какие мог. Что там происходило, он и понятия не имел. Начал работать как советник, через некоторое время понял, что надо быть и корреспондентом.

В командировках в Афганистане он провёл в общей сложности почти три года. Подчёркивает, что благодарен Афганистану:

– Если бы его не было, я бы остался таким же самоуверенным, полублагополучным или даже благополучным московским хлыщом. Афганистан перевернул многое в моей душе, заставил на многие вещи смотреть по-другому. И во всём сомневаться. Война, она всё-таки очень сильная школа. И в человеческом плане, и в профессиональном, и в плане дружбы с разными людьми. Аушев, Громов, Востротин, какие-то простые ребята, солдаты, с которыми мы до сих пор поддерживаем дружеские отношения. Потому что война, кровью повязаны, что называется. Этого нет ни у кого или почти ни у кого. У меня это есть. И я этим очень дорожу...

Впоследствии освещал боевые действия на Северном Кавказе и в Закавказье, военные конфликты в ряде стран Ближнего Востока. Каждая из поездок оставила свой неизгладимый след в творчестве и в душе журналиста. Подчас военкору приходилось проходить через такие испытания, которых он не пожелал бы никому:

– Бывало очень страшно. Но когда ты начинаешь работать, когда ты попадаешь в экстремальную ситуацию, когда понимаешь, что тебе выпала козырная карта, и ты видишь то, что другие не видят, забываешь о страхе, потому что внутри включается профессиональный азарт: увидеть, сфотографировать, передать в редакцию эксклюзив – вот счастье-то! Так, например, было в Каире, когда я случайно (а

может, и не случайно) оказался в самой гуще схватки между «братьями-мусульманами» и их противниками. Чудом, просто чудом, уцелел, но зато какой это был кайф! Мой переводчик-араб потом с изумлением спрашивал: «Вы что – сумасшедший? Почему, когда все бросились от того места, где стреляют, вы побежали именно туда»? Нет, я не сумасшедший. Просто профессия у меня такая – бежать туда, где стреляют.

Правда, молодой смене Владимир Николаевич не желает такой отчаянной профессиональной жизни.

– Я, когда встречаюсь со студентами или молодыми коллегами, то всегда их заклинаю: не дай вам Бог заняться фронтовой журналистикой, – искренне заявляет Владимир Снегирёв. – Это очень тяжёлая, очень опасная и очень неблагодарная стезя. Когда ты не просто издали наблюдаешь войну, революцию, бунт, страдания, кровь, а находишься внутри этих страстей, это способно сломать даже очень крепкую душу. Это отражается на твоей психике, на твоём отношении к жизни. По большому счёту ничего хорошего в этом нет. Безусловно, надо быть сильным, иначе элементарно сойдешь с ума...

– И восстановиться после командировки на войну совсем непросто. – говорит он откровенно. – У всех это происходит по-разному: и ломка, и восстановление. По молодости всё было проще. Помню, когда лет 30 назад из Афганистана возвращался, тоже накрывало с головой, но всё же больше было эйфории, радости – от того, что вернулся, что кругом мирная жизнь, что ты можешь ходить по зелёной траве и не бояться ступить на мину. Что ты можешь видеть женщин, не укрытых паранджой. Это сильно грело душу...

При всей этой суетной и опасной работе он продолжал учиться. Так, в 1985-ом окончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. После защиты диссертации ему присвоили учёную степень кандидата исторических наук.

После этого Владимира Николаевича назначили главным редактором популярного еженедельника «Собеседник», который выпускался как полноцветное развлекательное приложение к газете «Комсомольская правда». И пользовался ажиотажным спросом у читателей. Издание печаталось в Москве тиражом в сотни тысяч экземпляров, а также – в Риге, Минске, Ереване, Тель-Авиве.

В этой должности В. Н. Снегирёв трудился до 1988 года. По неписаной табели о рангах главный редактор «Собеседника» считался тогда «генералом», «номенклатурой» – с персональным водителем, телефоном-«вертушкой», по которому можно связаться напрямую и с Кремлём, и с любым членом правительства, была и госдача в Серебряном Бору. Однако это не испортило отношения нашего героя к людям и к любимому делу. Об этом периоде он всегда вспоминает с особой теплотой. Не забывает при называть этом имена тех, с кем работал:

«Я сменил на посту редактора «Собеседника» Тимофея Васильевича Кузнецова. Период старта газеты уже был позади, следовало выводить её на новые орбиты. Своими замами пригласил Юру Ковешникова (ему поручались все хлопоты по хозяйственным делам редакции, финансы, связь с типографией и прочее) и недавнего собкора «КП» по Дальнему Востоку Сашу Куприянова, которого хотел

видеть мотором в наших мозговых штурмах. Ответсекретарём стала Валя Пономарева, с которой работал в «Комсомолке».

Резвились, конечно, как могли, вернее, так, чтобы пройти по лезвию. Когда дело у нас пошло, многие сильные журналисты «КП» стали проситься в «Собеседник» – Оля Дмитриева (затем собкор «Российской газеты» в Лондоне), Андрей Максимов (ныне известный писатель, драматург и телеведущий), Рустам Арифджанов (впоследствии главный редактор множества изданий), Валера Бадов, Саша Теплюк, Гриша Пашков, Саша Лопухин...

Молодёжь с разных сторон потянулась: Игорь Мартынов (шеф-редактор журнала «Русский пионер»), Костя Михайлов (до недавнего времени главный редактор «Политического журнала»), Игорь Черняк (редактор «толстушки» в «РГ»), Володя Яковлев (основатель «Коммерсанта»), Игорь Свиноренко (главный редактор журнала «Медведь»), Дима Быков (ныне известный писатель и телеведущий), Катя Добрынина (заместитель главного редактора «Литгазеты»).... А ещё тогда у нас работали Андрей Васильев (много лет возглавлявший «Коммерсант»), Миша Сердюков, Юра Макарецев (заместитель главного редактора «РГ»).... Простите те, кого не упомянул...».

Но жизнь не стояла на месте. Владимиру Николаевичу минуло сорок лет. За плечами – большой опыт репортёрской и редакторской работы. Его профессиональный багаж был востребован в самых главных газетах страны того периода.

«Прошёл через всю советскую периодику», – иногда шутит он, вспоминая основные вехи своей биографии. С 1988 года В. Н. Снегирёв – редактор отдела информации и член редколлегии ведущей партийной газеты СССР – газеты «Правда». Затем стал политическим обозревателем газеты «Труд».

Через некоторое время его назначили главным редактором и генеральным директором журналов «Вояж», «Вояж и отдых», «Экспресс-газеты», «Национального банковского журнала». Поработал даже главным редактором ежедневной газеты «Метро», которая начала выходить в Москве с 1 сентября 1997 года – в канун празднования 850-летия города.

В обновляющейся России в 1990-е годы и в начале 2000-х многим, успешным при Советском Союзе, печатным СМИ приходится трудно, они вынужденно закрываются или сокращают свои тиражи. Не всем журналистам удаётся адаптироваться к новым условиям жизни и работы. Владимиру Снегирёву и здесь везёт – он по-прежнему востребован.

Почти на десять лет он становится международным обозревателем «Российской газеты». Его глубокие, аналитические материалы на зарубежные темы пользуются спросом и у читателей, и у специалистов.

А в 2014-2016 годы Владимир Николаевич работал специальным корреспондентом по странам Центральной и Восточной Европы газеты «Вечерняя Москва». Его корреспондентский пункт дислоцировался в Праге. Но в апреле 2016 года из-за обострившихся отношений с Россией МИД Чехии отказал спецкору «Вечерней Москвы» Снегирёву в продлении аккредитации.

Как отмечали тогда в прессе: Прага «выступила в лучших советских традициях», отказав журналисту в аккредитации и засекретив причины такого решения. (Глава пресс-отдела МИД Чехии Михаэла Лагронова объяснила, что основания, по которым было принято решение, «квалифицируются как сугубо секретные сведения»).

И Владимир Николаевич вновь вернулся «под крышу» редакции «Российской газеты» – стал собственным корреспондентом «РГ» по странам Центральной и Восточной Европы. Кроме того, продолжил специализироваться на освещении событий в «горячих точках» (Афганистан, Ирак, Иран, Косово, Закавказье, Ливия, Египет). Много лет занимался поиском и освобождением советских военнопленных в Афганистане, выяснением судеб без вести пропавших там наших граждан.

Слава Богу, часто шутят теперь мои коллеги, ещё остался небольшой процент журналистов, работающих «в поле». Именно их и читают – их страстное слово, их волнение, их глубокое знание предмета, их честность передаётся читателю и заставляет сильнее биться читательское сердце.

Однако и время берёт своё – с каждым годом командировки в «горячие точки» даются Владимиру Снегирёву всё труднее. Вот как он рассуждает о причинах этого в журнале «Журналист» (№ 5, 2014):

«Сейчас всё даётся гораздо тяжелее. Каждая командировка, особенно связанная с риском, заканчивается одним и тем же. Ты возвращаешься, и тебя догоняет сильнейший стресс. Накрывает сложная гамма чувств, в которой есть и тоска смертная, и воспоминания тяжёлые, и понимание того, что ты опять вылез живым в который уже раз, а не бывает вечной жизни и рано или поздно пуля тебя достанет. Всё это таким камнем ложится на душу, что невольно замыкаешься, ведь не станешь кому-то рассказывать, что было, что испытал, что видел. Это и самому-то вспоминать не хочется – а рассказывать, тем более. Да и кто поймёт? Это настолько субъективное, настолько личное, настолько глубокое, настолько твоё, что ты и только ты один обязан это пережить. Впрочем, насколько я знаю по общению с коллегами, всех по разному «догоняет» война».

В публикации «Позывной «Снегирь». Замечательному журналисту «Российской газеты» исполнилось 75» («РГ» от 03.06.2022), посвящённой юбилею Владимира Снегирёва, однокашник по журфаку УрГУ и коллега Владимира Николаевича Юрий Лепский пишет:

«Он блистательный фронтовой репортёр. Образец личного бесстрашия и отваги. Один из первых корреспондентов «Комсомолки» в воюющем Афганистане. Его по сей день знают и уважают наши «афганцы». К нему с уважением относились даже те, кто воевал с нами... Однажды полевой командир Ахмад Шах Масуд поставил его к стенке, но не расстрелял. Из уважения».

Но даже этот жуткий факт не смог заставить его оставить столь феноменально опасное занятие. Этот феномен Снегирёв сравнивает – ни больше, ни меньше – с пристрастием... к наркотикам.

– Если уж ты на это подсел, то на всю жизнь. Ты много раз даёшь себе слово, что всё, хватит, вот сейчас вернусь невредимым и больше не поеду. Но опять где-то

что-то случается, опять труба зовёт, ты снова вынимаешь из кладовки свой походный чемоданчик и – в путь. Это тоже очень сокровенная вещь, это трудно объяснить... Это и понимание того, что ты такую работу сделаешь лучше других, понимание того, что ты должен её сделать... Это и ревность, потому что твои коллеги едут, а как же ты-то дома отсидишься? Это и ...желание ещё раз вкусить сей дьявольский наркотик. Ведь если ты хорошо сделаешь свою работу, то в итоге испытаешь огромное счастье, огромное удовлетворение...

Даже отдав журналистике более полувека, поработав и международным обозревателем, и спецкором, и руководителем СМИ различного уровня, в душе он всегда оставался репортёром, человеком, который работает «в поле». Потому что с юных лет – со времени работы в прокопьевской «Шахтёрской правде» – не мог себя заставить писать, «не увидев, не понюхав, не потрогав, не почувствовав событие, не поговорив с людьми, не вникнув в проблему глубоко и не прикоснувшись к ней руками, глазами»... Он категорически подчёркивает: «Работать «в поле» – самое важное, самое увлекательное занятие. Это моя принципиальная позиция».

Он никогда не сомневался, что журналистика – это не профессия, а образ жизни. Если человек готов к тому, что он «на работе» круглые сутки, без выходных и отпусков, тогда у него может получиться.

И ещё Владимир Николаевич благодарен журналистике за огромное счастье увидеть мир, попытаться понять его и обрести друзей в разных странах и самых разных сферах – художника Михаила Шемякина, кинорежиссёра Эмира Кустурицу, писателя Максима Кантора, писателя Юлиана Семёнова, первого президента Ингушетии Руслана Аушева, полярного исследователя Артура Чилингарова...

При этом очень важной деталью будущего материала он всегда считал и считает подготовку к командировке. Раньше для этого пользовался книгами, статьями, приходил к знающим тему людям, садился за телефон и обзванивал всех, кто может дать дельный совет, информацию или контакт. Потом, когда появился интернет, «доставал» из Всемирной паутины всё, что можно: «Ибо ты должен приехать не на пустое место, не открывать для себя Америку, а сразу с первого дня, лучше – с первого часа, начать работать. Встречаться с нужными людьми, собирать необходимую информацию, писать, снимать, отправлять материалы в редакцию...».

Сегодня Владимира Николаевича считают опытным и занятым интернет-блогером – он активен в социальных сетях. Ведёт свои аккаунты ярко и интересно. Однако при этом ветерана-газетчика Снегирёва волнует настоящее и будущее печатной журналистики в цифровом мире. Ведь примеров печальной судьбы больших и малых газет – не перечесть:

– Для меня это, конечно, личная трагедия, потому что я вырос в газете и прожил в газете целых полвека. Меня всегда волновал запах краски типографской, особенно в юные годы. А каким счастьем было увидеть свою фамилию даже под крошечной заметкой. Но, похоже, этого уже не будет, всё уходит в виртуальную реальность. Видимо, это – неизбежность...

Человек очень деятельный и энергичный, он немало своей энергии отдал общественной работе. Владимир Николаевич с 1999 года – сопредседатель общероссийского движения «За равноправие и справедливость». Также он – основатель и первый президент Гильдии туристической прессы. Член Координационного совета Комитета по делам воинов-интернационалистов при Совете Глав правительств государств СНГ (со дня его основания в 1990 году).

Так же он – автор многих увлекательных книг, которые стали продолжением его газетных публикаций. Среди самых известных его книжек и сборников публицистики и документалистики «Вирус «А». Как мы заболели вторжением в Афганистан» (политическое расследование, написанное в соавторстве с полковником Валерием Самуниным), книги «Путь на север», «Рыжий», «Руслан: история жизни первого президента Ингушетии, рассказанная им самим и его друзьями», «Генерал невидимого фронта», «Как карта ляжет. От полюса холода до горячих точек», «Миссия невыполнима? Антиучебник журналистики» и других.

Он написал целый ряд сценариев для документальных фильмов: «На полюс» (Центрнаучфильм), «Багровая земля» (Узбекская студия документальных фильмов), «Полярный мост» (Центрнаучфильм), «Время «Ч» для страны «А».

Его книги переведены и изданы в США, Канаде, ФРГ, Чехословакии, Афганистане и других странах. А документальная повесть «Рыжий», посвящённая ирландскому другу-журналисту Рори Пеку, погибшему в Москве 3 октября 1993 года во время штурма телецентра «Останкино», получила премию Союза журналистов России как лучшее произведение года в жанре документальной прозы.

Среди высоких профессиональных наград Владимира Снегирёва – премии Союза журналистов СССР (1997), Союза журналистов России (1997, 2003), премия имени Юлиана Семёнова «За достижения в области экстремальной журналистики». И

высшая награда в области журналистики в России – премия «Золотое перо России» (2017).

Его труд отмечен и государственными наградами России и других стран. Орден Дружбы В. Н. Снегирёв получил за активную общественную работу по социальной поддержке ветеранов и патриотическому воспитанию молодёжи (2009). Также он удостоен орденов Красной Звезды и «Знак Почёта». А 4 ноября 2022 года президент России присвоил Владимиру Николаевичу почётное звание заслуженного журналиста Российской Федерации – за большой вклад в развитие отечественной журналистики и многолетнюю плодотворную работу. Имеются в наградной коллекции героя нашей зарисовки и медали РФ, награды Республики Афганистан, государств СНГ.

Он считает, что настоящий журналист не может позволить себе соврать, сподличать, быть равнодушным. И уверен, что предназначение журналистики – бороться за человека, за его хорошую жизнь, за его достоинство, отстаивать этого человека, защищать его от чиновника, от бандита, от произвола, от всех несчастий.

«Когда я был главным редактором «Собеседника», – признавался Владимир Николаевич, – у меня висел на стене листочек со стихотворением, оно немножко, может быть, советское, но и сейчас актуально звучит:

«Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт наш враг,
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя».

Между прочим, это стихотворение называется «Сердца» большого русского поэта, тоже нашего земляка-кузбассовца Василия Фёдорова, написанное в 1955 году. Совпадение ли?

Юрий Совцов относит себя к «Русофилам»

Звезда московской журналистики Юрий Совцов родился в трудном 1947 году, когда СССР ещё поднимался из военной разрухи. В биографических заметках он так рассказывает о своих родителях: отец – Александр, мать Мария. Юра родился у них через два года после того, как закончилась Великая Отечественная война. Они были молоды и рады своему первенцу:

«Но в городе голодуха, молока для ребенка не достать – надо ехать в деревню. А между тем они счастливы. Папа прошёл всю войну без единой царапины. В Польше его назначали комендантом городка Ново-Томысль. (Много лет спустя я спросил польского президента Александра Квасьневского, вспоминают ли в Польше тех русских, кто освобождал страну? Он ответил, что, конечно, помнят, но... Я понимал, о чём он, а вот мой батя, вряд ли бы его захотел понять).

Мама провоевала три года, всё время рядом с передовой вместе с госпиталем. Однажды они разговаривали с главным врачом, в это время в воздухе раздался свист. Там, где стоял главврач, зияла небольшая дымящаяся воронка, у мамы на спине остался огромный шрам...

Папу война догнала потом, он всю жизнь промаялся сердцем, умер в 59 лет. Мама дожила до старости, понянчила внуков, но, думаю, война была самым главным, самым памятным событием в их жизни. Ничего «более весёлого» это поколение так

и не увидело. Они часто сняты мне – гвардии майор Совцов Александр Михайлович и старший лейтенант медицинской службы Совцова Мария Макаровна».

Сам Юрий конце 1960-х начал работать журналистом в Прокопьевске. Был корреспондентом городской газеты «Шахтёрская правда». Помотался по угольным предприятиям, заводам и фабрикам этого третьего по величине города Кемеровской области, получил хорошие репортёрские навыки в ежедневном в те времена печатном издании.

Затем поступил на журфак в Уральский госуниверситет. А после успешного окончания вуза его взяли в краевую газету «Алтайская правда». Здесь прошёл путь от литсотрудника до редактора отдела, члена редакционной коллегии.

В 1977 году перспективного сотрудника приглашают в Москву, в центральную газету «Комсомольская правда»: он становится редактором отдела рабочей молодёжи. Затем – редактором отдела политики, членом редколлегии.

С 1980-го по 1983-й работает собственным корреспондентом «Комсомолки» в Болгарии. По итогам 1982 года он признан лучшим зарубежным корреспондентом «Комсомольской правды», был награждён правительственной наградой Болгарии.

Многие его «болгарские» материалы были посвящены углублению дружбы между СССР и Болгарией. Интересы наших стран тогда совпадали почти на сто процентов. И наши болгарские друзья чтили память об освободительных усилиях русского народа, его вкладе в свободу и независимость Болгарии.

«Почему в Болгарии российского императора чтут сердечнее, чем на Родине? – задаётся вопросом журналист Юрий Совцов в публикации «Всадник на бульваре Царя-Освободителя» («Родина», апрель 2018). – Я другой такой страны не знаю! В Болгарии более 400 памятников, посвящённых подвигам русских воинов и полководцев в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Такова глубина благодарности одного славянского народа, над которым нависала реальная угроза истребления в ходе пяти веков ига, другому славянскому народу, пришедшему братьям на помощь.

А много ли столиц на свете, где увековечен русский император?

Памятник Александру II стоит в самом центре Софии, напротив здания парламента. И адрес у монумента подходящий: «бульвар Царя-Освободителя». И весь этот квартал туристы часто называют русским. Напротив памятника императору грандиозный храм Святого Александра Невского – кафедральный патриарший собор Болгарской православной церкви (вмещающий более 5000 человек!), возведённый в 1912 году по проекту русского архитектора А. Померанцева в честь победы в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. По соседству – церковь святителя Николая Чудотворца (является подворьем Русской православной церкви). Чуть подальше – обелиск в знак победы русского оружия. Да и ближайшая улица квартала названа Московской...

Я много лет работал корреспондентом в Болгарии. И мне не очень приятно задавать этот вопрос: почему в современной России так несправедливы к памяти этого императора Александра?

Одна-единственная скульптура в Москве, возле храма Христа Спасителя, работы Александра Рукавишникова – откуда такая скупость на похвалу человеку, сделавшему неизмеримо много для нас, россиян? Понимаю, коммунистические идеологи вычеркнули из российской летописи много славных страниц. Но сегодня-то кто не велит вспомнить об Освободителе и Реформаторе и достойно увековечить нашу память о нём не только в столице?»

После возвращения в Москву Юрий Совцов трудится на посту ответственного секретаря «Комсомолки», работает заместителем главного редактора.

В 1988 году его назначили первым главным редактором ежемесячного журнала «Родина» и членом редколлегии газеты «Правда». Журнал считался печатным изданием этой газеты. Первый номер вышел 1 января 1989 года. Он продолжил традиции одноимённого дореволюционного издания, основанного ещё в 1879 году. За два года под руководством Юрия Александровича журнал набрал тираж 450 тысяч экземпляров и стал одним из самых популярных изданий общественно-политической направленности в стране. Его авторы – известные историки, этнографы, археологи, писатели, публицисты. Кажется, нет такого «уголка» истории, о котором не поведала бы за минувшие годы «Родина».

Однако из-за конфликта редакции с ЦК КПСС журнал был фактически расформирован (переведён в разряд научно-популярных исторических журналов). Но творческая судьба нашего коллеги на этом не прерывается. С 1990 года по 2008 год он – первый заместитель главного редактора газеты «Труд». Затем ещё несколько лет работает шеф-редактором зарубежных выпусков «Российской газеты».

Он продолжает много писать о любимой стране – о Болгарии. После развала СССР, после всех трудностей возрождения, Россия стала вновь выходить на мировую арену, как сильное, самостоятельное государство. Однако и окружающий западный мир переменялся. Изменились и изменили дружбе и недавние друзья.

«Странные дела творятся в Болгарии! – размышляет он об этом он в материале «Русофилы и русофобы» («Труд», 20 сентября 2019). – Началось с почти схоластического спора по поводу исторической даты, а закончилось... арестами.

Итак, посольство РФ пригласило желающих посетить выставку в Российском культурно-информационном центре, посвящённую Дню освобождения Болгарии от фашизма. До 9 сентября 1990 года этот день считался в стране официальным праздником, но потом торжества отменили, пояснив народу, что официальное мнение по поводу этой даты изменилось. (Напомню, что Болгария являлась союзником Германии во Второй мировой, но войну СССР так и не объявила и свои войска на Восточный фронт не отправляла).

Не все такой разворот приняли – идеологические споры о том, произошла ли 72 года назад в стране социалистическая революция или переворот, результатом которого стал отказ от демократии и частной собственности, ни шатко ни валко тянутся по сей день. Но тут в дело вмешался МИД Болгарии, решительно осудив инициативу нашего посольства. Да ещё менторским тоном: мол, спорить тут не о чем, СССР, конечно, внёс вклад в победу над фашизмом, но при этом оккупировал ряд европейских государств, насадив репрессивные порядки...

Именно в день открытия в Софии скромной выставки под стражу были взяты руководитель болгарского общественного движения «Русофилы» Николай Малинов и его соратники Юрий Борисов и Милен Чакыров, обвинённые прокуратурой ни больше ни меньше как в шпионаже.

«Русофилы» – движение уникальное, ни о чём похожем в других странах я не слышал. Сейчас в его рядах более 20 тысяч членов – совсем немало для Болгарии. Движение, как записано в его уставе, вне политики, не примыкает ни к одной из партий. Его цель – крепить дружбу болгарского и российских народов. Они и крепят: устраивают фестивали и выставки, организуют встречи делегаций, следят за сохранностью памятников, посвящённых русским братьям, спасшим болгар от османского ига. А ещё ежегодно устраивают весёлый фестиваль на озере Копринка, возле легендарной Шипки...

Да, в Болгарии есть люди, которые не испытывают симпатии к России. Но, поработав в этой стране несколько лет корреспондентом, я твёрдо знаю: большинство болгар – русофилы, и этого не отменить никакими указаниями...».

Зарубежные командировки Юрия Совцова следовали одна за другой. А следом за ними выходили интересные публикации журналиста о прелестях и превратностях зарубежной жизни. Но мне больше других запомнилась одна поучительная история, рассказанная им.

Когда-то американские коллеги-журналисты предложили Юрию съездить на табачную американскую фабрику:

«Я, честно сказать, не запрыгал от восторга. Ну, фабрика, ну, табачная, я и без американцев повидал фабрик немало, но что делать, не огорчать же коллег! Поехали.

От Нью-Йорка до Вирджинии путь неблизкий, было время вспомнить, как я лет десять назад бросал курить. Да, это было не просто! Во-первых, от курева я пытался отказаться не раз и не два. Чего только не делал: дымил «Беломором» и махоркой, чтобы вызвать отвращение к табаку. Терпел без сигарет, скажем, неделю, и всё это время нестерпимо хотелось затянуться, по ночам снилось, что курю. Превращался в злого неврастеника, грубил близким и... снова закуривал.

А бросил сразу и очень легко. Когда родилась внучка, я подумал: а зачем ей такой дед, от которого постоянно несёт табаком? И всё, и забыл, надеюсь, навсегда эту проклятую привычку!..

Так вот, когда прибыли, я понял, что таких фабрик мне видеть не приходилось. Не цеха, а сады, не столовые, а настоящие рестораны, отлично оборудованные зоны отдыха, спортзал, короче, не фабрика, а курорт.

Сопровождавший меня менеджер пояснил: здесь всё сделано по предложению рабочих. Сначала наняли будущих тружеников, потом выслушали их предложения и только потом построили предприятие...

Что ещё мне запомнилось: почти все здешние работницы (коллектив фабрики в большинстве своём женский) курили. Не покуривали, а жадно дымили прямо у конвейера почти без перерыва...

И тут мне пришёл в голову простой вопрос: а для чего всё это промышленное величие? Отбросим в сторону немалую прибыль, социальные, культурные и спортивные программы, в которых участвуют производители сигарет. Что остаётся? Остаётся... смерть. А что же ещё?

Надеюсь, никто не будет оспаривать прямую связь курения и онкологии? Не секрет, кстати, что по итогам «работы» той самой фабрики один за другим скончались от рака легких четверо «ковбоев», участвовавших в рекламе знаменитых американских сигарет.

Всем ли курильщикам приходит в голову эта самая очевидная мысль? Увы! В России всё ещё «дымят» 26 процентов населения (пять лет назад эта цифра равнялась 40 процентам, и мы занимали первое место в мире по этому печальному показателю). Да, ряды курильщиков редеют, но ведь и дымящая четверть населения, согласитесь, тоже немало. Меня, москвича, огорчает и тот факт, что и в столице доля курильщиков ничуть не меньше...

Да, борьба с куревом развернулась нешуточная. Но и производители сигарет не собираются переходить на выпуск леденцов. Какие только соблазны не пускают они в ход.

Вот лишь несколько отрывков из рекламы курева. «Сигаретный дым не горчит и оставляет приятное, сладкое, долгоиграющее послевкусие, какого не встречается у конкурентов», «Черри с ромом. Этот вкус уникален», «Кофейный аромат и полное отсутствие соперников создают вокруг этих сигарет ауру загадочности»... Никто, конечно, не пишет в своих буклетах о том, какие именно добавки входят в состав табака. И уж, конечно, никаких намёков насчёт того, что табачный дым содержит более 3000 химических соединений, часть из которых – смертельные канцерогены.

Мой прошлый опыт заядлого курильщика говорит об одном: никто, кроме вас самих, ребята, не заставит вас отказаться от курева. Помочь – помогут, но самое важное решение за вами. Соберите волю в кулак, откажитесь от никотина, и взамен вы получите свободу. Оно того стоит!»

Сейчас Юрий Александрович – на заслуженном отдыхе. Однако продолжает сотрудничать с разными изданиями, занимается общественной деятельностью. Он – член Попечительского совета издательских программ Данилова монастыря и Патриаршего центра духовного развития детей и молодёжи.

Не забывает и о «Комсомольской правде», которой отдано столько лет жизни. В «Клубе ветеранов «Комсомолки» – есть и такая региональная общественная организация – ему доверено быть председателем правления.

Уверен, что свою малую Родину он вспоминает добрым словом. Недавно перелистал фотоальбом «Кузбасс» (Москва, издательство Планета, 1986) – о Кемеровской области, одним из авторов которого является Юрий Александрович. Книга сделана красиво, тепло, со вкусом...

Об авторе

Сергей Черемнов родился 12 января 1956 года в Прокопьевске. Окончил здесь школу № 3 (1973), затем – филологический факультет Кемеровского государственного университета (1978). Первую заметку опубликовал 5 ноября 1973 года в студенческой газете КемГУ «Молодой учитель».

Работал в городской газете «Шахтёрская правда» – корреспондентом, заведомом промышленности. В 1983-1985 гг. был собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс» по Прокопьевску, Киселёвску и Прокопьевскому району. В 1985-1987 гг. – работал главным редактором городской газеты «Шахтёрская правда» в г. Прокопьевске.

В 1987 году решением бюро областного комитета КПСС был переведён на работу в Кемерово – заведующим сектором печати, телевидения и радиовещания Кемеровского обкома партии.

В 1991 году с группой энтузиастов организовал первую негосударственную областную телерадиокомпанию «Агентство информации Кузбасса – АИК», работал в ней главным редактором.

В 1994-м стал руководителем пресс-службы вновь созданного представительного органа региона – областного Законодательного Собрания Кемеровской области 1-го созыва.

В 1996-1997 годы в Москве возглавлял пресс-службу российского Министерства по делам СНГ. Затем работал начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области – пресс-секретарём губернатора (1997-2011).

После этого был помощником вице-президента АО «Сибирский Деловой Союз».

В 2015-2020 годы трудился заместителем председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области (г. Владимир).

Член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Награждён Почётной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации. Лауреат премии Кузбасса. Удостоен ордена «Доблесть Кузбасса», медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени и других наград Кемеровской и Владимирской областей.

Увлекается фотографией, неоднократно был участником фотовыставок, в том числе – фотовыставок «Новый век. Европа, Россия, Кузбасс» (2005), «Какими мы были» (2005), «Притягательный регион России» (2006), «Из дальних странствий возвратись...» (2006), «Акценты» (2012), «Город в творческом объективе» (2013).

Его статьи, рассказы, фотографии публиковали в международной, центральной и местной печати: в газетах «Известия», «Труд», «Российская газета», «Коммерсант», «Ведомости», «Комсомольская правда», «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», «Владимирские ведомости»; журналах Греции, «Огни Кузбасса», «Кузбасс XXI век», «Борщ» и других; в книгах о Кемеровской области.

Автор фотоальбомов и фотокниг «Фоторакурсы», «Миры и мироздания», «Харизма», «Кузбасс – Китай. Новые грани сотрудничества», «ФотоФакты или Пьер Ришар, Владимир Путин, Лео Бокерия и ужин у президента Украины»; сборников

рассказов «На картошку», «Ёршик с ангиной», «Партийный хит сезона», «Сибиряки на Варварке»; книг и сборников очерков «Золотое перо Кузбасса», «Судьба в журналистике. Книга памяти журналистов Кузбасса», «Творческие люди» т. 1-3; был главным редактором изданий «Журналистика Кузбасса: строки истории», «Овеянные славой дороги в сорок пятый» и других.

В феврале 2013 года организовал интернет-портал **слово-сочетание.рф**, посвящённый журналистам и журналистике Кемеровской области. На его страницах особое внимание уделяется освещению истории средств массовых коммуникаций Кемеровской области, сохранению памяти об известных журналистах, писателях, поэтах, художниках, актёрах.

Оглавление

Глава 1. В памяти – их имена

Василий Кравчук. Книга на ладони.....	4
Юрий Светлаков: «Пусть дух открытий не покинет вас».....	30
Эмилия Калачикова: «Наша каждодневная работа – подтверждение веры, надежды, любви».....	68
Анатолий Владимирович Клишин – журналист и учитель.....	75
Андрей Ореховский подписывал свои материалы «фронтовой корреспондент».....	83
Лариса Мызина: «Надо сделать всё, чтобы изобразительное искусство перестало быть для зрителей чем-то элитарным».....	93
Журналистские «раскопки» Сергея Голишева.....	103
Руслан Александрович Лынёв – профессионал высокого класса.....	109
Владлен Анчишкин: «Прошлое всегда подёрнуто дымкой грусти.....	118

Глава 2. От Прокопьевска до Парижа

Раиса Данилова: «Какая же была умница, что так решительно кинулась в неизведанное – в журналистику!».....	123
Александр Карин: от Прокопьевска до Парижа.....	138
Ирина Тин (Иващенко): «За свою журналистскую карьеру какие только профессии на себя не «примерила».....	168
Олег Чернов: в поисках самого себя.....	173
Ойкумена Владимира Берязева.....	191
Журналист Владимир Снегирёв: «Я всегда поднимаю тост за удачу...».....	210
Юрий Совцов относит себя к «Русофилам».....	219
Об авторе.....	225

Сергей Иванович Черемнов

Творческие люди
(очерки, зарисовки, статьи, эссе)
Книга третья

Массово-публицистическое издание

(Электронная книга)

Компьютерная вёрстка автора

Редактор Нина Инякина

Создание pdf Илья Рожков

В книге использованы фотоиллюстрации
из личного архива автора и Internet
Подготовлено к публикации 10.03.2023 г.

© Черемнов С.И.,
г. Кемерово,
2023 г.